

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

13

Выпуск (894)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

13

Issue (894)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 13 (894)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Толкачев Сергей Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Минский государственный лингвистический университет (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 13 (894)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alieвна	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osminina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Tolkachev Sergey Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Minsk State Linguistic University (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Теоретико-методологический обзор научной литературы о культуре отмены: лингвистический аспект АРАКЕЛОВА А. Р., ШИРЯЕВА Т. А., АЙВАЗЯН Н. Б.	9
Функционирование английских наименований питания в современном общественно-политическом дискурсе БОНДАРЧУК Г. Г., ГРАЧЕВ Г. В.	15
Лингвокогнитивный анализ научного текста: гибридизация под воздействием многоканального порождения БУБНОВА Г. И.	23
К вопросу об аргументации в интернет-дискурсе (на материале франкоязычного интернет-комментария) БЫКОВА О. А.	31
Когнитивная война: к вопросу о разработке терминологического аппарата ГУСЕЙНОВА И. А., РЕШЕТНИКОВ К. Ю.	37
Антропоморфные метафоры как способ формирования языковой картины мира португальцев (на материале рекламных текстов в сфере энологии) ДОЛГИХ З. Б., ЧАСОВИКОВА И. М.	46
Конститутивные признаки дискурсивных маркеров французского языка ЗУЕВА Е. С.	54
Когнитивные основания метафоризации и метонимизации гипонимов (на материале французского и английского языков) КУЗНЕЦОВ В. Г.	61
Сравнительно-сопоставительная характеристика мультипликативных глаголов в русском и итальянском языках ЛЕНТОВСКАЯ А. В.	68
Ошибки лексико-семантической парадигматики в русских переводах китайскоязычных общественных знаков ЛИФЭНЬ ЛЮ, ЛИНА ВАН	76
Особенности авторского описания Первого крестового похода (на материале хроники Жилоня Парижского XII века) МАНУХИНА А. О.	83
Лингвосемиотическая специфика референции к прецедентным высказываниям советской эпохи в современных поликодовых текстах МАРЧЕНКО Т. В.	90
Вербализация фреймового состава концепта СПИДа во французской художественной литературе МАСЛОВА Л. О.	98

СОДЕРЖАНИЕ

Прецедентные топонимы в итальянском языке и их функционирование в дискурсе современных итальянских СМИ МУШТАНОВА О. Ю., ИВАНОВА А. А.	105
Языковые средства описания внешности литературного героя: сопоставительный анализ на базе корпуса параллельных текстов СТЕПАНОВА Д. В., ЯНОВСКАЯ А. С.	112
Об англицизмах-прецедентных феноменах в заголовках статей (на материале современной французской прессы) ШУМАКОВА А. Н.	121

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Триггер смены авторской установки в пенталогии Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» БОНДАРЕВ А. П.	127
Остоженка, 38 в «московском тексте» Ф. М. Достоевского БОРИСОВА В. В.	134
Современная постколониальная литература Великобритании: драма или новая реальность? ТОЛКАЧЕВ С. П.	141

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Проблематика формирования множественной идентичности у спортивных легионеров АВЕРИНА М. В.	148
Концепт «культура соучастия» в трудах отечественных ученых КУПЦОВА И. А., СТАЛЬНАЯ А. В.	154
Анализ концептов внешней культурной политики Китая на примере инициативы «Один пояс – один путь» ТАРАСОВА Е. И.	160

LINGUISTICS

Theoretical and Methodological Review of Scholarly Literature on Cancel Culture: A Linguistic Perspective ARAKELOVA A. R., SHIRYAEVA T. A., AYVAZYAN N. B.	9
Functioning of English Food Names in Modern Socio-Political Discourse BONDARCHUK G. G., GRACHEV G. V.	15
Linguocognitive Analysis of a Scientific Text: Hybridization Under the Influence of Multichannel Generation BUBNOVA G. I.	23
On the Issue of Argumentation in Internet Discourse (based on Francophone Internet comments) BYKOVA O. A.	31
Cognitive Warfare: on the Issue of Developing a Terminological Apparatus GUSEYNOVA I. A., RESHETNIKOV K. YU.	37
Anthropomorphic Metaphors as a Way of Forming the Portuguese Linguistic Picture of the World (on the material of advertising texts in the field of enology) DOLGIKH Z. B., CHASOVIKOVA I. M.	46
The Constitutive Features of Discourse Markers in French ZUEVA E. S.	54
Cognitive Foundations of Metaphorization and Metonymization of Hyponyms (based on English and French) KUZNETSOV V. G.	61
Contrastive Analysis of Multiplicative Verbs in Russian and Italian LENTOVSKAYA A. V.	68
The Errors of lexical-Semantic Paradigmatics in the Russian Translation of Chinese-Language Public Signs LIU LIFEN, WANG LINA.....	76
Features of the Author's Description The First Crusade (Based on the Chronicle of Gilo Parisiensis of the 12 th Century) MANUHINA A. O.	83
Linguosemiotic Features of Reference to Precedent Statements of the Soviet Epoch in Modern Polycode Texts MARCHENKO T. V.	90
Verbalisation of the Frame Structure of the AIDS Concept in French Fiction MASLOVA L. O.	98
Precedent Toponyms in the Italian language and Their Functioning in the Discourse of Modern Italian Mass Media MUSHTANOVA O. Y., IVANOVA A. A.	105

CONTENTS

Linguistic Means of a Fictional Hero Appearance Description: a Comparative Analysis on the Basis of a Parallel Text Corpus STEPANOVA D. V., YANOVSKAYA N. S.	112
---	-----

On English Loanwords-precedent Phenomena in the Titles of Articles (based on the present-day French news magazines) SHUMAKOVA A. N.	121
--	-----

LITERARY STUDIES

The Trigger for a Change in Author's Mindset in Francois Rabelais' Pentalogy "Gargantua and Pantagruel" BONDAREV A. P.	127
---	-----

Ostozhenka, 38 in the "Moscow Text" of F. M. Dostoevsky BORISOVA V. V.	134
--	-----

Modern Postcolonial Literature of Great Britain: Drama or New Reality? TOLKACHEV S. P.	141
--	-----

CULTUROLOGY

The Issue of Formatting Multiple Identities Among Sports Legionnaires AVERINA M. V.	148
---	-----

The Concept of a "Culture of Participation" in the Works of Domestic Scientists KUPTSOVA I. A., STALNAYA A. V.	154
--	-----

Analysis of the Concepts of China's Foreign Cultural Policy on the Example of the "One Belt, One Road" Initiative TARASOVA E. I.	160
---	-----

Теоретико-методологический обзор научной литературы о культуре отмены: лингвистический аспект

А. Р. Аракелова¹, Т. А. Ширяева², Н. Б. Айвазян³

^{1,2}Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

¹amaliia.arakelova@gmail.com

²shiryaevat@list.ru

³Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар, Россия, n-ajvazyan@mail.ru

Аннотация. Культура отмены, будучи значимым явлением для ряда лингвокультур, все с большей долей интенсивности подвергается полноценному научному анализу. Цель данной обзорной статьи – обобщить и проанализировать имеющиеся исследования культуры отмены в российской и зарубежной лингвистике. Итог подробного научного обзора практических и теоретических статей, отобранных по критериям тематики, источника, языка (английский) – это систематизация направлений исследования культуры отмены, определение главенствующих смыслов в отечественной и западной научной среде. Авторами также были выявлены лакуны в научном знании на данную тему: вопрос связи ценностей культуры отмены и языка является малоизученным.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, культура отмены, дискурс культуры отмены, критический дискурс-анализ, онлайн-коммуникация

Для цитирования: Аракелова А. Р., Ширяева Т. А., Айвазян Н. Б. Теоретико-методологический обзор научной литературы о культуре отмены: лингвистический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 9–14.

Review article

Theoretical and Methodological Review of Scholarly Literature on Cancel Culture: a Linguistic Perspective

Amaliya R. Arakelova¹, Tatyana A. Shiryayeva², Nadezhda B. Ayvazyan³

^{1,2}Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

¹amaliia.arakelova@gmail.com

²shiryaevat@list.ru

³Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia, shiryaevat@list.ru

Abstract: The phenomenon of cancel culture, being significant for a number of linguocultures, is increasingly subjected to thorough scientific analysis. The aim of this review article is to summarize and synthesize existing research dedicated to the phenomenon of cancel culture in Russian and foreign linguistics. A complete study of theoretical and practical articles which were selected according to such criteria as topic, source, and language, has made it possible to systematize research directions of cancel culture, to determine predominant ideas in Russian and Western academic environments, and to identify gaps in scientific knowledge on this topic, which include the insufficient study of the connection between the values propagated within the framework of cancel culture, and language.

Keywords: axiological linguistics, cancel culture, cancel culture discourse, critical discourse analysis, online communication

For citation: Arakelova, A. R., Shiryayeva, T. A., Ayvazyan, N. B. (2024). Theoretical and Methodological Review of Scholarly Literature on Cancel Culture: a Linguistic Perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 9–14. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Культура отмены прочно вошла в современную политическую, культурную и научную парадигму как явление многоуровневое, концептуально сложное и действительно значимое. Благодаря развитию коммуникационных процессов, которое во многом обусловлено интенсивностью и разнообразием современных способов обмена информацией [Авакова, Будняя, Айвазян, 2022], большое количество людей может в максимально короткие сроки выражать свое мнение онлайн и подвергать отдельных индивидов или целые институты остракизации или «отмене».

Поскольку одной из наиболее распространенных причин для отмены становится именно вербальное поведение людей, на сегодняшний день ведутся активные научные исследования, посвященные общению, порождаемому культурой отмены, коммуникативным стратегиям и речевым особенностям поведения участников подобного общения. Данное исследовательское направление позволяет определить специфические языковые установки и способы бытия (со) общества, будь то профессиональное, культурное, этническое, территориальное, демографическое или иное социальное объединение. Данный фактор приводит к увеличению актуальности обзорных научных статей, которые системно отражают уже полученные данные, имеют измерительный характер и позволяют наметить дальнейшие направления научного поиска. Результаты аналитических статей, включая данную, не ограничиваются лишь теоретическими выводами и могут быть использованы как для академических целей, так и в сфере новостной журналистики, в лингвосоциологии, лингвокультурологии, экономике, теологии и т. д.

Гипотеза данного исследования заключается в том, что культура отмены особо значима в современном обществе. Она оказывает большое влияние на общественное мнение, социальные взаимодействия и институциональные практики, а ее лингвистический анализ раскрывает важные тенденции и противоречия в области социальных норм, свободы слова и ответственности, что помогает глубже понять ее функционирование и влияние на различные сферы общества.

Целью данной обзорной статьи является обобщение и систематизация разрозненных знаний о культуре отмены в лингвистике, а также определение наиболее эффективного метода для изучения культуры отмены как языкового феномена. Для достижения поставленной цели мы определили следующие задачи:

- 1) сбор информации о состоянии вопроса, сравнение информации из различных источников;
- 2) обобщение имеющихся знаний и определение тенденций в развитии этих знаний;
- 3) выделение направлений исследований, которые являются лакунными.

Новизна исследования обусловлена содержательной стороной статьи, которая обобщает не только более известные работы по культуре отмены, но и последние авторитетные научные статьи исследователей двух лингвокультур – русскоязычной и англоязычной. Более того, на данный момент отсутствуют подробные систематизирующие научные работы по культуре отмены на русском языке.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Материалом исследования являются русскоязычные и англоязычные научные статьи о культуре отмены, опубликованные в ведущих отечественных и зарубежных научных источниках в период с 2020 по 2024 года. Для выявления степени изученности вопроса, анализа и синтеза знаний на тему культуры отмены мы придерживались следующих критериев, применяемых нами к материалам исследования:

- а) все издания, послужившие источником теоретического материала, являются авторитетными изданиями с активной публикационной деятельностью;
- б) каждая из научных статей, обзореваемых в данной работе, опубликована под авторством профессиональных ученых и редакторов, кандидатов и докторов наук, и вносит определенный вклад в научную парадигму;
- в) анализируемые научные работы посвящены феномену культуры отмены и относятся к лингвистическому или смежному исследовательскому направлению.

Специфика данного исследования, поставленные цели и задачи, и собственно тема обусловили выбор научных методов и инструментов анализа. Пошаговая процедура исследования включала поиск и отбор материала исследования – мониторинг статей, отвечающих обозначенным критериям; анализ имеющихся научных работ: определение направленности исследований по языковым аспектам культуры отмены, выделение основных методов исследований в этой области; интерпретация и обобщение полученных данных и определение вектора дальнейших исследований. Используемые академические базы данных: eLIBRARY.ru, КиберЛенинка, Научная электронная библиотека диссертаций РГБ, Google Scholar, JSTOR.

РЕЗУЛЬТАТЫ НАУЧНОГО ОБЗОРА

Культура отмены в зарубежных исследованиях

Поскольку культура отмены зародилась в англоязычной среде, на сегодняшний день исследования зарубежных авторов весьма обоснованно преобладают в научной среде. В результате проведенной аналитической работы удалось установить, что научный фокус в отечественных и зарубежных исследованиях дискурса и культуры отмены различается.

Наиболее актуальным направлением лингвистического поиска для исследователей из-за рубежа является изучение влияния культуры отмены на свободу слова и проистекающие отсюда речевые и дискурсивные особенности. Культура отмены рассматривается в подобных исследованиях как механизм подавления вербального (само-)выражения и языковой цензуры. Так, А. Триго указывает на деструктивный потенциал онлайн-инструментов: медийный нарратив имеет избирательное воздействие в онлайн-среде¹. В результате, социальные медиа содержат обсуждения, отличающиеся поверхностным подходом, и формируют эхо-камеры – существующие онлайн-ситуации общения, в рамках которых участники коммуникации делают выбор в пользу идеологически близкой информации и риторики и ограничивают проникновение в их онлайн-среду взглядов, отличных от их собственных². По мнению Г. Бувьер, платформы обмена сообщениями действительно могут играть положительную роль в борьбе с системным расизмом и другими социальными неравенствами, однако их особенности часто препятствуют последовательному и внимательному обсуждению, приводя к быстрому, упрощенному, противоречивому комментированию пользователей на платформе [Bouvier, 2020].

Исследовать ограничения лингвистического характера, навязываемые культурой отмены, ученым также удается благодаря анализу среды – будь то онлайн-среда или институциональный контекст, например, пространство колледжей и кампусов. Стереотипы и карикатуры, распространяющиеся в университетской среде, также представляют интерес для лингвистики. Исследования такого рода контента несут практическую значимость в связи с их инструментальным потенциалом по сбалансированию

¹Trigo A. L. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters // PopMeC Research Blog. 2020. URL: <https://www.researchgate.net/publication/344512933> (дата обращения: 10.01.2024).

²Декалов В. В. Эхо-камера // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/ekho-kamera-878631/?v=8984520> (дата публикации: 15.11.2023).

обязательств университетов относительно свободы слова и инклюзивному сообществу в их кампусах [Coleman, 2023].

Ряд исследователей обращает внимание на факторы, лежащие в основе феномена культуры отмены, в частности, на дискурсивный обмен на социальных платформах. Так, ученые указывают на необходимость изучения прагматической категории вежливости / невежливости, а также экологии жанра, где синергия моральных эмоций является ключом к пониманию групповой сущности и агентности [Blitvich, 2024; Halpern, Gibbs, 2013]. Глобальные социальные сети расширяют поток информации и обеспечивают относительно симметричную коммуникацию между пользователями, в то время как в *YouTube*, где анонимность и деиндивидуация более выражены, степень вежливости ниже [Halpern, Gibbs, 2013]. Более того, анализ коммуникации на крупнейшей видеохостинговой платформе *YouTube* свидетельствует о продолжающейся динамичной борьбе за власть и о невозможности привести участников коммуникации к ответственности за определенные поступки и слова [Lewis, Christin, 2022].

Сходным образом изучение дискурсивного обмена в рамках социальных сетей позволило установить связь культуры отмены с распространением специально созданной ложной информации, что формирует сложную сеть дискурсивных практик [Picarella, 2024].

Таким образом, многие зарубежные исследователи считают, что происходящий в ряде социальных сетей обмен не стимулирует здоровую дискуссию, а приводит к поверхностным суждениям и вырванным из контекста комментариям. Хотя современные технологии создали и расширили пространство для обмена мнениями и качественных дискуссий, для информирования и образования, типы дискуссий и коммуникаций, происходящих (преимущественно) в онлайн-пространстве вызывают множество вопросов и определяют ключевые направления лингвистического анализа феномена культуры отмены.

Культура отмены в российской лингвистике

Современная отечественная научная лингвистическая парадигма рассматривает культуру отмены как явление языкового порядка. Как таковое оно получает пристальное внимание и анализ с точки зрения прагматики и стилистики общения, а также изучается на уровне лексики, грамматики, конкретных тем и дискурсивного взаимодействия [Фефелов, 2022].

Отечественные ученые усматривают актуальность исследований, посвященных культуре отмены, в увеличивающейся в объемах так называемой агрессивной коммуникации и необходимости ее сдерживать и контролировать. Так, в своей работе С. В. Шустова и А. А. Шипицин идентифицируют и описывают семантический потенциал неологизмов, заимствованных из английского языка в русский. Как отмечают авторы, лексемы-неологизмы употребляются для критики людей, демонстрирующих дискриминационные практики, в основе которых лежат физические параметры людей (*бодибейминг*), возраст (*эйджизм*), какие-либо отличительные черты личности (*харассмент*) и т. д. [Шустова, Шипицин, 2023]. Терминологический аспект феномена «культура отмены» важен для изучения, поскольку позволяет лучше понять сущность явления и достигнуть столь важной для лингвистических исследований терминологической точности [Мирзаева, 2023].

Поскольку культура отмены на сегодняшний день относится не только к отдельно взятым личностям и предприятиям, но и к феноменам большего масштаба, таким как языки и культуры, ряд ученых рассматривает в настоящее время возможность отмены русского языка как такового. Тенденция к уменьшению интереса и уважения к языку связана с определенными геополитическими событиями. Одни исследователи считают, что русский язык сохраняет статус одного из важнейших языков культурного и международного взаимодействия [Майорова, 2022]. Другие – подчеркивают роль культуры отмены как действенную часть информационной войны, осуществляемой государствами против нашей страны [Купина, 2022].

Проводятся и практикоориентированные лингвистические исследования, которые направлены на моделирование ситуаций «отмены» посредством языка. Так, А. Ю. Мелина приписывает инструментальную значимость лингвистическим способам воздействия. По мнению автора, они способны не только формировать общественное мнение, но и в определенной степени контролировать даже людей с жесткими убеждениями [Мелина, 2023].

Анализ имеющейся литературы также выявил аксиологическое направление исследований культуры отмены – это исследования, которые устанавливают взаимосвязь культуры отмены со спецификой ее вербальной реализации. И. И. Дубинина, к примеру, изучает дискурсивную практику культуры отмены в контексте изменения оценочного компонента языковых единиц на примере лексем *woman* и *man* [Дубинина, 2023]. Лингвисты А. П. Миньяр-Белоручева и П. И. Сергиенко исследуют то, как пиар-коммуникации формируют новые

моральные и культурные ценности в западном обществе, в частности в контексте культуры отмены [Миньяр-Белоручева, Сергиенко, 2023].

Следует отметить недостаточную изученность аксиологического компонента коммуникации в рамках культуры отмены. С учетом того, насколько любое поведение человека регулируется ценностными системами, которые передаются от поколения к поколению посредством языка, – это лакуна, которая должна быть закрыта исследованиями на стыке аксиологии и лингвистики. Представляется, что перспективными направлениями научного поиска является изучение способов вербализации ценностей, выявление коммуникативных оценочных стратегий, компаративные и корпусные исследования дискурса культуры отмены, практические лингвосociологические исследования влияния ценностей, вербализуемых в речевой деятельности участников общения, направленной на восприятие явлений действительности, в том числе порождаемых культурой отмены, и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье были проанализированы различные аспекты и методы исследования культуры отмены через призму лингвистики и смежных дисциплин, что позволило выявить ключевые тенденции и проблемы, связанные с вербальной стороной данного феномена и изменением социальных норм. Анализ отечественной и зарубежной литературы показал, что культура отмены является значимым социальным и лингвистическим феноменом, оказывающим влияние на общественное мнение и коммуникацию в современном обществе.

Одним из важных результатов исследования стало выявление различий в подходах и фокусах исследований, проведенных в англоязычной и русскоязычной научных средах, что подчеркивает важность комплексного и многоуровневого подхода к изучению культуры отмены. При этом большая часть исследований обращена к определению и изучению роли социальных сетей и медиаплатформ в распространении и усилении риторики культуры отмены. Обзор статей показал, что дискурсивные практики в онлайн-среде часто приводят к поверхностным суждениям и поляризации мнений, что затрудняет конструктивное обсуждение и углубленный анализ социальных проблем.

Исследование культуры отмены как языкового и социального явления требует обращения к ценностным системам и этическим нормам. При этом имеющиеся исследования недостаточны для полноценных выводов о связи культуры отмены, ценностей и языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авакова М. Л., Будняя О. Н., Айвазян Н. Б. Языковые особенности реализации категории убеждения в англоязычном туристическом интернет-дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5 (96). С. 328–331. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-596-328-331.
2. Bouvier G. Racist call-outs and cancel culture on Twitter: The limitations of the platform's ability to define issues of social justice // *Discourse, Context & Media*. 2020. No. 38. P. 100431. DOI 10.1016/j.dcm.2020.100431.
3. Coleman F. The Anatomy of Cancel Culture // *Journal of Free Speech Law*. 2022. Issue 2 (1). P. 205–257.
4. Blitvich P. Pragmatics, (Im)Politeness, and Intergroup Communication: A Multilayered, Discursive Analysis of Cancel Culture. 2024. DOI: 10.1017/9781009184373.
5. Halpern D., Gibbs J. Social Media as a Catalyst for Online Deliberation? Exploring the Affordances of Facebook and YouTube for Political Expression // *Computers in Human Behavior*. 2013. 29. PP. 1159–1168. DOI 10.1016/j.chb.2012.10.008.
6. Lewis R., Christin A. Platform drama: “Cancel culture,” celebrity, and the struggle for accountability on YouTube // *New Media & Society*. 2022. No. 24 (7). P. 1632–1656. DOI: 10.1177/14614448221099235.
7. Picarella L. Intersections in the digital society: cancel culture, fake news, and contemporary public discourse // *Frontiers in Sociology*. 2024. No. 9. PP. 1-6. DOI: 10.3389/fsoc.2024.1376049.
8. Фефелов А. Ф. Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 1. С. 126–144. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144.
9. Шустова С. В., Шипицин А. А. Новая лексика в дискурсивной практике «культуры отмены» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. № 9 (3). С. 203–217. DOI: 10.22250/24107190_2023_9_3_203.
10. Мирзаева Д. У. Является ли культура отмены культурой? // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2023. № 4 (56). С. 59–75. DOI 10.31249/chel/2023.04.04.
11. Майорова Е. В. Культура отмены: можно ли отменить язык? // Этнопсихоллингвистика. 2022. № 2 (9). С. 77–83. DOI: 10.31249/epl/2022.02.06.
12. Купина Н. А. Отмена русской культуры: идеологический маховик в действии // Политическая лингвистика. 2022. № 5 (95). С. 82–90.
13. Мелина А. Ю. О возможности влияния на процессы «культуры отмены» при помощи лингвистических средств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 8 (876). С. 59–65. DOI: 10.52070/2542-2197_2023_8_876_59.
14. Дубинина И. И. Аксиологический конфликт как потенциальный триггер дискурсивной практики культуры отмены (на материале обновленных словарных статей «woman» / «man» в Кембриджском словаре (2022)) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 12. С. 4153–4159. DOI: 10.30853/phil20230631.
15. Миньяр-Белоручева А. П., Сергиенко П. И. Лингвокультурные ценности PR-коммуникации в эпоху новой этики // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 1. С. 59–69.

REFERENCES

1. Avakova, M. L., Budnyaya, O. N., Ayvazyan, N. B. (2022). Yazykovye osobennosti realizacii kategorii ubezhdeniya v angloyazychnom turistichestkom internet-diskurse = Linguistic features of the implementation of the category of persuasion in the English-language tourist Internet-discourse. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 5(96), 328–331. 10.24412/1991-5497-2022-596-328-331. (In Russ.)
2. Bouvier, G. (2020). Racist call-outs and cancel culture on Twitter: The limitations of the platform's ability to define issues of social justice. *Discourse, Context & Media*, 38, 100431. 10.1016/j.dcm.2020.100431.
3. Coleman, F. (2022). The anatomy of cancel culture. *Journal of Free Speech Law*, 2(1), 205–257.
4. Blitvich, P. (2024). Pragmatics, (im)politeness, and intergroup communication: A multilayered, discursive analysis of cancel culture. 10.1017/9781009184373.
5. Halpern, D., Gibbs, J. (2013). Social media as a catalyst for online deliberation? Exploring the affordances of Facebook and YouTube for political expression. *Computers in Human Behavior*, 29, 1159–1168. 10.1016/j.chb.2012.10.008.
6. Lewis, R., Christin, A. (2022). Platform drama: “Cancel culture,” celebrity, and the struggle for accountability on YouTube. *New Media & Society*, 24(7), 1632–1656. 10.1177/14614448221099235.
7. Picarella, L. (2024). Intersections in the digital society: Cancel culture, fake news, and contemporary public discourse. *Frontiers in Sociology*, 9, 1–6. 10.3389/fsoc.2024.1376049.

8. Fefelov, A. F. (2022). Diskurs vokrug cancel culture kak ob'ekt lingvokul'turnogo i perevodcheskogo analiza: logika protiv "logiki" = The Discourse around Cancel Culture as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs "Logic". Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 20(1), 126–144. 10.25205/1818-7935-2022-20-1-126-144. (In Russ.)
9. Shustova, S. V., Shipitsin, A. A. (2023). New vocabulary in the discursive practice of 'Cancel Culture'. Theoretical and Applied Linguistics, 9(3), 203–217. 10.22250/24107190_2023_9_3_203. (In Russ.)
10. Mirzaeva, D. U. (2023). Is cancel culture culture? Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects, 4(56), 59–75. 10.31249/chel/2023.04.04. (In Russ.)
11. Mayorova, E. V., (2022). Cancel culture: is it possible to cancel a language? Ethnopsycholinguistics, 2(9), 77–83. 10.31249/epl/2022.02.06. (In Russ.)
12. Kupina, N. A. (2022). Russian Culture Abolition: The Ideological Flywheel in Action. Political Linguistics, 5(95), 82–90. 10.26170/1999-2629_2022_05_07. (In Russ.)
13. Melina, A. Y. (2023). Prospects of Impacting Cancel Culture with Linguistic Means. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(876), 59–65. 10.52070/2542-2197_2023_8_876_59. (In Russ.)
14. Dubinina, I. I. (2023). Axiological conflict as a potential trigger for the discourse practice of cancel culture (based on the updated dictionary entries "woman"/ "man" in the Cambridge Dictionary (2022)). Philology. Theory & Practice, 16(12). 10.30853/phil20230631. (In Russ.)
15. Minyar-Beloucheva, A. P., Sergienko, P. I. (2023). Linguistic and cultural values of PR communication at the cancel culture time. Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication, 1, 59–69. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Аракелова Амалия Робертовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации
Пятигорского государственного университета

Ширяева Татьяна Александровна

доктор филологических наук, профессор
заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации
Пятигорского государственного университета

Айвазян Надежда Борисовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры иностранных языков
Кубанского государственного аграрного университета им. И. Т. Трубилина

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arakelova Amaliya Robertovna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of English Language and Professional Communication
Pyatigorsk State University

Shiryayeva Tatyana Alexandrovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Head of the Department of English Language and Professional Communication
Pyatigorsk State University

Ayvazyan Nadezhda Borisovna

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Foreign Languages
Kuban State Agrarian University

Статья поступила в редакцию	18.09.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.10.2024	
принята к публикации	21.10.2024	

Функционирование английских наименований питания в современном общественно-политическом дискурсе

Г. Г. Бондарчук¹, Г. В. Грачев²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹bondarchuk.gal@yandex.ru

²georgegrachev@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается функционирование членов одной из базовых категорий предметно-бытовой лексики английского языка – лексической категории Food «Пища» – в общественно-политическом дискурсе современного английского языка. Основной целью исследования является изучение их роли в реализации как первичной номинативной функции, так и вторичной дополнительной семиотической функции. Материалом послужил лингвистический корпус новостных текстов CNN (37864 предложения или 982107 токенов), собранный во второй половине 2023 года и начале 2024 года с помощью авторского программного обеспечения «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер». В статье приводится также краткий обзор публикаций по изучению наименований из сферы питания и гастрономического дискурса на материале разных языков.

Ключевые слова: лингвистическая семиотика, семиотически маркированная ситуация, семиотически маркированный объект, лексическая категория, общественно-политический дискурс

Для цитирования: Бондарчук Г. Г., Грачев Г. В. Функционирование английских наименований питания в современном общественно-политическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 16–22.

Original article

Functioning of English Food Names in Modern Socio-Political Discourse

Galina G. Bondarchuk¹, Georgiy V. Grachev²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹bondarchuk.gal@yandex.ru

²georgegrachev@gmail.com

Abstract. The article deals with the functioning of the members of one of the basic categories of English subject names – the lexical category “Food” – in the socio-political discourse of modern English. The main purpose of the study is to examine their role in the realization of both primary nominative function and secondary additional semiotic function. The material is a linguistic corpus of CNN news texts (37864 sentences or 982107 tokens) collected in the second half of 2023 and early 2024 with the help of the author’s software “Balanced Linguistic Corpus Generator and Corpus Manager”. The article also provides a brief review of publications on the study of food names and gastronomic discourse carried out on the material of different languages.

Keywords: linguistic semiotics, semiotically marked situation, semiotically marked object, lexical category, socio-political discourse

For citation: Bondarchuk, G. G., Grachev, G. V. (2024). Functioning of English food names in modern socio-political discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 15–22. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Не вызывает сомнения тот факт, что сфера питания (наряду со сферами жилища и одежды) представляет собой одну из основных категорий человеческого бытия, чрезвычайно важную в культурологическом и социальном отношении для каждого народа. Это объясняет непреходящий интерес к ее изучению у ученых, работающих в разных областях науки, и, в частности, к исследованию средств объективации данной сферы в языке. В настоящее время исследования категории питания (в более узком плане – еды / пищи) остаются по-прежнему актуальными в лингвистике и смежных с ней науках, в первую очередь таких, как лингвокультурология, этнолингвистика и лингвосомиотика.

Объектом настоящего исследования, выполненного в русле когнитивной лингвистики, является одна из базовых категорий предметно-бытовой лексики английского языка – лексическая категория «Food» («Пища»), формируемая в английском языке на основе одноименного концепта и объективирующая его в языке. Предметом исследования служит функционирование членов рассматриваемой категории в общественно-политическом дискурсе современного английского языка.

Сразу отметим, что среди всех существующих в настоящее время определений концепта «еда / пища» одним из наиболее всеобъемлющих и обоснованных нам представляется определение, предложенное Е. Е. Анисимовой: «... под концептом “еда” мы понимаем *ментальную структуру, отражающую определенную часть действительности, связанную с гастрономией, и аккумулирующую знания человека о продуктах питания, блюдах, способах их приготовления, существующих пищевых традициях, которая актуализируется в языке посредством лингвистических знаков (номинаций, фразеологизмов, пословиц, поговорок, текстов и т. п.)*» [Анисимова, 2018, с. 33].

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Источником материала послужил предоставленный доктором филологических наук А. И. Горожановым для проведения данного исследования лингвистический корпус новостных текстов CNN (37864 предложения или 982107 токенов), собранный во второй половине 2023 года и начале 2024 года с помощью авторского программного обеспечения «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер»¹. С помощью поисковых запросов в корпусном

менеджере, разработанном в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета [Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2024] были получены контексты употребления (предложения) наиболее частотных наименований питания из корпуса текстов CNN. Характер запросов вытекал из характера базы данных сбалансированного лингвистического корпуса, которая имеет ряд особенностей [Горожанов, 2022; Горожанов, 2023].

КРАТКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИЗУЧЕНИЮ КАТЕГОРИИ «FOOD» («ПИЩА»), ВЫПОЛНЕННЫХ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ

Проведенный анализ научных публикаций, выполненных на материале лексической категории питания за последние 10 лет, показал, что исследования проводятся на материале разных языков (русском, английском, французском, немецком, испанском) и затрагивают разнообразные вопросы формирования и функционирования данной категории в этих языках.

Ученых-англистов интересует как структура категории в ранние периоды развития английского языка, например в древнеанглийский период [Грачев, 2022], так и особенности развития категории английских наименований питания за последние полвека [Коваленская, 2020]. На материале современного английского языка изучается, в частности, аксиологический потенциал неологизмов-гастрономов [Катермина, Соловьева, 2022], их структурные и семантические особенности [Таганова, 2015; Таганова, 2016], на материале испанского языка Мексики – глагольные неогастрономы [Яковлева, 2018].

Ряд работ отличает междисциплинарный характер, поскольку они выполнены в русле одного из новых направлений научных исследований – в русле лингвокультурологии. Так, в них изучаются лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса [Головницкая, 2007]; глуттонический дискурс (его лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты) на материале русского, английского, французского и греческого языков [Ундрцова, 2015]; гастрономическая картина мира в английской неологии [Катермина, 2017].

Обращает на себя внимание тот факт, что во многих работах исследуется функционирование членов категории питания в особом виде дискурса, получившего название «гастрономический дискурс» (в другой терминологии – кулинарный дискурс, глуттонический дискурс). Гастрономический дискурс изучается как особый вид коммуникации,

¹Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023683209, Роспатент.

связанный с состоянием пищевых ресурсов и процессами их обработки и потребления [Олянич, 2015], как вид институционального дискурса [Шохова, Жучкова, 2021]. Отдельно изучается французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра [Косицкая, Зайцева, 2016].

Актуальным является и вопрос о так называемых гастрономических заимствованиях в других языках, например о неологизмах иноязычного характера в составе гастрономической лексики русского языка [Григоренко, 2016], в частности, наименованиях корейских продуктов питания и кулинарных блюд в русских художественных и нехудожественных текстах [Осетрова, 2020], англицизмах в статьях о гастрономии в современной французской прессе [Шумакова, 2019]. Изучаются и другие вопросы.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНГЛИЙСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ ПИТАНИЯ В СЕМИОТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫХ СИТУАЦИЯХ

Для проводимого исследования важным является вопрос об английских наименованиях из сферы питания как носителях дополнительной семиотической информации. Ранее нами было установлено, что в группе предметных имен, относящихся к сфере питания, глубинные структуры общего знания играют исключительно важную семиотическую роль, будучи связаны с социальным статусом потребителя данного продукта, стилем его жизни, социальным поводом употребления данного продукта и т.д. [Бондарчук, Грачев, 2023]. В связи с этим в литературных произведениях авторы активно используют предметные имена данной группы для оценочной (часто имплицитной) характеристики персонажей и элементов сюжета.

Приведем лишь один пример. В своем романе «The Lost Symbol» («Утраченный символ») американский писатель Дэн Браун так описывает рождественский ужин принадлежащей к интеллектуальной элите семьи Соломон:

Even at seventy-five years of age Isabel Solomon was an exuberant cook, and tonight the mouthwatering smells of roast venison, parsnip gravy, and garlic mashed potatoes wafted through the house. (*Dan Brown. The Lost Symbol*) – Даже в свои семьдесят пять лет Изабель Соломон была превосходным поваром, и сегодня вечером по дому разносились аппетитные запахи жареной оленины, подливки из пастернака и картофельного пюре с чесноком.

Одной из задач настоящего исследования являлось определить, выполняют ли наименования из

сферы питания, столь важной для жизни любого общества, дополнительную (или вторичную) индексальную семиотическую функцию не только в языке художественной литературы, но и в других жанрах, например в общественно-политическом дискурсе.

В имеющихся к настоящему времени немногочисленных публикациях, посвященных использованию гастрономической лексики в языке СМИ (как правило, британских), однозначного ответа на данный вопрос не дается. При этом если и признается активная включенность концепта «food» в британский медиадискурс, то подчеркивается неоднородность контекста его употребления. К интересному выводу приходит Т. Г. Пашковская: исследуя контекстуальную реализацию концепта «food» в британской прессе и выявляя стереотипы поведения и пищевые практики, которые навязываются и популяризируются в современном обществе, автор утверждает, что, в отличие от традиционной для концепта «food» положительной коннотации, в постмодернистском медиадискурсе он часто фигурирует в негативном контексте и связан с болезнями, проблемами глобализации и социальной сегрегации [Пашковская, 2018, с. 81].

Как показали результаты проведенного нами исследования, в общественно-политическом дискурсе члены категории питания в большинстве случаев (свыше 80 %) выполняют лишь первичную номинативную функцию, т. е. не несут никакого дополнительного семиотического смысла. В итоге ситуации, в которых они употребляются, не являются семиотически маркированными (термин Е. С. Кубряковой), их можно назвать «семиотически нейтральными», поскольку наименования питания (нередко представляющие собой по структуре сложные слова) упоминаются автором статьи лишь для того, чтобы назвать определенный продукт питания или напиток. Типичными в этом плане можно считать следующие примеры таких ситуаций:

1. The local version, which is sometimes anglicized as *makaron*, is made with peanut flour instead of almond flour, and usually include traditional Japanese flavors like *green tea* or red bean. – Местный вариант, который иногда в английском языке называется словом *makaron*, готовится из арахисовой муки вместо миндальной и обычно включает традиционные японские добавки, такие как зеленый чай или красная фасоль. (Здесь и далее выделение в примерах и перевод наш. – Г. Б., Г. Г.)
2. One of these is *castella*, a Portuguese-inspired pound *cake*. – Один из них – кастелла, фунтовый пирог в португальском стиле.

3. A shop where I used to take my children, to buy *juice and biscuits*, is in shambles. – Магазин, куда я обычно водила своих детей покупать сок и печенье, находится в руинах.
4. And 2023 marked a record-breaking year for the competition, with 4,502 *cheeses*, the highest number ever, arriving “by boat, truck, train and plane” to be judged by an esteemed panel of cheese experts. – А 2023 год стал рекордным для конкурса: 4502 вида сыра, самое большое количество за всю историю, были доставлены «на лодках, грузовиках, поездах и самолетах», чтобы их оценило авторитетное жюри экспертов по сырам.
5. Developed by Welsh co-operative South Caernarfon Creameries, *the cheddar cheese* is sent 152 meters (500 feet) down into the mine to mature for three months before being packaged and sold. – Сыр чеддер, разработанный валлийским кооперативом South Caernarfon Creameries, отправляется в шахту на глубину в 152 метра (500 футов) для созревания в течение трех месяцев, после чего упаковывается и продается.
6. In 2019, Sotheby’s sold a bottle of The Macallan 1926 adorned with one of 14 Fine and Rare labels, for £1.5 million (\$1.9 million), at the time making it the most expensive bottle of *wine or spirit* ever auctioned. – В 2019 году Sotheby’s продал бутылку Macallan 1926 года, украшенную одной из 14 этикеток Fine and Rare, за 1,5 миллиона фунтов стерлингов (1,9 миллиона долларов), что на тот момент делало ее самой дорогой бутылкой вина или крепкого алкоголя, когда-либо выставившейся на аукцион.
7. *Red wine* has a tenfold higher amount of phenolic compounds, especially flavonoids, than *white wine*, which makes the beverage a “primary contender responsible” for headaches, the authors said. – По словам авторов [исследования], красное вино содержит в десять раз больше фенольных соединений, особенно флавоноидов, чем белое, что делает этот напиток «главным виновником» головной боли.

Вместе с тем, как отмечалось выше, наименования питания в некоторых публицистических текстах выполняют всё же и вторичную индексальную семиотическую функцию, помогая автору статьи выразить дополнительный семиотический смысл (эксплицитно или имплицитно), который, однако, как показал анализ отобранного языкового материала, не отличается большим разнообразием.

Известно, что некоторые продукты питания, такие, например, как хлеб, вода, являются в разных культурах сакральными видами пищи и питья, символами средств к существованию, питания и жизни. В этой связи, когда в статьях описывается отсутствие данных продуктов у населения в тяжелой гуманитарной ситуации, это, естественно, ведет к усилению воздействия на читателя, поскольку такие наименования начинают выполнять дополнительную семиотическую функцию – они подчеркивают серьезность (а иногда и трагичность) сложившейся ситуации. При этом в проводимом исследовании данная вторичная функция выступает фактически основной (ср.: [Пашковская, 2018, с. 81]).

Приведем несколько примеров употребления в этом плане наиболее частотных лексем, представленных в выборке, таких как *food* (еда), *water* (вода), *bread* (хлеб).

В одном случае в новостном тексте описывается тяжелая экологическая ситуация, сложившаяся на французской территории острова Майотта¹ в результате небывалой засухи и полного отсутствия вложений в поддержание на должном уровне системы водоснабжения. CNN опубликовало интервью с одной из жительниц острова по имени Мусдикудин (Mousdikoudine), где та рассказывает о сложной ситуации на острове, в которой оказалась, в частности, и ее семья с двумя детьми. В данном интервью встречается ряд семиотически маркированных ситуаций, в которых наиболее часто в дополнительной семиотической функции употребляется существительное *water*, приведем некоторые из них:

1. Basic necessities to live such as electricity, *water*, and gas are irregularly supplied, which led to sustained small protests only a few months ago. – Предметы первой необходимости, такие как электричество, вода и газ, поставляются нерегулярно, что привело к продолжительным небольшим протестам всего несколько месяцев тому назад.
2. Residents only have access to *water* for around 18 hours at a time every couple of days, according to a schedule published by the Prefecture, the local subdivision of the French government. – Согласно графику, опубликованному префектурой, местным подразделением французского правительства, жители имеют доступ к воде только в течение примерно 18 часов раз в несколько дней.

¹ Майотта (фр. Mayotte) – остров с населением около 310 тыс. человек в Индийском океане у восточного побережья Африки, между Мозамбиком и островом Мадагаскар.

3. Many say what little *water* they have is often contaminated and undrinkable. – Многие говорят, что то небольшое количество воды, которое у них бывает, часто загрязненное и непригодное для питья.
4. I have to choose between going to look for *water* for my family and going to work. – Мне приходится выбирать между поиском воды для моей семьи и работой.
5. "The authorities seem absent in our daily suffering," she said, adding, "when we have no *water*, what are we actually going to do?" – «Власти, похоже, не обращают внимания на наши ежедневные страдания, – сказала она, добавив: – Когда у нас нет воды, что мы вообще собираемся делать?» *И далее:* "You cannot function without *water*." – «Без воды невозможно функционировать».
6. The simple acts of washing or pouring glasses of *water* for her daughters, ages 7 and 9, became such a huge challenge she and her husband decided to send the children to live with their grandmother in the French territory of La Réunion, about a two-hour flight from Mayotte. – Простые действия, такие как помыть посуду или налить воды дочерям 7 и 9 лет, стали настолько сложной задачей, что они с мужем решили отправить детей жить к их бабушке на французскую территорию Реюньон, примерно в двух часах полета от Майотта.

Естественно, что когда в природе складывается тяжелая экологическая ситуация, связанная, например, как в данном случае, с нехваткой воды, это отражается не только на людях, но и на животных:

The deaths took place as *food and water* resources dwindled during the dry season, forcing the elephants to travel increasing distances to look for water and to forage. – Гибель [слонов] произошла на фоне сокращения запасов пищи и воды в сухой сезон, что вынудило слонов преодолевать все большие расстояния в поисках воды и корма.

Как отмечалось выше, к наиболее частотным лексемам, вербализующим важные культурные концепты из сферы питания, относится, несомненно, существительное *bread*, с помощью которого в упомянутом интервью также описывается семиотически маркированная ситуация:

We struggle to sort out a small amount of *water* for the little children to drink ... we wait for five to seven hours at the bakery to buy some *bread* to eat. – Нам с трудом удается раздобыть хоть немного воды, чтобы напоить маленьких детей... Мы по пять–семь часов ждем у булочной, чтобы купить немного хлеба.

Примечательно, что в функции наименования основных продуктов питания в семиотически маркированных ситуациях выступают не только лексеммы *food*, *water*, *bread*, но и *apple* (*яблоко*), *cheese* (*сыр*), *milk* (*молоко*), *egg* (*яйцо*). Представляется, что это неслучайно, поскольку каждый из называемых ими продуктов имеет свое символическое значение. Так, яблоко в европейской традиции – это не только плод с Древа познания добра и зла, символ грехопадения человека, но и символ здоровья и жизненной силы, который англичане чествуют ежегодно в День яблока в октябре. Достаточно вспомнить широко известную английскую поговорку «An apple a day keeps the doctor away» и ее аналог в русском языке «Яблоко на обед – и всех болезней нет». Сыр, как известно, – не только продукт питания, но и символ изобилия, олицетворение счастья, праздника, положительных эмоций в целом. Неслучайно в 2010 году ЮНЕСКО внесло сыр в список нематериального культурного наследия человечества. А для Франции это еще и гастрономический национальный символ. Поэтому логично, что в своем интервью жительница французской территории острова Майотта использует номинации данных продуктов не только в их первичной номинативной функции, но и для того, чтобы подчеркнуть всю сложность ситуации, а читатель в ходе инференции может сделать и более далеко идущий вывод о том, например, что столь серьезная ситуация с основными продуктами питания может отрицательно сказаться на здоровье субъектов:

I haven't eaten a single *apple*, no *cheese*; there's nothing. – Я не съела ни единого яблока, ни кусочка сыра; нет ничего.

Дополнительное символическое значение приуще и номинациям таких продуктов, как *milk* и *egg*. Оба слова, среди прочего, являются символами жизни, изобилия и плодородия. Можно вспомнить, как описывается изобилие библейской «земли обетованной», – там «течет молоко и мед».

For a whole month now, I have not had *milk* or *one egg*. – Вот уже целый месяц я не пила молока и не съела ни одного яйца.

Представляется, что сакральный смысл, заложенный в некоторых гастрономических концептах, служит одним из оснований для использования вербализующих их в языке лексических единиц в дополнительной семиотической функции. Это наиболее ярко проявляется, естественно, в религиозном и культурном контексте, как в следующем примере, где описывается один из обычаев, который соблюдают в Мексике в День мертвых (*исп.* Día de los Muertos, или *англ.* Day of the Dead). Мексиканцы верят, что в этот день души их умерших родственников, друзей, любимых людей возвращаются к ним ненадолго, и, чтобы почтить их память, мексиканцы оставляют на алтаре в церкви или на месте захоронения любимые продукты и напитки умершего, поскольку считается, что, когда души прилетают на землю, они часто бывают голодны и им нужно чем-нибудь подкрепиться перед возвращением на небо:

Families will also place a container of *water*, and sometimes *tequila*, on the altars, so souls can quench their thirst after their journey. – Семьи также ставят на алтарь сосуд с водой, а иногда и с текилой, чтобы души могли утолить жажду после путешествия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из всего вышесказанного можно сделать общий вывод о том, что наименования из категории Food «Пища» активно используются в английском общественно-политическом дискурсе, выполняя в большинстве случаев первичную номинативную функцию. Что касается вторичной семиотической функции, то, в отличие, например, от дискурса художественной литературы, где такие номинации часто выполняют дополнительную семиотическую роль, важную для характеристики героев и описания ситуаций, в общественно-политическом дискурсе названия из сферы питания в данной функции употребляются сравнительно редко, их дополнительная семиотическая нагрузка не отличается разнообразием и сводится обычно к тому, чтобы привлечь внимание читателей на какие-то сложные гуманитарные ситуации, например, на отсутствие у населения воды или базовых продуктов. Представляется, что одним из оснований для использования базовых наименований питания во вторичной семиотической функции служит символический религиозный смысл, который несут вербализуемые ими культурные концепты.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анисимова Е. Е. О взаимодействии гастрономического и религиозного дискурсов (культурологический и лингвистический аспекты) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 2 (791). С. 31–44.
2. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Обработка естественного языка и художественный текст: база для корпусного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 195–210. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210.
3. Горожанов А. И. Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382–3386. DOI: 10.30853/phil20220563. EDN JHBAVG.
4. Горожанов А. И. Создание лингвистического корпуса на основе инструментов обработки естественного языка: планирование программных решений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 5. С. 1616–1620. 10.30853/phil20230252. EDN BHZCSE.
5. Грачев Г. В. Структура категории продуктов питания в древнеанглийском языке // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (51). С. 309–312.
6. Коваленская Е. А. Особенности развития категории английских наименований питания за последние полвека // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 10 (839). С. 109–116.
7. Катермина В. В., Соловьева Н. С. Аксиологический потенциал английских неологизмов-гастрономов // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2022. № 2 (33). С. 123–135.
8. Таганова Т. А. Неологизмы современного английского языка: структурные и семантические особенности (на примере гастрономов) // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. 2015. № 11. С. 132–136.
9. Яковлева С. А. Глагольные неогастрономы в испанском языке Мексики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2018. № 6. С. 68–81.
10. Головницкая Н. П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007.

11. Ундритова М. В. Глюттонический дискурс: лингвокультурологические, когнитивно-прагматические и переводческие аспекты (на материале русского, английского, французского и греческого языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
12. Катермина В. В. Гастрономическая картина мира в англоязычной неологии: лингвокультурологический аспект // Лингвокультурология. 2017. Вып. 11. С. 33–47.
13. Олянич А. В. Гастрономический дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 2. С. 159–160.
14. Шорохова Е. А., Жучкова Е. В. Гастрономический дискурс как вид институционального дискурса // Молодой ученый. 2021. №5 (347). С. 162–165.
15. Косицкая Ф. Л., Зайцева Н. Е. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (167). С. 25–30.
16. Григоренко О. В. Неонимация иноязычного характера в составе гастрономической лексики русского языка // Современные аспекты гуманитарного знания: сборник материалов международной заочной научно-практической конференции. 2016. С. 95–104.
17. Осетрова М. Е. Корейские продукты питания и кулинарные блюда в русских художественных и нехудожественных текстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 10 (839). С. 273–284.
18. Шумакова А. Н. Англицизмы в статьях о гастрономии (на материале современной французской прессы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 9 (825). С. 184–195.
19. Бондарчук Г. Г., Грачев Г. В. Предметные имена как носители дополнительной семиотической информации (на материале английской обиходной лексики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 5 (873). С. 9–15.
20. Пашковская Т. Г. Концепт 'food' («еда») в медиадискурсе постмодерна (по материалам британской прессы) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 2 (88). С. 81–85. DOI: 10.30853/manuscript.2018-2.20.

REFERENCES

1. Anisimova, E. E. (2018). On the interaction of gastronomic and religious discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 2(791), 31–44. (In Russ.)
2. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2024). Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 15(1), 195–210. 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210.
3. Gorozhanov, A. I. (2022). Experimental database modelling of a balanced linguistic corpus. Philology. Theory & Practice, 15(10), 3382–3386. 10.30853/phil20220563. EDN JHBAVG. (In Russ.)
4. Gorozhanov, A. I. (2023). Building a linguistic corpus on natural language processing tools: Planning software solutions. Philology. Theory & Practice, 16(5), 1616–1620. 10.30853/phil20230252. EDN BHZCSE. (In Russ.)
5. Grachev, G. V. (2022). The structure of the category FOOD in Old English. Cognitive Studies of Language, 4(51), 309–312. (In Russ.)
6. Kovalenskaya, E. A. (2020). Peculiarities of the development of the category of food names in the last half century. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 10(839), 109–116. (In Russ.)
7. Katермина, V. V., Soloveva, N. S. (2022). Oxiological potential of English gastronym neologisms. International informational and analytical journal «Credo Experto: transport, society, education, language», 2(33), 123–135. (In Russ.)
8. Taganova, T. A. (2015). New words of the English language: structural and semantic peculiarities (analysis of words denoting food). Teoriya i praktika inostrannogo yazyka v vysshey shkole, 11, 132–136. (In Russ.)
9. Iakovleva, S. A. (2018). Verbal neogastronims in Spanish of Mexico. Bulletin of Moscow state regional university. Series «Linguistics», 6, 68–81. (In Russ.)
10. Golovnitskaya, N. P. (2007). Lingvokul'turnyye kharakteristiki nemetskoyazychnogo gastronomicheskogo diskursa = Linguocultural characteristics of the German-language gastronomic discourse: PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
11. Undritsova, M. V. (2015). Glyuttonicheskiy diskurs: lingvokul'turologicheskiye, kognitivno-pragmaticheskiye i perevodcheskiye aspekty (na materiale russkogo, angliyskogo, frantsuzskogo i grecheskogo yazykov) = Gluttonic

- discourse: linguocultural, cognitive-pragmatic and translation aspects (based on Russian, English, French and Greek): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
12. Katermina, V.V. (2017). Gastronomic picture of the world in English neology. *Lingvokul'turologiya*, 11, 33–47. (In Russ.)
 13. Olyanich, A. V. (2015). Gastronomicheskiy diskurs = Gastronomic discourse . *Discourse-P*, 2, 159–160. (In Russ.)
 14. Shorokhova, Ye. A., Zhuchkova, Ye. V. (2021). Gastronomicheskiy diskurs kak vid institutsional'nogo diskursa = Gastronomic discourse as a type of institutional discourse. *Molodoy uchenyy*, 5(347), 162–165. (In Russ.)
 15. Kositskaya, F. L., Zaytseva, I. E. (2016). French gastronomy discourse and its speech genre palette. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2(167), 25–30. (In Russ.)
 16. Grigorenko, O. V. (2016). Foreign neonominations in Russian gastronomic lexicon. *Sovremennyye aspekty gumanitarnogo znaniya* (pp. 95–104): The digest of articles of an international conference. (In Russ.)
 17. Osetrova, M. E. (2020). Korean food products and dishes in Russian fiction and nonfiction texts. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 10(839), 273–284. (In Russ.)
 18. Shumakova, A. N. (2019). On the use of anglicisms in articles about gastronomy (based on the present-day French periodicals). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 9(825), 184–195. (In Russ.)
 19. Bondarchuk, G. G., Grachev, G. V. (2023). Object names as carriers of additional semiotic information (based on English everyday vocabulary). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 5(873), 9–15. (In Russ.)
 20. Pashkovskaya, T. G. (2018). Concept «FOOD» in post-modernistic media-discourse (by the materials of the British press). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. The Gramota Publishing, 2(88), 81–85. 10.30853/manuscript.2018-2.20. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарчук Галина Григорьевна

доктор филологических наук, профессор
 профессор кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
 Московского государственного лингвистического университета

Грачев Георгий Валерьевич

кандидат филологических наук
 доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bondarchuk Galina Grigorievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Professor at the Department of English Lexicology
 Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Grachev Georgiy Valerevich

PhD (Philology)
 Associate Professor at the Department of English Lexicology
 Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.09.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	16.10.2024	
принята к публикации	21.10.2024	

Лингвокогнитивный анализ научного текста: гибридизация под воздействием многоканального порождения

Г. И. Бубнова

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
gboubnova@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – показать, что озвучивание письменного текста представляет собой дискурсивное взаимодействие двух материально разных субстанций, каждая из которых обладает собственным когнитивным механизмом формирования смысла и спецификой его означивания. Задача исследования – получить и проанализировать языковой материал, который иллюстрировал бы взаимодействие устного и письменного канала. Для создания многоканальности выбраны две ситуации озвучивания научного письменного текста, в которых каналы демонстрируют разный детерминирующий потенциал: чтение текста с листа и устное выступление-обсуждение текста, реализуемое в формальных обстоятельствах. Наблюдаемость и измеримость эмпирических свойств озвученных текстов позволят рассмотреть основные стратегии порождения, которые привели к их созданию. Результаты исследования могут быть использованы в практике обучения иностранным языкам.

Ключевые слова: дискурс, текст, озвученный письменный текст, когнитивный процесс, многоканальное порождение

Для цитирования: Бубнова Г. И. Лингвокогнитивный анализ научного текста: гибридизация под воздействием многоканального порождения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 23–30.

Original article

Linguocognitive Analysis of a Scientific Text: Hybridization under the Influence of Multichannel Generation

Galina I. Bubnova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
gboubnova@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to show that the voicing of a written text is a discursive interaction of two materially different substances, each of which has its own cognitive mechanism for the formation of meaning and the specificity of its signification. The objectives of the study are to obtain and analyze linguistic material illustrating the interaction of oral and written channels in a situation where they demonstrate different determining potential when voicing a scientific written text: reading a text from a sheet of paper and a speech based on it in formal circumstances. The observability and measurability of the empirical properties of voiced texts will allow us to consider the main generation strategies that led to their creation. The results can be used in the practice of teaching foreign languages.

Keywords: discourse, text, voiced written text, cognitive process, multi-channel generation

For citation: Bubnova, G. I. (2024). Linguocognitive analysis of a scientific text: hybridization under the influence of multichannel generation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 23–30. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматривается процесс взаимодействия письменного и устного способов порождения в научном дискурсивном пространстве современного социума.

Сегодня вопрос о зависимости когнитивного процесса от материального формата его протекания ставится в лингвистике все чаще и рассматривается в терминах взаимодействия дискурс / текст и шире – интердискурс / интертекст.

Дискурс и текст, их соотношение, жанровые и стилистические разновидности, параметры классификации и взаимодействие между ними продолжают обсуждаться в лингвистической литературе, не теряя своей актуальности.

Текст, по определению лингвистов, мнение которых разделяет автор настоящей статьи, является результатом дискурсивной деятельности говорящего. Он предстает как эмпирически наблюдаемый объект, созданный в процессе целенаправленного коммуникативно-когнитивного присвоения языка говорящим [Гальперин, 1981; Гаспаров, 1996; Кибрик, 2018; Чернявская, 2017; Benveniste, 1970; Adam, 2012].

Цель исследования – показать, что озвучивание письменного текста представляет собой дискурсивное взаимодействие двух материально разных субстанций, каждая из которых обладает собственным когнитивным механизмом формирования смысла и спецификой его означивания [Рыко, Степанова, 2009; Blanche-Benveniste, Bilger, 1999; Morel, Danon-Boileau, 2001; Deulofeu, 2007; Martin Ph, 2013; Lacheret et al., 2013].

Вопрос о зависимости когнитивного процесса от многоканального характера его протекания изучается на материале двух вариантов, записанных в процессе озвучивания письменного научного текста (далее – ПТ): нейтральное чтение научной статьи и спонтанное выступление в ходе обсуждения этой научной статьи.

Этот вопрос имеет и прикладное значение для практики преподавания иностранных языков. Каждому преподавателю знакома ситуация, когда студенты делают письменное резюме на базе устно порождаемого высказывания и пишут, как говорят, и напротив, давая устный комментарий письменного текста, они говорят, как пишут. Таким образом предлагаемый анализ позволит сделать некоторые выводы лингводидактического плана.

Для корпуса исследования подобраны 10 отрывков объемом в одну страницу из статей французских лингвистов. Звучащий материал записан носителями языка (три информанта) в возрасте от 30 до 50 лет, имеющими высшее филологическое

образование и соответствующий научно-педагогический опыт. Тексты записаны в студийных условиях в двух вариантах:

- нейтральное чтение письменного текста с листа (без предварительной подготовки), далее – **чтение** (ЧТ);
- подготовленный устный комментарий, реализованный в квазиситуации, когда выступающий излагает основные мысли, изложенные в статье, с целью представить ее содержание в ходе лекционного или семинарского занятия со студентами, далее – **устный комментарий** (УК).

Записи подвергнуты акустическому (программа PRAAT) и аудиторскому анализу в режиме естественного прослушивания (носители французского языка).

В качестве иллюстративного текстового материала в статье рассматривается отрывок из работы D. François «L'oral, les oraux et leur grammaire»¹. Объем используемого отрывка: 696 слов, 2 абзаца, 16 предложений, средний объем предложения – 44 слова.

ЧТЕНИЕ

Вернемся к истокам понятия дискурс, которое было сформулировано Е. Бенвенистом, как индивидуальный акт присвоения языка, осуществляющий который говорящий внедряется в собственную речь² [Benveniste, 1970, с. 14].

Озвучивание письменного текста – как своего собственного, так и «чужого» – является актом устно-речевого внедрения говорящего в ПТ для решения конкретной коммуникативной задачи. Такое внедрение может проявляться через реализацию когнитивных стратегий, которые необходимы говорящему, для того чтобы установить и поддерживать постоянную связь со своим высказыванием [Benveniste, 1970, с. 14].

Логично предположить, что в каждом из двух вариантов – ЧТ и УК – детерминирующий потенциал взаимодействующих каналов будет различен.

В ЧТ озвучивание протекает параллельно со зрительным декодированием ПТ. Таким образом, говорящий присваивает себе ПТ посредством его понимания с целью ретранслировать свое понимание в устной форме. В отличие от статично заполняющего страницу письменного текста она реализуется в инкрементном режиме, то есть порождение представляет собой необратимый и поступательный процесс.

¹François D. L'oral, les oraux et leur grammaire // Le Français dans le Monde. 1979. №145. P. 40–45.

²Зд. и далее перевод наш. – Г. Б.

Рассмотрим чтение одного из предложений ПТ. Выбор этого предложения основан на объеме и сложности лексико-синтаксической организации. Количество слов – 51, внутренних пунктуационных знаков – семь.

On observe, en fait, une sur-évaluation de l'écrit qui s'explique, pour une large part, par le fait que, dans la communauté française entre autres, sa maîtrise est la condition sine qua non d'accès à certains postes de responsabilité mais aussi par la collusion entre l'écrit banal, quotidien et le fait littéraire.

Синтаксис сложной архитектоники:

1. Главное предложение – *On observe, en fait, une sur-évaluation de l'écrit*. Придаточное относительное – *qui s'explique, pour une large part, par le fait que*.
2. Придаточное дополнительное – *dans la communauté française entre autres, sa maîtrise est la condition sine qua non d'accès à certains postes de responsabilité mais aussi par la collusion entre l'écrit banal, quotidien et le fait littéraire*.
3. Вводные конструкции:
 - в главном предложении, выделенное запятыми *en fait*;
 - в придаточном относительном *pour une large part*;
 - в придаточном дополнительном *dans la communauté française entre autres*;
 - однородные определения *banal, quotidien*.

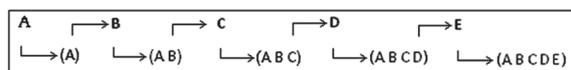
Наличие трех вводных конструкций не нарушает синтаксической связности и цельности этого предложения.

Как было отмечено выше, озвучивание реализовано в виде чтения с листа без предварительной подготовки. Если на сегментном уровне все информанты произносят текст практически одинаково, демонстрируя выполнение орфоэпической нормы, то паузальное членение предложения характеризуется вариативностью не только по количеству пауз (от девяти до 11 внутренних пауз), но и, что гораздо важнее для понимания процесса устного порождения этого предложения, по взаимодействию с синтаксической организацией предложения.

Дистрибуция пауз в целом детерминирована синтаксисом, но их длительность не коррелирует ни с иерархией синтаксических швов, ни с формой предпаузального тонального контура, что свидетельствует о влиянии инкрементного характера устно-речевого порождения.

Инкрементное развертывание устно порождаемой речи можно представить следующей схемой [Бубнова, 2000, с. 16].

Схема 1

ИНКРЕМЕНТНОЕ РАЗВЕРТЫВАНИЕ РЕЧЕВОГО ПОТОКА

Как показывает схема 1, в инкрементном развертывании речевого потока наблюдаются следующие фазы:

- устная речь – процесс *par excellence*;
- непосредственной реальностью речи является сиюминутно произносимый и воспринимаемый фонационный период (далее – ФП);
- ФП показаны прописными буквами без скобок в первой строке схемы (порождение) и буквами в скобках во второй строке (восприятие);
- стрелки между ФП – необратимое развертывание речевого потока;
- шаг вниз от ФП – когнитивная обработка воспринимаемого кванта (слушающим и говорящим);
- скобки – интеграция ФП в субъективное семантическое пространство участников коммуникативной ситуации;
- шаг вверх – поисковый переход к порождению и восприятию следующего ФП.

В условиях чтения с листа говорящий не может обеспечить средствами просодии те правила построения, которые реализуются в письменной речи. Он создает гибридный дискурс, в котором письменные заданные синтаксические единства, формально связанные как с правым, так и с левым контекстом, просодически оформляются в качестве ФП или парцеллятов, наблюдаемых в устно порождаемой речи.

Рассмотрим варианты озвучивания рассмотренного выше предложения, которые представлены в таблице 1, где ФП представлены в виде вертикального развертывания, в конце ФП показано движение тона в терминальном слоге («\» – понижение, «/» – повышение, «_» – ровный низкий тон) и длительность паузы в секундах. Сегментирующий нисходящий тон, реализованный дикторами при чтении этого предложения показан в тексте значками – «||» и «!!».

Сегментирующий нисходящий тон нормативно употребляется для выражения ремы высказывания. Оба диктора ошибочно употребляют его в начале предложения ФП 1, нарушая связь не только с предшествующим контекстом, но и связь, существующую внутри предложения (сказуемое + прямое дополнение). Однако аудиторы, как уже отмечалось, работали в режиме естественного прослушивания.

ВАРИАНТЫ ОЗВУЧИВАНИЯ, РЕАЛИЗОВАННЫЕ ИНФОРМАНТАМИ 1 И 2

№	Информант 1 (МС) 10 внутренних пауз звучание фразы: 22,9 сек.	№	Информант 2 (А) 9 ФП внутренних пауз звучание фразы: 20,3 сек.
1	On observe, \ en fait, _ 0,41	1	On observe, \ en fait, _ 0,51 !!
2	une sur-évaluation de l'écrit / 0,59	2	une sur-évaluation de l'écrit / 0,54
3	qui s'explique, pour une large part, / 0,68	3	qui s'explique, pour une large part, / 0,37
4	par le fait que, dans la communauté française entre autres, \ 0,40	4	par le fait que, \ 0,35 !!
5	sa maîtrise \ 0,51	5	dans la communauté française entre autres, / 0,28
6	est la condition sine qua non / 0,18	6	sa maîtrise est la condition sine qua non / 0,28
7	d'accès à certains postes de responsabilité / 0,52	7	d'accès à certains postes de responsabilité \ 0,43 !!
8	mais aussi par la collusion / 0,54	8	mais_aussi / 0,38
9	entre l'écrit banal, / 0,49	9	par la collusion entre l'écrit banal, quotidien / 0,29
10	quotidien / 0,75	10	et le fait littéraire. \ 0,53
11	et le fait littéraire. \ 1.00		

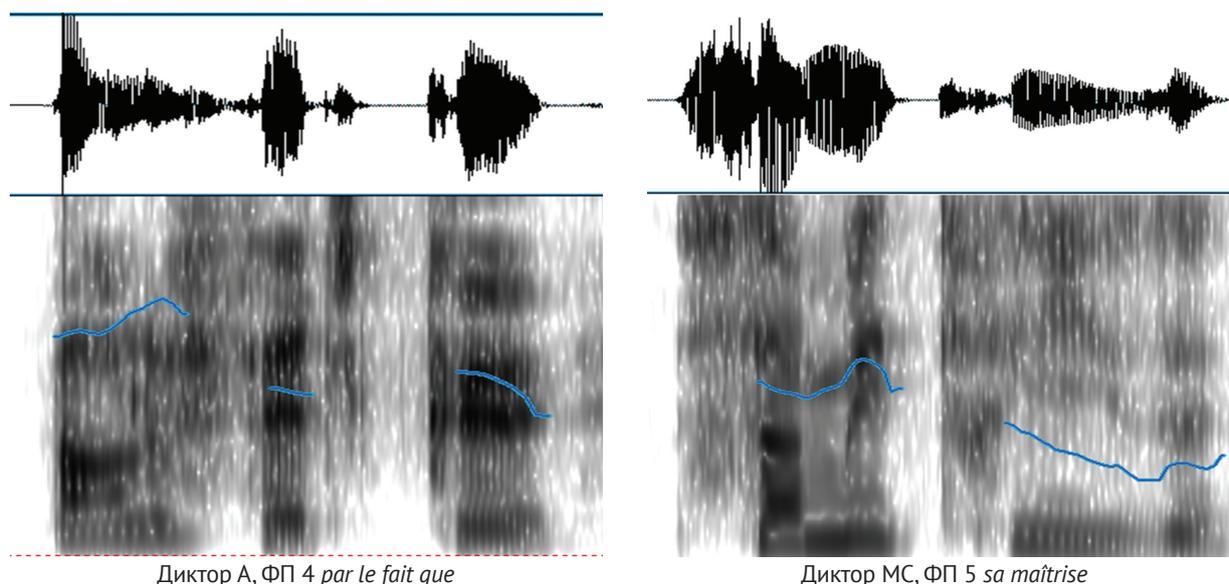

График 1. Просодическая сегментация, нарушающая синтаксическую связность внутри предложения

Поэтому они интерпретировали предложенное дикторами оформление как вполне оправданное, воспринимали его как своего рода введение, мобиливающее внимание слушателей перед объемным рассуждением.

В середине предложения стратегии дикторов не совпадают. Диктор МС реализует сегментацию (ФП 4 и 5) после вставки *dans la communauté française entre autres*, и понимая, что сегментация ошибочна, дублирует ее после *sa maîtrise*, отделяя при этом подлежащее от сказуемого. Иначе говоря, дважды подряд нарушает синтаксическую связность, создавая, по мнению аудиторов, экспрессивное выделение слова *maîtrise*. Диктор А

реализует просодическую сегментацию (ФП 4) после союза *que* (*par le fait que*), который вводит дополнительное предложение. Нарушая синтаксическую связь, он не создает, по мнению аудиторов, помех для смыслового восприятия читаемого текста (см. график 1).

Показательно, что оба диктора реализуют просодическую сегментацию, нарушающую синтаксическую связность, на 9-й и на 7-й секунде от начала фразы. Возможно, это связано с ограничениями кратковременной памяти [Broadbent, 1975; Гапонс'х, Larigauderie, 2000] (см. табл. 1).

Итак, внедрение говорящего в озвучиваемый ПТ, наблюдаемое в ходе ЧТ, иллюстрирует

сложный процесс «встраивания» статически и жестко организованной схемы письменного предложения в линейно развертывающуюся звуковую последовательность смысловых квантов, физически разделенных паузами. Инкрементный характер озвучивания, который обеспечивается фонетико-просодическими средствами, создает условия для применения говорящим устно речевых стратегий членения и осмысления читаемого.

УСТНЫЙ КОММЕНТАРИЙ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Комментарий записан в квазиспонтанной ситуации: выступающий формулирует основные мысли, изложенные в прочитанной научной статье с целью представить ее содержание в ходе лекционного или семинарского занятия со студентами или, например, в ходе обсуждения на заседании редакционного совета.

Устно речевая деятельность, представленная в УК, осуществляется синергией двух каналов: вербального, в рамках которого взаимодействуют письменный и устный способы порождения речи, и невербального – кинестетического. Однако в статье УК изучается как строго лингвистический объект, наблюдаемость и измеримость эмпирических свойств которого позволит рассмотреть основные когнитивные стратегии, использованные говорящим во время его создания.

УК, записанный информантом в ходе устного комментария этого текста, реализован без зрительной опоры на ПТ и длится 06 мин. 26 сек. Фонация составляет 05 мин. 10 сек. и сегментируется паузами на 174 фонационных периода (ФП), время звучания которых варьирует от 0,16 до 6,44 сек.

Важным для понимания гибридации, наблюдаемой на этом этапе, является, как показывают

результаты, полученные в предшествующих исследованиях [Бубнова, 2000], анализ предикативной группы, в состав которой входят два главных члена предложения – подлежащее и сказуемое. Предикативные группы, реализованные в ПТ и УК, выделены методом сплошной выборки.

Количественное соотношение предикативных групп – ПТ-41, УК-83 – демонстрирует существенное изменение в стратегии порождения текста: включенность говорящего в процесс говорения увеличивает количество предикативных групп в два раза. При этом в ПТ на каждое предложение в среднем приходится три предикативные группы, а в УК они отсутствуют более чем в половине ФП. Эти ФП, однако, необходимы говорящему для вербализации своих мыслей в не меньшей степени, чем те, которые содержат предикативную группу. Их основное достоинство для говорящего заключается в том, что они не имеют формальной связи с предшествующим ФП: это может быть, с одной стороны, ключевое слово или выражение, которое говорящий хочет выделить, а с другой – предлог, артикль, коннектор, опорное слово, гезитация (от простой вокализации до вербальных поисковых клише). Эти речевые инструменты необходимы говорящему [Бубнова, 2002]. Они предоставляют говорящему свободу от жестких правил, которые структурируют письменный текст. Процесс его написания в отличие от устного порождения текста прерывен и обратим.

Рассмотрим фрагмент УК, хотя описание просодического членения речевого потока – занятие неблагодарное: звучание эфемерно и его анализ в лингвистических терминах, выработанных в ходе изучения письменной речи, выглядит также искусственно, как письменная транскрипция устной речи для чтения.

Таблица 2

ТРАНСКРИПЦИЯ ФРАГМЕНТА УК (ПРОИЗНОСИМЫЙ [э] ОБОЗНАЧАЕТСЯ – e)

Фонационные периоды	Длительность (в сек.)		
	Средне-слоговая	ФП	Пауза
59 que	0,32	0,32	0,73
60 le français	0,30	0,91	1,02
61 moyen	0,29	0,58	0,95
62 euh pas spécialement qui n'a pas une culture supérieure	0,23	3,44	0,46
63 domine lui maîtrise lui très très mal l'écrit et on n'se rend pas compte pourquoi parce que la plupart du temps	0,28 +	5,32	0,76
64 le l'an les l'écrit	0,14 0,26	1,32	0,75
65 euh gé euh en général a été plus ou moins	0,21	2,68	0,29
66 confondu avec l'écrit littéraire	0,16	1,58	1,13
67 l'exemple l'exemple arrêté c'est l'écrit littéraire	0,18	2,59	0,53

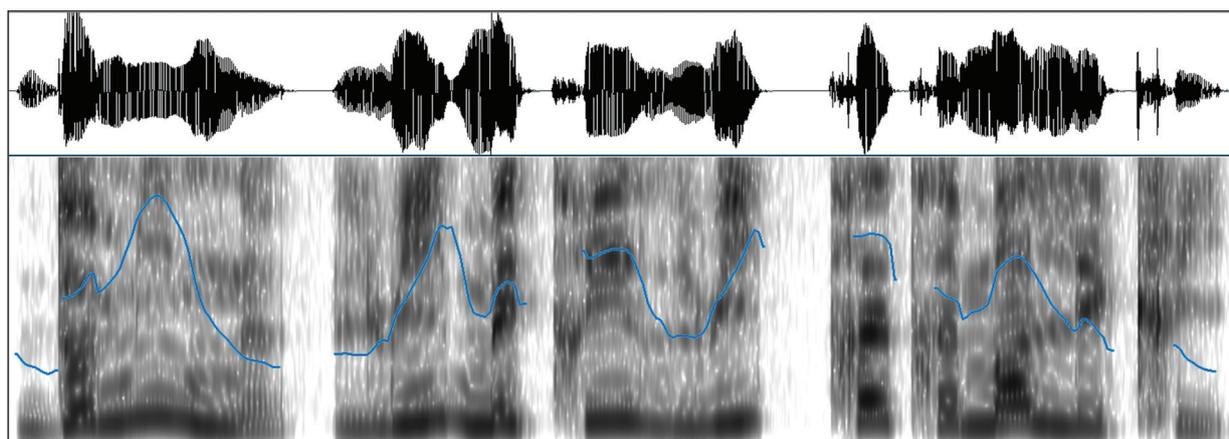

График 2. ...domine lui maîtrise lui très très mal l'écrit

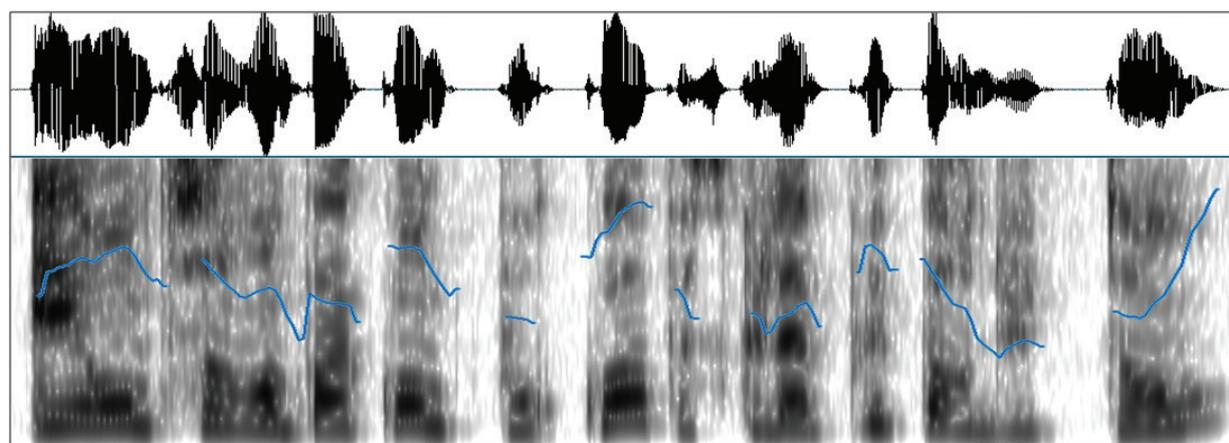

График 3. ...et on n'se rend pas compte pourquoi parce que la plupart du temps

В данном отрывке можно отметить следующие стратегии:

- ФП 60-62 поиск формулировки для того, чтобы дать характеристику француза, который плохо владеет письменной речью *le Français moyen* <...> *qui n'a pas une culture supérieure*. Говорящий использует при этом аппроксиматор *euh pas spécialement*, который разрывает связь между *le Français moyen* <...> *qui n'a pas une culture supérieure*, и отсылает к многомерности даваемого определения.
- ФП 63 членится ритмически на две части (см. графики 2 и 3).

Начнем с комментария грамматического оформления первой части ФП 63: вместо нормативно ожидаемой предикативной группы (*il domine, maîtrise très très mal l'écrit* говорящий использует тоническую форму местоимения (*lui*) в постпозиции к глаголу, создавая условия для реализации экспрессивного ритма. Изломанность тонального

движения, наблюдаемая на графике, дает представление о реализуемой экспрессивности, а нисходящий контур удачно завершает акт предикации.

Во второй части этого ФП, которая отделяется от первой короткой паузой (0,1 сек.), говорящий увеличивает темп произнесения по сравнению с первой частью: средняя длительность слога в первой части ФП – 0,28 сек., а во второй – 0,14 сек. Он также повышает свой тональный регистр, что можно увидеть при сопоставлении двух графиков: максимальные значения ЧОТ остаются неизменными в обеих частях ФП – 436 Гц, а минимальные существенно различаются, в первой части – 114 Гц, во второй – 150 Гц, что составляет 4,5 полутона.

Таким образом в создании контраста внутри ФП участвуют:

- темп произнесения – средний / ускоренный;
- тональное оформление терминального слога – понижение / повышение;
- локализация ЧОТ – средний / повышенный тональный регистр.

Лингвистическая интерпретация возможна только при учете ближайшего включающего контекста. Он, в свою очередь, содержит и то, что будет в постконтексте. Последний несет в себе информацию о том, что за образец правильной письменной речи принимается речь профессиональных писателей. Иначе говоря, первая часть резюмирует вывод о том, что средний француз плохо владеет письменной речью, а вторая вводит информацию о дискусионности такого утверждения, которая раскрывается в ФП 64–67.

Показательна дистрибуция ключевых слов, в частности двух основных – *oral* и *écrit*. Эти слова употребляются в завершении 20 % ФП, т. е. в акустически сильной позиции: терминальный слог (всегда ударный) и тональный контур, выполняющий функцию связи / членения.

Даже в случае информативной опоры на ПТ – ведь говорящий формулирует мысли, изложенные автором ПТ – основной единицей порождения не становится предложение. Это фонационный период, который обслуживает и поисковые (интровертные), и информирующие слушающего (фактуальные), и контактоустанавливающие (экстравертные) стратегии говорящего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в каждом из двух рассмотренных вариантов – ЧТ и УК – детерминирующий потенциал взаимодействующих каналов различен.

В процессе чтения говорящий работает в ситуации зрительной опоры на текст, его цель – найти оптимальный способ членения порождаемого потока на осмысленные фонационные

периоды. Дистрибуция пауз и тональное оформление терминального слога свидетельствует о том, что членение лишь частично совпадает со структурой письменного предложения. Просодическая рематизация ФП, функционирующих внутри предложения, является одним из способов внедрения говорящего в ПТ для выражения своего понимания текста.

Процесс устного комментирования демонстрирует внедрение говорящего в ПТ только на уровне заимствования ключевых слов, фактуальной информации и логики ее подачи. Формально – это образец устно порождаемой речи, реализуемой в формальной ситуации. Возрастание предикативности наблюдается как на грамматическом, так и на просодическом уровне: в предпаузальной позиции говорящий активно использует рематический потенциал нисходящих и восходяще-нисходящих сегментирующих контуров.

На просодическом уровне для УК в его отличии ЧТ характерно увеличение частотного диапазона и изломанности тонального рисунка, контрастность ФП по ритму, увеличение количества и средней длительности пауз. Всё перечисленное свидетельствует об уменьшении скорости речи.

Проанализированное в статье взаимодействие голоса, который может быть реализован только как процесс, и графической формы, заполняющей статическое пространство, можно представить, как многоканальную гибридизацию свойств и признаков научного дискурса. Говорящий реализует ее под влиянием выбранной стратегии озвучивания, которая определяется взаимодействием двух когнитивных моделей порождения: устно речевой и письменно речевой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.
3. Кибрик А. А. Русский мультимедийный дискурс. Часть 1. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 70–80.
4. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. М.: Ленанд, 2017.
5. Benveniste E. L'appareil formel de l'énonciation // Langages. 1970. № 17. P. 12–18. doi: 10.3406/lgge.1970.2572
6. Adam J.-M. Discursivité, généricité et textualité : Distinguer pour penser la complexité des faits de discours // Recherches. 2012. № 56. P. 9–27.
7. Рыко А. И., Степанова С. Б. Стратегии членения спонтанной речи на синтаксические единицы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам Ежегодной международной конференции «Диалог 2009». 2009. С. 438–443.
8. Blanche-Benveniste Cl., Bilger M. Français parlé-oral spontané. Quelques réflexions // Revue française de linguistique appliquée. 1999. Vol. IV. № 2. P. 21–30.
9. Morel M. A., Danon-Boileau L. Grammaire de l'intonation, l'exemple du français. P.: Ophrys, 2001.
10. Deulofeu H. J. La greffe d'un énoncé sur une construction: une combinaison originale de parataxe et de rection // La parataxe. Entre dépendance et intégration / Ed. by M.-J. Béguélin, M. Avanzi, G. Corminboeuf. 2007. Vol. 1. P. 175–208.
11. Martin Ph. La structure prosodique opère-t-elle avant ou après la syntaxe ? // Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage. 2013. № 29.

12. Lacheret A., Simon A.C., Goldman J.P, Avanzi M. Prominence perception and accent detection in French : from phonetic processing to grammatical analysis // *Language Science*. 2013. №39. P. 95–106.
13. Бубнова Г. И. Канал порождения речи как компонент когнитивной стратегии // *Экспериментальные исследования устной речи и овладения языком*. М.: РАН. Институт языкознания, 2000. С. 3–32.
14. Broadbent D. E. The magical number seven after fifteen years // R.A. Kennedy & A. Wilkes (éds). *Studies in Long-Term Memory*. New-York: Wiley, 1975. P. 3–18.
15. Gaonac'h D., Larigauderie P. *Mémoire et fonctionnement cognitif. La mémoire de travail*. P.: Armand Colin, 2000.
16. Бубнова Г. И. Лингвокогнитивные стратегии, определяющие трансформации письменного текста в ситуации чтения и говорения // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2020. № 4. С. 9–19.
17. Boubnova G. Une stratégie d'utilisation de la prosodie: Difficultés d'encodage // *L'Information Grammaticale*. 2002. № 95. P. 38–41.

REFERENCES

1. Gal'perin, I. R. (1981). *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Gasparov B. M. (1996). *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya = Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
3. Kibrik, A. A. (2018). Russian multichannel discourse. Part 1. Problem statement. *Psikhologicheskii zhurnal*, volume 39, issue 1, 70–80. (In Russ.)
4. Chernyavskaya, V. E. (2017). *Tekst v medial'nom prostranstve = Text in the medial space*. Moscow: Lenand. (In Russ.)
5. Benveniste, E. (1970). L'appareil formel de l'énonciation. *Langages*, 17, 12–18. 10.3406/lgge.1970.2572.
6. Adam, J.-M. (2012). Discursivité, généricité et textualité : Distinguer pour penser la complexité des faits de discours. *Recherches*, 1(56), 9–27.
7. Ryko, A. I., Stepanova, S. B. (2009). Strategies for segmenting spontaneous speech into syntactic units. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* (pp. 438–443): Proceedings of the annual scientific conference «Dialog 2009». (In Russ.)
8. Blanche-Benveniste, Cl., Bilger, M. (1999). Français parlé-oral spontané. Quelques réflexions. *Revue française de linguistique appliquée*, IV(2), 21–30.
9. Morel, M. A., Danon-Boileau, L. (2001). *Grammaire de l'intonation, l'exemple du français*. Paris: Ophrys.
10. Deulofeu, H. J. (2007). La greffe d'un énoncé sur une construction: une combinaison originale de parataxe et de rection. Béguelin M.-J., Avanzi M., Corminboef G. (éds.). *La parataxe. Entre dépendance et intégration*, 1, 175–208.
11. Martin, Ph. (2013). La structure prosodique opère-t-elle avant ou après la syntaxe ? *Travaux interdisciplinaires sur la parole et le langage*, 29. (in French)
12. Lacheret, A., Simon, A. C., Goldman, J. P, Avanzi, M. (2013). Prominence perception and accent detection in French: from phonetic processing to grammatical analysis. *Language Science*, 39, 95–106.
13. Bubnova, G. I. (2000). Speech generation channel as a component of cognitive strategy. *Eksperimental'nye issledovaniya ustnoi rechi i ovladeniya yazykom* (pp. 3–32). Moscow: RAS. Institute of Linguistics. (In Russ.)
14. Broadbent, D. E. (1975). The magical number seven after fifteen years. In Kennedy, R. A., Wilkes, A. (Eds.), *Studies in Long-Term Memory* (pp. 3–18). New-York: Wiley.
15. Gaonac'h, D., Larigauderie, P. (2000). *Mémoire et fonctionnement cognitif. La mémoire de travail*. P.: Armand Colin.
16. Bubnova, G. I. (2020). Linguistic and cognitive strategies that determine the transformation of written text in reading and speaking situations. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 9–19. (In Russ.)
17. Boubnova, G. (2002). Une stratégie d'utilisation de la prosodie: Difficultés d'encodage. *L'Information Grammaticale*, 95, 38–41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бубнова Галина Ильинична

доктор филологических наук, профессор

заведующий кафедрой французского языка для факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bubnova Galina Ilinichna

Doctor in Philology (Dr. habil.), Professor

The Head of the Departement of the French Language of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies

Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.09.2024
17.10.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

К вопросу об аргументации в интернет-дискурсе (на материале франкоязычного интернет-комментария)

О. А. Быкова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
bykoolya@yandex.ru*

Аннотация. В статье на материале франкоязычного интернет-комментария рассматривается специфика аргументации в компьютерно-опосредованном дискурсе. Целью работы является выявление некоторых характерных черт аргументации в данном типе дискурса. Означенные черты возникают ввиду его конститутивных особенностей. После обзора существующих подходов к определению аргументации рассматривается корпус интернет-комментариев аргументативной направленности. Результатом исследования, выполненного в русле дискурсивного и прагматического подхода, является ряд замечаний о соотносительности комментария с предложенной в публикации-стимуле проблематикой; эксплицитность тезиса; структура аргументации; типы аргументов.

Ключевые слова: интернет-дискурс, интернет-коммуникация, аргументация, тезис, аргументы, интернет-комментарий

Для цитирования: Быкова О. А. К вопросу об аргументации в интернет-дискурсе (на материале франкоязычного интернет-комментария) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 31–36.

Original article

On the Issue of Argumentation in Internet Discourse (based on Francophone Internet Comments)

Olga A. Bykova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
bykoolya@yandex.ru*

Abstract. This article examines the specifics of argumentation in computer-mediated discourse, using data from francophone internet comments. The aim of the study is to identify some characteristic features of argumentation in this type of discourse, considering its constitutive characteristics. After reviewing existing approaches to defining argumentation, the paper analyzes a corpus of argumentative internet comments. The results of this research, conducted within a discursive and pragmatic framework, include several important observations regarding the correlation of comments with the issues raised in the stimulating publication; the explicitness of the thesis; the structure of argumentation; and the types of arguments.

Keywords: internet discourse, internet communication, argumentation, thesis, arguments, internet comment

For citation: Bykova, O. A. (2024). On the issue of argumentation in Internet discourse (based on francophone Internet comments). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 31–36. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Аргументативный дискурс является необходимой составляющей человеческого общения, выступая как механизм выражения мнений, убеждений и отношений между индивидами и сообществами. Он играет ключевую роль в научной, политической, социальной и повседневной коммуникации, позволяя участникам обсуждения предоставлять, оспаривать и обосновывать свои позиции на основе логических доводов и фактических данных.

«Аргументация» – это слово, относящееся не только к научному, но и к разговорному языку и обозначающее одновременно дискурсивную практику и область исследования. Дискурсивный подход позволяет выявить специфику механизма аргументации в разных типах дискурсов и установить, что, несмотря на общие черты (в частности, структурно-логические), аргументация приобретает определенные особенности, подчиняясь условиям и целям того дискурса, в котором она реализуется.

Гипотеза данной статьи заключается в том, что конститутивные признаки интернет-дискурса оказывают решающее влияние на построение аргументации в интернет-пространстве, в частности, в таком популярном жанре, как интернет-комментарий. В результате формируются определенные модели аргументации, специфичные для интернет-дискурса.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АРГУМЕНТАЦИИ В ЛИНГВИСТИКЕ

Исследование аргументации как инструмента воздействия на собеседника в лингвистике традиционно осуществляется в двух основных перспективах: риторической (скорее, практико-ориентированной) и логической (скорее, структурно-семантической). Вместе с тем проблематика аргументации не ограничивается данными подходами, будучи включенной в круг вопросов, связанных с когнитивистикой, анализом дискурса, лингвистикой текста, прагмалингвистикой, социолингвистикой, психолингвистикой и т. д. Это влечет за собой возникновение разноплановых подходов и методологий исследования данного явления.

Когнитивный подход к определению аргументации

Рассматривая аргументацию как один из фундаментальных когнитивных механизмов, лежащих в основе мышления человека, А. Н. Баранов отмечает, что «с когнитивной точки зрения аргументация предстает как комплекс языковых средств, используемых для влияния на поведение человека (то есть как фактор, воздействующий на процесс принятия, решений), а также как особый тип

дискурса (наряду с рассуждением, описанием, рассказыванием, обучением и т. п.), который характеризуется особыми коммуникативными и иллокутивными целями и специфическими последовательностями речевых актов <...>. С точки зрения когнитивного подхода лингвистическое изучение аргументации следует рассматривать как часть общей модели мышления и коммуникативной деятельности человека, разрабатываемой в когнитивной науке и искусственном интеллекте» [Баранов, 1990, с. 3–4]. Когнитивную функцию аргументации выделяет и М. Дури. Аргументация помогает говорящим обдумать свои мнения, вербализуя их, а затем сталкивая их. В этом процессе процесс поиска аргументов и выстраивания аргументации может привести к некоторым открытиям, и посредством эвристического исследования темы и проверке ее с помощью критического аргументативного вопроса генерировать знания [Dougy, 2016].

Семиотический подход к определению аргументации

В перспективе исследования языковой системы выявляется, как различные явления аргументации представлены в языковой системе и какие языковые явления служат для реализации аргументативных функций. В семиотических параметрах А. Н. Баранов рассматривает коммуникацию как особый вид коммуникации. Его суть заключается в специфическом воздействии на сознание адресата языковых выражений. Их, в свою очередь, организует сам говорящий. Причем говорящий действует в соответствии с принципами убеждения, присущими языковой культуре, к которой он принадлежит. В данном коммуникативном процессе А. Н. Баранов выделяет семантику (содержание аргументов и тезисов), синтактику (последовательность тезисов, аргументов и контраргументов) и прагматику (принципы и правила, которые обеспечивают уместность, действенность и успешность аргументации) [Баранов, 1990]. Вместе с тем, автор отмечает прагматическую доминанту, когда речь идет об аргументации как объекта исследования в языкознании.

Семиотический подход к аргументации предлагает многослойное и комплексное понимание того, как формируются и воспринимаются аргументы. Он позволяет рассматривать аргументацию не только как логическую конструкцию, но и как культурный и социальный процесс, в котором знаки и значения играют ключевую роль в формировании общественного мнения и убеждений. Причем в современной трактовке семиотической природы аргументации речь идет не только о лингвистических знаках, но и, например, о визуальном компоненте, если речь идет о креолизованных текстах.

Прагматический подход к определению аргументации

С позиций прагмалингвистики аргументация может быть определена как макроречевой акт. Он состоит из совокупности утверждений, направленных на обоснование или опровержение выраженного мнения и рассчитанных на упорядоченное обсуждение, которое осуществляется с целью убедить разумного судью в определенной точке зрения относительно приемлемости или неприемлемости данного выраженного мнения [Eemeren, Grootendorst, 1984]. Со структурной точки зрения авторы рассматривают аргументацию как комплексный речевой акт, состоящий из элементарных иллокуций, которые относятся к категории ассертивов.

Рассматривая аргументацию с позиций теории речевых актов, необходимо учитывать иллокутивный компонент как макроречевого акта аргументации в целом, так и ее речевых компонентов-ассертивов. Р. Амосси выделяет следующие целевые установки аргументации: побудить собеседника согласиться с определенным тезисом, изменить его представление или мнения по отношению к данному тезису, или же просто особым образом ориентировать его точку зрения или побудить к размышлению над поставленным вопросом [Amossy, 2012]. Справедливо выделяя установку «побудить к размышлению» автор расширяет понимание перлокутивного компонента аргументации. Таким образом, в качестве положительного перлокутивного эффекта может выступать не только реакция согласия, но и другие типы реакций (например, утверждение, что тема интересна и неоднозначна, требует углубленного изучения и т. д.). Интересно, что, выделяя в работе устойчивые общепринятые ассоциации с понятием «аргументация» в сознании французских респондентов, М. Дури перечисляет следующие цели: «Наиболее часто упоминаемая цель – “убедить” или “доказать”. Иногда также упоминаются другие цели, такие как “объяснить”, “донести” или “выразить» [Doury, 2016, с. 10]. Параллельно автор указывает на то, что в комментариях носителей французского языка появляются замечания, что аргументация должна соответствовать определенным требованиям и относиться к нормативному пониманию: аргументировать – значит давать “хорошие” причины; аргументировать – значит

производить “рациональную” речь; аргументировать – значит, противоположность “манипуляции” [Doury, 2016].

СТРУКТУРА АРГУМЕНТАЦИИ

Со структурной точки зрения аргументация определяется как деятельность речи, она обычно рассматривается как соединение (по крайней мере) одного аргумента (причины) с выводом. Таким образом, она считается текстовой последовательностью, которая распадается на два компонента, иногда соединенных специальным словом, чаще всего обозначаемым как «союз», «логический связующий элемент» или «аргументативный связующий элемент». Переход от одного компонента к другому ассоциируется с предикатами, такими как «оправдывать», «демонстрировать», «доказывать», «выводить», «делать вывод».

Ж.-М. Адам выделяет два основных плана организации. Первый [A] обеспечивает текстуальную связь последовательностей высказываний и объясняет, почему текст не является случайной последовательностью предложений. Текстура [A1] и композиционная структура [A2] обеспечивают текстуальную непрерывность. Второй план [B] относится к прагматической организации. По мнению автора необходимо выделить три плана прагматической организации и рассмотреть их взаимосвязь. От значения лексических единиц до изотопий (полиизотопия и гетеротопия, порожденные фигурами), включая общий тему или топик, строится представление («мир(ы)»), которое соответствует семантико-референтной организации текста [B1]. Явления принятия на себя предложений (фокусировка, полифония, модализация) соответствуют организации высказывания [B2]. Наконец, цели или намерения состоят из последовательных и глобальных актов речи, которые соответствуют иллокутивной организации [B3] [Adam, 1996].

Аргументацию автор относит к уровню A2, рассматривая ее как один из способов организации текста / дискурса, наряду с нарративным, дескриптивным, экспликативным, диалогическим типами.

Ж.-М. Адам предлагает следующую прототипическую структуру аргументации [Adam, 1996, с. 35] (см. схему 1).

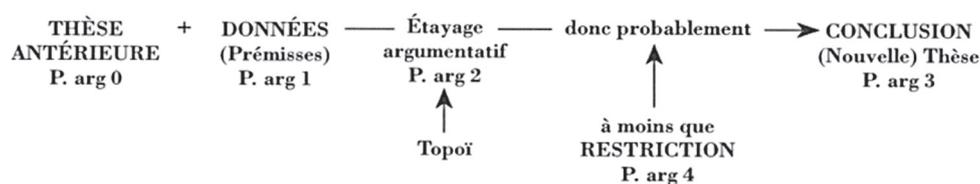

Схема 1

В других работах автор ссылается также на структуру аргументации, предложенную О. Дюкро [Adam, 1996, с. 35] (см. схему 2).

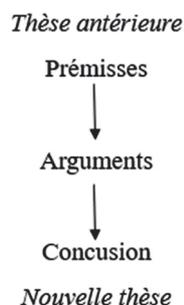

Схема 2

Учитывая в целом упрощенный характер интернет-коммуникации, где особенно важно передать максимальную информацию за минимальную единицу времени, данная прототипическая структура, по нашим наблюдениям, реализуется редко. Авторы интернет-комментариев часто опускают некоторые компоненты аргументации. Поэтому в рамках нашего анализа схема О. Дюкро представляется более операционной, нежели схема Ж.-М. Адама.

АНАЛИЗ АРГУМЕНТАЦИИ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ

В качестве корпуса для анализа мы отобрали 57 содержащих аргументацию комментариев к посту в новостной ленте «France Inter», приведенной ниже: *Il y a une défiance énorme, chez beaucoup de jeunes, sur la démocratie.*

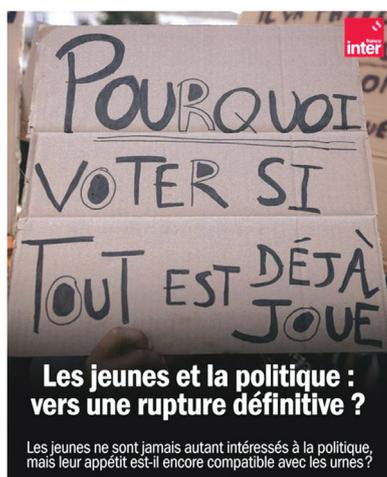

Рис. 1. Публикация в новостной ленте «France Inter»

Стимул – соединение визуального и текстового компонентов (текстового элемента и креолизованного текста в виде фотографии плаката с текстовым

комментарием к ней). Аргументативный посыл (*prémisse*) стимулирующего комплекса заключается в следующем: молодые люди с недоверием относятся к демократии (данная идея акцентируется лексемой *énorme* и затем усиливается словосочетанием *rupture définitive*).

Анализ комментариев осуществлялся по нескольким направлениям:

- соотносённость с предложенной в публикации «France Inter» проблематикой;
- эксплицитность тезиса;
- структура аргументации.

Соотнесённость с предложенной проблематикой

В результате анализа корпуса примеров было установлено, что лишь в 37 % случаев аргументация относилась ко всем смысловым компонентам текста-стимула (молодежь, выборы и политика в целом). В особой степени показательно то, что около 59 % комментариев содержали генерализованное рассуждение (например, о проблемах демократии в целом, как в комментарии 1 или о праве голоса, как в примере 2):

- 1) déjà, sans parler des élections françaises, tant Qu'on restera dans l ue, il ne pourra y avoir de démocratie. Les élections n ont aucun sens quand la politique de se pays n est même plus décidée par nos élus
- 2) Pensez-vous réellement que voter soit utile?
Regardez 2005 et l'Europe:
Résultat non. Le «lendemain» oui.
Le choix des candidats?
1 500 signatures.
2 divulgation des signatures.
Résultat: Que des candidats agréés.
Etcétera...

В примере (1) автор комментария в самом начале заявляет о том, что его комментарий напрямую не связан с заявленной тематикой (sans parler des élections françaises) и содержит преимущественно обобщающее видение ситуации. Аналогичное обобщение, выраженное риторическим вопросом, представляет собой начало комментария в примере (2): автор заявляет в качестве темы пользу голосования, при этом приводя в качестве аргументов ситуацию в Европе в целом, а не только во Франции. Интересно, что многие из отобранных комментариев содержат подобное расширение в сторону европейской проблематики и выход за пределы Франции.

Интернет-дискуссии, особенно в комментариях, часто принимают форму полемики, в которой собеседники не только обмениваются аргументами, но и выражают свои эмоции, говорят о том, что и их волнует больше всего (даже если это опосредованно связано с темой), знакомят других со своими предположениями и убеждениями. Это создает динамичную и порой конфликтную обстановку, в которой качество аргументации может значительно варьироваться.

Можно предположить, что динамика коммуникативных обменов в интернет-пространстве, необязательность реакции со стороны собеседников, а также в целом менее регламентированный, открытый, формат общения побуждает собеседников более свободно, чем в реальном общении, высказывать свое мнение, при этом не акцентируя внимание на содержательной стороне высказывания. В отличие от реальной коммуникации, на успешность которой влияет реакция участников диалога и полилога (поскольку она служит отправной точкой для развития интеракции), интернет-пространство создает наименьший риск того, что комментарий приведет к прерыванию коммуникации.

Эксплицитность тезиса и структура аргументации

Эксплицитные и имплицитные способы выражения тезисов в проанализированном корпусе примеров распределились практически равноценно: 48 % эксплицитно выраженные тезисы и 52 % имплицитно. По нашим наблюдениям, экспликация и импликация соотносятся с двумя разноплановыми интенциями.

Экпликация реализует намерение четко и понятно выразить мысли и убедить любого потенциального собеседника (так как комментарии находятся в открытом доступе и часто не нацелены на конкретного (-ых) партнера(-ов) по общению).

Так, в примере (3) автор представляет аргументацию с полной структурой «предпосылки – аргументы – вывод». Аргументация имеет аналитическую структуру: рассматривается положение дел, приводятся аргументы в пользу его изменения и делается вывод (новый тезис). Он заключается в том, что нужно преобразовать демократический строй таким образом, чтобы он превратил французскую политическую арену в платформу для изменений и выражения активной гражданской позиции.

- 3) Le paradoxe de cette génération est frappant: jamais autant engagée et mobilisée pour des causes sociétales majeures, elle se détourne pourtant des urnes. La défiance vis-à-vis des formes traditionnelles de la démocratie semble être le cœur du problème. Il ne s'agit pas d'un

désintérêt, mais d'une remise en question profonde du contrat démocratique, perçu comme inefficace et déconnecté des réalités. Pour reconnecter les jeunes à la politique institutionnelle, il ne suffira pas de simples ajustements, mais d'une refonte des pratiques et des discours, pour répondre à leurs aspirations de justice sociale, environnementale, et d'authenticité. Le véritable enjeu est de repenser la démocratie pour qu'elle soit à nouveau un espace d'engagement et de transformation, et non une arène de déceptions successives.

Однако в многочисленных примерах эксплицитные тезисы реализуются в неполных структурах комментария (67 %), почти половина из которых не содержит других элементов. Ярким примером может послужить комментарий 4, в котором автор не подкрепляет тезис аргументами, высказывая при этом достаточно радикальное суждение (выражение *foutage de gueule* имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию).

- 4) Le vote est devenu un foutage de gueule.

По итогам анализа имплицитный тезис формулируется авторами комментариев в двух основных случаях. В первом случае речь может идти о намерении дать простор воображению читателей и заставить размышлять над проблемой (как в примере 6, где аргументы приобретают форму риторических вопросов) или кажущейся очевидности вывода (нового тезиса), как в примере 5, где приводится аргумент к авторитету.

- 5) Si voter servait à quelque chose il y a longtemps que ce serait interdit. On s'en rend bien compte.
6) Jeunes? N'avons nous pas ressenti les mêmes choses? Toujours contre tout?

В первом случае (пример 5) автор предлагает другим пользователям поразмышлять над цитатой (авторство которой он не указывает). Имплицитно автор указывает на то, что голосование бесполезно (это пресуппозиция предложения *Si voter servait à quelque chose*), а вся цитата представляет собой силлогизм. Таким образом, цитата в данном случае служит не только для реализации аргументативной интенции, но и для самопрезентации пользователя.

В примере 6 автор имплицитно, ссылаясь на свой опыт и приобщая к нему опыт всех читателей (на что указывает местоимение *nous*), что молодежь всегда проявляла бунтарство и этому не стоит удивляться.

ИмPLICITная и эксплицитная аргументации не являются специфичными только для интернет-пространства, однако в виртуальной среде они обладают определенной иллокутивной спецификой. Сочетание в интернет-дискурсе черт устной и письменной коммуникации, на наш взгляд, влияет на формирование аргументации. С одной стороны, некоторые пользователи стремятся к лаконичности, быстрой передаче сообщения, с другой – письменный канал позволяет вернуться к сообщению, опубликованному ранее, и успешнее воспринимать его содержание, как в случае развернутого и полного комментария, так и при необходимости декодировать имплицитное содержание высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, изучение аргументации в интернет-дискурсе представляется перспективным направлением,

расширяющим понимание данного феномена. Помимо освещенных в статье аспектов аргументации, таких как тематическая соотнесенность аргументации, структурный компонент аргументации, экспликация тезиса, интерес представляет также выбор аргументов, контраргументация, реакции согласия / несогласия с содержанием аргументации других пользователей и т. д.

Исследование в целом подтвердило гипотезу о том, что специфика компьютерно-опосредованной коммуникации накладывает отпечаток на развертывание аргументации. Так, открытость и гибкость данной формы общения влияет, в частности, на процент реакций, тематически полностью соотнесенных с репликой стимулом. Гибридность интернет-дискурса (сочетание в нем устной и письменной форм общения) проявляется на структурном уровне реализации аргументации, а также влияет на форму выражения тезиса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
2. Doury M. Argumentation: analyser textes et discours. Paris: Armand Colin, 2016.
3. Eemeren F. H. van, Grootendorst R. Speech Acts in Argumentative Discussions. Dordrecht: Foris Publications, 1984.
4. Amossy R. L'argumentation dans le discours. Paris: Armand Colin, 2012.
5. Adam J.-M. L'argumentation dans le dialogue // Langue française. 1996. № 112. P. 31–49.

REFERENCES

1. Baranov, A. N. (1990). Lingvisticheskaya teoriya argumentacii (kognitivnyj podhod) = Linguistic theory of argumentation (cognitive aspect): abstract of abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
2. Doury, M. (2016). Argumentation: analyser textes et discours. Paris: Armand Colin.
3. Eemeren, F. H. van, Grootendorst, R. (1984). Speech Acts in Argumentative Discussions. Dordrecht: Foris Publications.
4. Amossy, R. (2012). L'argumentation dans le discours. Paris: Armand Colin.
5. Adam, J.-M. (1996). L'argumentation dans le dialogue. Langue française, 112, 31–49.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Быкова Ольга Алексеевна

кандидат филологических наук

и. о. заведующего кафедрой лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bykova Olga Alekseevna

PhD (Philology)

Acting Head of the Department of French lexicology and stylistics

Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

15.09.2024
18.10.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Когнитивная война: к вопросу о разработке терминологического аппарата

И. А. Гусейнова¹, К. Ю. Решетников²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, ginnap@mail.ru

²Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, cyrilreshe@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в описании содержательных аспектов понятийного аппарата триады «тотальная война – информационная война – когнитивная война» с учетом экстралингвистических обстоятельств. При изучении феномена когнитивной войны применяется комплексная методика, включающая элементы дискурс- и контент-анализа, а также интерпретационный и лексико-семантический методы. В заключение говорится о необходимости дальнейшего исследования когнитивной войны, направленной на оказание воздействия на сознание массового реципиента с целью изменения не только его социального поведения, но и ценностных ориентаций и мировоззрения.

Ключевые слова: тотальная война, информационная война, когнитивная война, цивилизационный подход, междоцивилизационный подход, идеологический компонент, амбисемия

Для цитирования: Гусейнова И. А., Решетников К. Ю. Когнитивная война: к вопросу о разработке терминологического аппарата // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 37–45.

Original article

Cognitive Warfare: on the Issue of Developing a Terminological Apparatus

Innara A. Guseynova¹, Kirill Yu. Reshetnikov²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, ginnap@mail.ru

²Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation, Moscow, Russia, cyrilreshe@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to describe the substantive aspects of the conceptual apparatus of the triad «total war – information war – cognitive war» taking into account extralinguistic circumstances. A comprehensive methodology is used by studying the phenomenon of cognitive warfare including elements of discourse and content analysis, as well as interpretative and lexico-semantic methods. It is concluded that there is a need for further research of cognitive warfare aimed at influencing the consciousness of a mass recipient in order to change not only his social behavior, but also value orientations and worldview.

Keywords: total warfare, information warfare, cognitive warfare, civilizational approach, intercivilizational approach, ideological component, ambisemia

For citation: Guseynova, I.A., Reshetnikov, K. Yu. (2024). Cognitive warfare: on the issue of developing a terminological apparatus. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 37–45. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проводимого исследования определяется тем, что сегодня наряду с термином СВО в качестве синонимов используются такие обозначения, как *война*, *военные действия*, *военная операция* и другие. Целесообразно отметить и другой не менее значимый синонимический ряд, который сегодня получил распространение не только в профессиональном дискурсе военных и политических деятелей, но и в публичном пространстве, а именно в традиционных и новых СМИ. К их числу относятся соответственно печатные издания и публикации, размещаемые в телекоммуникационной сети Интернет. Речь идет о терминах «тотальная война» – «информационная война» – «когнитивная война». Цель и исследовательские задачи настоящей статьи заключаются в том, чтобы систематизировать указанные термины и в некотором смысле их упорядочить. Это невозможно осуществить без опоры на труды российских исследователей, которые уделяют пристальное внимание как термину когнитивная война, так и понятию СВО. Новизна проводимого нами исследования заключается в выявлении способов объективации феномена когнитивной войны в иноязычных СМИ на материале немецкого языка, в установлении специфики использования идеологического компонента для формирования общественного мнения и отношения к СВО в немецкоязычном социуме, а также в последовательном описании эволюционирующего характера нового типа войны. К нему, без всякого сомнения, относится когнитивная война. Материалом исследования служат теоретические труды и современные контексты немецкоязычного дискурса СМИ, в которых в разной степени представлены содержательные аспекты феномена когнитивной войны.

Теоретико-методологическую базу нашего исследования составляют: 1) труды по когнитивистике Н. Н. Болдырева, О. К. Ирисхановой, М. И. Киосе, Е. С. Кубряковой [Болдырев, 2008; Ирисханова, 2019; Киосе, 2021; Кубрякова, 2004; Кубрякова, 2008]; 2) труды по философско-гуманитарной проблематике, в том числе, научные сочинения Г. В. Вернадского и А. Г. Дугина [Вернадский, 2014; Дугин, 2022].

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА

Военный дискурс относится к той разновидности институционального дискурса, которая имеет устойчивый лингвистический статус, что

предполагает использование для достижения практических целей конкретных стратегий, в том числе стратегий воздействия. Напомним, что функция любого вида воздействия заключается в том, чтобы деформировать сознание массового реципиента, навязав ему определенное мировоззрение, которое в дальнейшем определит систему ценностных взглядов и ориентиров каждого индивида. Воздействие реализуется через определенный набор семиотических кодов, используемых для влияния на когнитивную систему человека – эмоциональную и рациональную. По нашим наблюдениям, на рубеже XX и XXI веков наблюдается устойчивая тенденция к разработке объединяющего макрокоммуникативного подхода, с помощью которого было бы возможно оказать воздействие на социум через **комбинирование** различных семиотических кодов [Барт, 1994]. Многократное усиление воздействия на органы чувств массового реципиента, становящееся возможным в виртуальной среде, обеспечивает устойчивое существование ключевых слов и понятий в разных типах среды, а также создает культуру *мемов* [Денисова, 2023] – форм подачи информации в виде определенных слов, фраз, клише, рисунков или изображений, видеороликов, тиражируемых в СМИ и актуальных в определенный период времени. Многие ученые также справедливо отмечают расцвет *метафоры* в информационной среде, в частности *когнитивной метафоры*, обеспечивающей успешную интеграцию текстов разной жанровой направленности в разные виды институционального дискурса.

Исследователи отмечают, что «для дальнейшего продвижения гуманитарных технологий сегодня особенно остро стоит вопрос о сближении философии и психологии» [Мигунов, 2011, с. 23], иными словами о сближении общегуманитарного и мировоззренческого знания с инновационными цифровыми технологиями. Их конвергенция влечет за собой тектонический сдвиг в сознании массового реципиента. Такое положение дел стимулирует изучение в контексте когнитивной войны **идеологии**, или в современной трактовке **идеологического компонента, идеологического фактора**.

Идеология в самом широком смысле трактуется как некая система идей, которая поддерживает, прежде всего, государственные (национальные) интересы. Различаются разные виды идеологии, например, выделяют коммунистическую, национальную, религиозную, политическую и другие виды идеологии [Земцов, 2009]. При сопоставлении разных видов идеологии с разновидностями социальных институтов обнаруживается неизбежная корреляция между ними. Это означает, что идеологический

фактор пронизывает все сферы человеческой деятельности и представляет собой систему и структуру взглядов, которые призваны обеспечить устойчивое функционирование социальных институтов в разных типах пространства, включая виртуальное. В современных работах отмечается тенденция к сближению представлений об идеологическом компоненте и **ценностях** [Гусейнова, Горожанов, 2023а; Гусейнова, Горожанов, 2023б; Гусейнова, Горожанов, 2023в].

Таким образом, любое противостояние носит идеологический характер, т. е. оно строится на противопоставлении и / или совмещении различных ценностных систем. В этом смысле основу информационного противостояния, когнитивных войн и т. п. также формируют ценностные системы и ориентации. В ранее проведенных нами исследованиях мы также подчеркиваем, что идеологический компонент присущ преимущественно политическому дискурсу [Будаев, Чудинов, 2019; Моргунова, Морару, 2022; Селиванова, 2022]. Значительное количество научных работ посвящено изучению этой разновидности институционального дискурса: в них анализируются лексемы и устойчивые комплексные знаки, содержащие в себе элементы идеологии. Нередко подобные лексические единицы выступают в качестве шаблонных фраз, призванных структурировать основное содержание той или иной публикации в СМИ. Их рекуррентность оказывает влияние на сознание массового читателя, реформирует его и со временем служит базой для понимания и интерпретации события [Титкова, 2014; Иванов, 2019]. Формы представления идеологического компонента варьируются, приобретая нередко символические черты, что особенно заметно при помещении текстов в «темпоральную матрицу» [Халас, 2021, с. 39], которая придает тексту соответствующую идеологическую окрашенность. Иными словами, один и тот же текст, насыщенный символами разных эпох, при проведении соответствующей лингвистической обработки приобретает заданную идеологическую оформленность.

ТИПОЛОГИЯ ВОЙН В ЭВОЛЮЦИОНИРУЮЩЕМ АСПЕКТЕ

При рассмотрении типологии войн мы опираемся, в частности, на тезисы о культуре, выдвинутые Ю. М. Лотманом, который справедливо отмечает, что «культура всегда подразумевает сохранение предшествующего опыта» [Лотман, 2016, с. 10].

Несмотря на то, что понятия «культура» и «война» являются, казалось бы, несовместимыми, следует отметить, что война имеет «свои правила», которые фиксируются в военных стратегиях и тактиках,

а также в стратегемах. Из истории войн нам известно, что правители придерживались двух определенных стратегем: 1) объявление войны и начало похода; 2) вероломное нападение. Очевидно, что военные походы были ориентированы на отдаленные территории, в то время как соседние территории подвергались преимущественно вероломному нападению.

Из общей истории войн нам также известно, что война эволюционировала в соответствии с развитием государства. Можно условно выделить несколько типов войн. Историки говорят о так называемой «войне человека против человека» (ср. нем. Kampf Mann gegen Mann), примером которой могут служить войны Тамерлана в XIV веке, а также о «войне пушек» (ср. нем. Kanonenkrieg), усматриваемой в наполеоновских войнах XIX века. Великую отечественную войну 1941–1945 гг. (Вторую мировую войну) называли войной *моторов*, так как ключевую роль стали играть соответственно самолеты, танки и нефть. В дискурсе Второй мировой войны отдельно выделяют **войну на уничтожение** (нем. Vernichtungskrieg), направленную на истребление целых народов. После известной речи У. Черчилля в Фултоне в 1946 году в употребление вошел термин *холодная война* (англ. cold war, нем. der Kalte Krieg). В 70-е годы XX века в контексте гонки вооружений получил повсеместное распространение термин «ядерная война» (нем. Atomkrieg). Сегодня этот ряд применительно к СВО может быть продолжен триадой *тотальная война – информационная война – когнитивная война*.

Анализ предметно-специальной литературы [Tögel, 2023] и некоторых актуальных текстов немецкоязычных СМИ свидетельствует о том, что в последнее время упомянутые словосочетания употребляются нередко в одних и тех же контекстах. Отмечается использование следующих клишированных выражений: *der totale Krieg – der Informationskrieg – der kognitive (mentale) Krieg*. В триаде мы наблюдаем терминологическое совпадение (см. выше: *тотальная война – информационная война – когнитивная война*), что свидетельствует об устойчивом их использовании в дискурсе СМИ. Приведем следующий пример на немецком языке:

*Von Putin bis AfD: Ist Deutschland dem Informationskrieg Russlands gewachsen? Russland führt einen Informationskrieg gegen uns, sagt Verteidigungsminister Boris Pistorius. Gefälschte Social-Media-Accounts machen Stimmung, echte Accounts verbreiten Kreml-Propaganda. Sind Politik, Medien und Gesellschaft dem gewachsen?*¹

¹URL : <https://www.deutschlandfunk.de/von-putin-bis-afd-ist-deutschland-dem-informationskrieg-russlands-gewachsen-dlf-f6bac57a-100.html>.

Переведем данный отрывок на русский язык:

От Путина до АдГ: Готова ли Германия к информационной войне со стороны России? По словам министра обороны ФРГ Бориса Писториуса, Россия ведет против Германии информационную войну. Боты задают тон в социальных сетях, с аккаунтов реальных пользователей распространяется кремлевская пропаганда. Готовы ли политики, СМИ и общество противостоять этому? (Пер. М. С. Фирстова)¹

Из приведенного выше примера следует, что понятие информационной войны формирует сегодня дискурс СМИ Германии. Полемический модус реализуется за счет цитирования известных в немецкоязычном социуме военных деятелей, в данном случае министра обороны Германии Б. Писториуса, а также за счет применения вопросительных конструкций, которые вносят необходимую степень напряжения, побуждающего к осмыслению происходящего и стимулирующего дискуссии в экспертном сообществе. Различные точки зрения политической элиты дают толчок к обсуждению затронутой темы в обществе, способствуя тем самым выработке общественного мнения и отношения к конкретным событиям и фактам объективной реальности. Отметим, однако, что практически ритуальным элементом выступает упоминание имени российского президента, а упоминание Кремля используется преимущественно в контексте российской пропаганды и / или информационной войны. Безусловно, такая манипулятивная техника заявительного характера способствует формированию общественного мнения в немецкоязычном социуме, но отсутствие аргументации и доказательств при использовании декларативных высказываний порождает и противоположное мнение, транслируемое в данном случае партией «Альтернатива для Германии».

Особое внимание в немецкоязычном социуме уделяется словосочетанию *kognitive Kriegsführung* (ведение когнитивной войны), которое, по нашему мнению, вошло в широкое употребление благодаря а) научным исследованиям, посвященным феномену современной войны [Tögel, 2023]; б) расширенному синонимическому ряду:

kognitive Kriegsführung – Manipulationstechniken (приемы манипуляции / манипулирования) – Manipulationstechniken als Waffengattung der NATO (техники манипулирования как разновидность наступательного оружия) – *Kriegspropaganda* (военная пропаганда) – *digitale Manipulation* (манипулирование

при помощи цифровых технологий), *kulturelle Manipulation* (манипулирование культурой) – *Zukunftstechnologien* ((манипулятивные) технологии будущего) [там же].

В современном военном дискурсе СМИ Германии по отношению к СВО широко используется также терминология и слова из дискурса Второй мировой войны. Примером служит также выражение У. Черчилля *железный занавес* (англ. *iron curtain*, нем. *der eiserne Vorhang*), которое трактуется как обозначающее «психологический барьер между населением воюющих блоков – барьер, созданный ‘пропагандой ненависти’ с обеих сторон» [Душенко, 2018, с. 192]. Справедливости ради нужно, однако, сказать, что метафора *железный занавес* появилась на тридцать лет раньше, в 1916 году в период морского противостояния Германии и Британии. Итак, налицо употребление слов, имеющих историческую подоплеку. Причем они чаще всего наделены негативными коннотациями. Внедрение этих слов в дискурс западных СМИ располагает исследователей к их анализу. В сложившейся международной обстановке становится необходимым выявление содержания подобных лексем, изучение лингвокогнитивных механизмов, поддерживающих их устойчивое функционирование в различных средах. Иными словами, необходимо систематическое выявление вербальных факторов, которые определяют воздействие западных СМИ на массового реципиента. Следует выяснить, каковы внешние механизмы формирования его взглядов на факты и явления действительности». В последнее время в дискурсе немецкоязычных СМИ мы наблюдаем такую тенденцию, как употребление слова, которое в номинативном аспекте не обладает избыточной коннотацией и вполне может считаться нейтральным, однако при погружении в определенный контекст приобретает дополнительные смыслы, в дальнейшем популяризуемые в СМИ и способствующие формированию общественного мнения. Одним из наиболее иллюстративных примеров служат так называемые антислова года² (*Unwort des Jahres*)

(МЕЖ)ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД И ТРИАДА «ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА – ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА – КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА»

Учитывая вышеописанное, мы считаем целесообразным дать характеристику терминам

²URL: https://www.tagesschau.de/thema/unwort_des_jahres#:~:text=Jury%20gibt%20Entscheidung%20bekannt%20%22Remigration%22%20ist%20Unwort%20des%20Jahres%202023.

¹М. С. Фирстов – дипломированный переводчик-синхронист (немецкий язык).

«тотальная война» – «информационная война» – «когнитивная война» на основании (меж)цивилизационного подхода.

Продолжая тему типологизации войн, в целях лучшего понимания основ современного военного дискурса мы обратимся к материалам, которые были рассмотрены в ходе дискуссий, охватывающих широкий спектр тем в рамках вестернологии и проблемы идентичности России.

Применение цивилизационного подхода к проблеме когнитивных войн требует обращения к определенным принципиальным положениям. Во-первых, необходимо учитывать тот факт, что при смене эпох в пределах последовательности «премодерн – модерн – постмодерн» происходит разрушение единого сакрального базиса. Во-вторых, философские и культурфилософские взгляды оказали существенное влияние на правила ведения войн, которые существовали длительное время в рамках формулы *справедливой войны*. В-третьих, если в эпоху премодерна велась *традиционная война*, то в эпоху модерна произошел поворот в сторону *тотальной войны*, а в эпоху постмодерна она трансформировалась в *информационную войну*. Именно переход к стадии информационной войны обусловил возникновение *когнитивной войны*.

В нашем исследовании при толковании термина «тотальная война» мы учитываем, прежде всего, экономический аспект войны. Напомним, что войны, независимо от исторического периода их существования, велись с целью овладения физической (географической) территорией, а также с целью получения контроля над природными ресурсами противника. Все перечисленное в совокупности можно соотнести с представлением о *жизненном пространстве* (*Lebensraum*), освоение которого является обязательным условием для сохранения жизни и осуществления человеческой деятельности. Применительно к телекоммуникационной сети Интернет мы наблюдаем похожую стратегию, реализация которой тесно связана с освоением коммуникативно-дискурсивного пространства и насыщением его теми или иными ценностными смыслами.

На наш взгляд, *информационная война* имеет идеологическую подоплеку: она строится на комплексе ключевых слов, а в последнее время и мемов, тиражируемых СМИ и постепенно, но на регулярной основе внедряемых в сознание массового реципиента. На основе ключевых слов в дальнейшем строится ценностное отношение массового реципиента к событиям и фактам объективной реальности. В результате формируется общественное мнение, которое служит консолидации различных социумов в реальной действительности и «цементирует» социокоммуникативные группы,

если говорить о виртуальной среде. На наш взгляд, сводить содержание термина только к информационным кибератакам не очень продуктивно, поскольку сегодня практика информационных войн ими не ограничивается. Мы полагаем целесообразным говорить об информационной войне в широком смысле и далее не сужать смысл данного понятия.

Под *когнитивной войной* в русле (меж)цивилизационного подхода мы понимаем борьбу за освоение различных видов ментальных и культурных пространств с целью их насыщения определенными концепциями и смыслами. При этом речь идет, прежде всего, об оказании воздействия на сознание массового реципиента при помощи различных технологий. Комбинирование этих технологий позволяет влиять на разные целевые аудитории с учетом их социолингвистических параметров и институциональных характеристик. Таким образом, объектом когнитивной войны становятся не только участники *горячей войны*, но и целые национально-культурные и языковые общества. Очевидно, что изменение методов воздействия и расширение его объекта требует пересмотра инструментария и репертуара гуманитарных технологий и стратегий. Многие авторы справедливо обозначают эту методологическую задачу как необходимость «изменения представления о войне в условиях нового уровня развития технологий» [Медушевский, 2023, с. 86]. Далее в цитируемой статье отмечается, что «наряду с пятью известными сферами войны (на земле, в воздухе, на воде, в космосе и киберпространстве), появляется шестая – когнитивная» [там же, с. 86]. А. Н. Медушевский справедливо отмечает циничный смысл когнитивной войны и одновременно подчеркивает, что «в ней очень четко представлены ключевые тренды развития современного глобального социума, проанализированы новые формы и методы соперничества военных блоков, а также сделаны вполне определенные выводы о перспективных технологиях экономического и политического доминирования в будущем» [там же, с. 88]. Попробуем проиллюстрировать вышесказанное на конкретных примерах реализации элементов когнитивной войны.

В нашем исследовании мы намеренно делаем акцент на немецкоязычный контекст и приводим примеры на немецком языке с переводом. Это обусловлено следующими причинами. Мы предполагаем, что Запад исходит из намерения «переписать историю», столкнув Россию с идеологическим противником, преследующим реваншистские цели. На роль такого противника подходит Германия. Кроме того, общеизвестно, что экономика и инфраструктура Германии занимает важное место в ЕС

и НАТО, а в ретроспективном плане ключевое значение имеет долгая история дружественных и недружественных отношений Германии с Россией. В подтверждение вышесказанного приведем следующую цитату: «В настоящее время российско-германские отношения переживают один из сложнейших этапов в своей истории – многоплановое сотрудничество застопорилось, наступило взаимное разочарование. Началом процесса отчуждения, его исходной точкой немецкие и российские эксперты называют различные события в Европе и мире, в отношениях РФ с ФРГ, ЕС, НАТО: например, отказ западных союзников от участия в совместной прощальной церемонии в Берлине по случаю вывода войск держав-победительниц в 1994 г.; участие ФРГ в силовой акции НАТО против суверенной Югославии в 1999 г.; поддержку со стороны США, ФРГ, ЕС и НАТО Евромайдана в Киеве с подключением радикальных националистов; события в Крыму, на Донбассе» [Васильев, 2019, с. 9].

Приведем примеры на немецком языке, демонстрирующие работу над ценностными смыслами с учетом идеологического компонента, обеспечивающего переход к когнитивной войне. В зарубежных медиа наблюдается явная стратегия намеренного представления России в негативном ключе. При использовании материалов на русском языке исходный русскоязычный текст подвергается идеологической обработке, за счет которой реализуются стратегии когнитивной войны – в данном случае через прием акцентирования: на первый взгляд, сохраняется употребление тех же слов, однако в результате синтаксических трансформаций, инверсии, контекстуального употребления ключевого понятия в измененном контексте возникает иное содержание, которое не соответствует тексту на языке оригинала.

Для иллюстрации приведем следующий пример на немецком языке:

Betrachtet man die Ziele, die Wladimir Putin bereits geäußert hat, lässt das den Schluss zu, dass er nach der Ukraine nicht Halt machen würde. Putin will das Rad der Geschichte zurückdrehen auf den Stand von 1997. Er will die Nato auf den Stand vor der Erweiterung von 1997 zurückdrängen, Europa erneut in zwei Teile spalten und ein russisches Imperium vom Baltikum bis zum Schwarzen Meer schaffen, in dem eine eigenständige Ukraine keinen Platz mehr hätte¹. – Если рассмотреть цели, о которых высказался Владимир Путин, то допустим следующий вывод, что он не остановится на завоевании Украины. Путин

¹URL: <https://www.msn.com/de-de/nachrichten/politik/ukraine-krieg-bald-zu-ende-ex-general-glaubt-putin-will-rad-der-geschichte-zur%C3%BCckdrehen/ar-AA16PmZO>.

хочет повернуть колесо истории вспять и все вернуть в 1997 год. Он хочет вернуть НАТО в состояние до его расширения в 1997 году, заново расколоть Европу на две части и создать империю Балтики до Черного моря, в которой нет места независимой Украине (пер. И. А. Гусейнова).

Невозможно догадаться, что речь идет об одном из фрагментов Обращения Президента Российской Федерации от 24.02.2023, в котором представлена данная тема².

В результате интерпретаций и манипулятивных действий над текстом высказывания, фигурирующие в тексте Обращения, в немецкоязычных СМИ отражаются как «das Rad der Geschichte zurückdrehen auf den Stand von 1997; die Nato auf den Stand vor der Erweiterung von 1997 zurückdrängen, Europa erneut in zwei Teile spalten; ein russisches Imperium vom Baltikum bis zum Schwarzen Meer schaffen». Таким образом, идеологический «поворот» к когнитивной войне реализуется через комбинирование определенных лингвистических средств – например, посредством одновременного употребления экспрессивной лексики, ср.: *das Rad der Geschichte zurückdrehen, zurückdrängen*, этнокомпонента *russisch / ein russisches Imperium schaffen*, нагнетания атмосферы напряженности *nach der Ukraine nicht Halt machen würde*. Заметим, что вне контекста практически ни одно слово не несет в себе коннотаций, которые возникают при их погружении в политический и военный контекст.

Одновременно, однако, отметим, что немецкий вариант трансляции обращения В. Путина чем-то напоминает следующий сюжет: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой» [Душенко, 2018, с. 189]. Итак, немецкие авторы предприняли даже не попытку интерпретации выступления российского президента, а обратились к историческому тексту, имеющему британское, шире, англосаксонское происхождение, решив, таким образом, проблему идеологического «поворота» к когнитивной войне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, цивилизационный разлом, возникший в результате процессов в рамках исторической триады «премодерн – модерн – постмодерн», во

²URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.

многим определил эволюционирующий характер современных типов войн. Современный военный дискурс носит многомерный характер. Он призван нанести не только экономический и политический урон, но и привести к необратимым последствиям в сознании массового реципиента.

Целесообразно разработать лингвистический инструментарий, способный повысить резистентность социокоммуникативных групп к внешнему информационному воздействию. Предлагается уделять больше внимания деятельности, направленной на освоение коммуникативно-дискурсивного

континуума, формирующегося в разных типах информационной среды, с целью его насыщения ценностными смыслами и ориентациями, присущими российской цивилизации и определяющими мышление представителей российской лингвокультуры. Необходимо продолжить научную работу по оттачиванию понятийного аппарата, связанного со спецификой когнитивной войны, во избежание терминологической амбивалентности и ее последствий, а также для выявления лингвокогнитивных механизмов противостояния деструктивному информационному воздействию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев Н. Н. Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2008. С. 11–29.
2. Ирисханова О. К. О некоторых вопросах когнитивной поэтики жестов // Когнитивные исследования языка. 2019. Т. 37. С. 989–994.
3. Киосе М. И. Секреты интерпретации текста и изображения. Конструирование и окулографический эксперимент. М.: Р-Валент, 2021.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Кубрякова Е. С. О соотношении языка и действительности и связи этой проблемы с трактовкой понятия знания // Когнитивные исследования языка. Вып. III. Типы знаний проблема их классификации: Сб. науч. трудов. М.; Тамбов: ТГУ им. Г.Р.Державина, 2008. С. 11–24.
6. Вернадский Г. В. Начертания русской истории. М.: Эксмо, 2014.
7. Дугин А. Г. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 142–152. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-142-152. – EDN НННОPL.
8. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 297–318.
9. Денисова Г. В. Поликультурная личность в искусстве. М.: БОС, 2023.
10. Мигунов А. С. Искусство и современные гуманитарные технологии // Экспериментальное искусство: Влияние теории на художественное творчество: сб. ст. / под ред. О. Личчиарделло, С. Ломбардо, В. Петрова. М.: ГИИ, 2011. С. 14–38.
11. Земцов И. Г. Советский язык – энциклопедия жизни. М.: Вече, 2009.
12. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Идеология как фактор перевода: традиции в инновациях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023а. Т. 22. № 3. С. 67–76. DOI: 10.15688/jvolsu2.2023.3.6.
13. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коммуникативные стратегии формирования имиджа в романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов : тезисы международной научной конференции, Минск, 12–13 мая 2023 года. Минск: МГЛУ, 2023б. С. 17–18. EDN MLWPNF.
14. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023в. Т. 16. № 6. С. 911–920. EDN HZMXIN.
15. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Риторический анализ политической коммуникации в современной зарубежной лингвистике (2012–2018 годы) // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 187–196. DOI: 10.17223/18137083/69/16.
16. Моргунова О. А., Морару Н. Ф., Дискурсы «европейскости» в практике предоставления убежища в постколониальном контексте // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 741–754. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-4-741-754.
17. Селиванова И. В. Идеологемы как ресурс речевого воздействия в публичном дискурсе испанской монархии // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. Т. 20. № 3. С. 51–63. DOI: 10.25205/1818-7935-2022-20-3-51-63.
18. Титкова О. И. Явление рекуррентности в корпоративном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 19 (705). С. 166–175.

19. Иванов Е. Е. О рекуррентности афористических единиц в современном русском языке // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 157–170. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170.
20. Халас Э. Символы и общество: Интерпретативная социология. Харьков: Гуманитарный центр, 2021.
21. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII–XIX века). СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.
22. Tögel J. Kognitive Kriegsführung: Neueste Manipulationstechniken als Waffengattung der NATO. Frankfurt: Westend, 2023.
23. Душенко К. В. Красное и белое: Из истории политического языка. М.: ИНИОН РАН, 2018.
24. Медушевский А. Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1. ВТЭ. № 2. М.: ВШЭ, 2023. С. 85–98.
25. Васильев В. И. Введение // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 6–19.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2008). Principy i metody kognitivnyh issledovanij yazyka = Principles and methods of cognitive language research. Principles and methods of cognitive language research (pp. 11–29): collection of scientific works. Tambov: TSU named after G.R. Derzhavin. (In Russ.)
2. Iriskhanova, O. K. (2019). O nekotoryh voprosah kognitivnoj poetiki zhestov = On some issues of cognitive poetics of gestures. *Cognitive studies of language*, 37, 989–994. (In Russ.)
3. Kiose, M. I. (2021). Sekrety interpretacii teksta i izobrazheniya = Secrets of text and image interpretation. Design and oculographic experiment. Moscow: R-Valent. (In Russ.)
4. Kubryakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie = Language and knowledge. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
5. Kubryakova, E. S. (2008). O sootnoshenii yazyka i dejstvitel'nosti i svyazi etoj problemy s traktovkoj ponyatiya znaniya = On the correlation of language and reality and the connection of this problem with the interpretation of the concept of knowledge. In *Cognitive studies of language (Issue III. Types of knowledge and the problem of their classification, pp. 11–24): collection of scientific papers*. Moscow; Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin. (In Russ.)
6. Vernadsky, G. V. (2014). Nachertaniya russkoj istorii = The outlines of Russian history. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
7. Dugin, A. G. (2022). Eurasianism as a non-Western episteme of the Russian humanities. *Vestnik of the RUDN. Series: International Relations*, 22(1), 142–152. (In Russ.)
8. Bart, R. (1994). The rhetoric of the image. In *Selected works: Semiotics. Poetics (pp. 297–318)*. Moscow. (In Russ.)
9. Denisova, G. V. (2023). Polikul'turnaya lichnost' v iskusstve = Multicultural personality in art. Moscow: BOS. (In Russ.)
10. Migunov, A. S. (2011). Iskusstvo i sovremennye gumanitarnye tekhnologii = Art and modern humanitarian technologies. In *Licciardello, O., Lombardo, S., Petrova, V. (Eds.), Experimental art: The influence of theory on artistic creativity (pp. 14–38)*. Moscow: SIAS. (In Russ.)
11. Zemtsov, I. G. (2009). Sovetskij yazyk – enciklopediya zhizni = The Soviet language – encyclopedia of life. Moscow: Veche. (In Russ.)
12. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023a). Ideology as a Factor of Translation: Traditions in Innovation. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 22(3), 67–76. 10.15688/jvolsu2.2023.3.6. (In Russ.)
13. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023b). Communicative strategies for image formation in G. Orwell's dystopian novel «1984». In *Ot slova k diskursu: vzaimodejstvie form i (ne)predskazuemost' smyslov (pp. 17–18): Proceedings of the international conference*. Minsk, 12–13 May, 2023. Minsk: MSLU. EDN MLWPNF. (In Russ.)
14. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023b). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 16(6), 911–920. (In Russ.)
15. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2019). Rhetorical Analysis of Political Communication in Contemporary Foreign Linguistics (2010–2018). *Siberian Journal of Philology*, 4, 187–196. 10.17223/18137083/69/16. (In Russ.)
16. Morgunova, O. A., Moraru, N. F. (2022). Discourses of “Europeaness” in Asylum Practices in the Postcolonial Context. *Vestnik RUDN. International Relations*, 22(4), 741–754. 10.22363/2313-0660-2022-22-4-741-754. (In Russ.)
17. Selivanova, I. V. (2022). Ideologemes as a Speech Influence Tool in Public Discourse of the Spanish Monarchy. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 20(3), 51–63. 10.25205/1818-7935-2022-20-3-51-63.
18. Titkova, O. I. (2014). The phenomenon of recurrence in corporate discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 19(705), 166–175. (In Russ.)
19. Ivanov, E. E. (2019). Aphoristic Units Recurrence in Modern Russian Language. *Russian Language Studies*, 17(2), 157–170. 10.22363/2618-8163-2019-17-2-157-170. (In Russ.)

20. Halas, E. (2021). Simvoly i obshchestvo: Interpretativnaya sociologiya = Symbols and society: Interpretive sociology. Kharkiv: Humanitarian Center. (In Russ.)
21. Lotman, Y. M. (2016). Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva = Conversations about Russian culture: The life and traditions of the Russian nobility (XVIII–XIX centuries). St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. (In Russ.)
22. Tögel, J. (2023). Kognitive Kriegsführung: Neueste Manipulationstechniken als Waffengattung der NATO. Frankfurt: Westend
23. Dushenko, K. V. (2018). Krasnoe i beloe: Iz istorii politicheskogo yazyka = Red and White: From the History of Political Language. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
24. Medushevsky, A. N. (2023). Kognitivnaya vojna: social'nyj kontrol', upravlenie soznaniem i instrument global'nogo dominirovaniya = Cognitive warfare: social control, mind control and a tool of global domination (part 1, n. 2). Moscow: HSE. (In Russ.)
25. Vasiliev, V. I. (2019). Introduction. Current problems of Europe, 4, 6–19. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусейнова Иннара Алиевна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка

Московского государственного лингвистического университета

Решетников Кирилл Юрьевич

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры германских языков факультета иностранных языков

Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Guseynova Innara Alievna

Doctor of Philology, Associate Professor

Professor at the Department of German Language Lexicology and Stylistics

Faculty for the German Language, Moscow State Linguistic University

Reshetnikov Kirill Yurievich

PhD in Philology

Senior Lecturer at the Department of Germanic Languages

Faculty for Foreign Languages

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation

Статья поступила в редакцию	29.09.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	18.10.2024	
принята к публикации	21.10.2024	

Антропоморфные метафоры как способ формирования языковой картины мира португальцев (на материале рекламных текстов в сфере энологии)

З. Б. Долгих¹, И. М. Часовикова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹z.dolgikh@linguanet.ru

²ichasovikova@gmail.com

Аннотация: В статье исследуется использование антропоморфных метафор в рекламных текстах винодельческой тематики и их влияние на формирование языковой картины мира португальцев. Авторы статьи проводят анализ португальских лексических единиц и выражений, в которых вино и его характеристики (вкус, послевкусие, аромат, цвет и т. д.) соотносятся с человеком, его жизнью, частями тела, характером, настроением и внешним видом. В результате анализа антропоморфных метафор, вербализирующих разные виды перцепции, авторы выделяют несколько тематических групп в соответствии с теми человеческими характеристиками, на которые ссылается метафора: «вино – биологический организм», «вино – функциональное существо», «вино – личность», «вино – социальная единица». Цель исследования – обосновать использование антропоморфных метафор в сфере энологии.

Ключевые слова: картина мира, рекламный дискурс, метафора, антропоморфный, энологический, энология, винодельческий, португалоязычный

Для цитирования: Долгих З. Б., Часовикова И. М. Антропоморфные метафоры как способ формирования языковой картины мира португальцев (на материале рекламных текстов в сфере энологии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 46–53.

Original article

Anthropomorphic Metaphors as a Way of Forming the Portuguese Linguistic Picture of the World (on the material of advertising texts in the field of enology)

Zoya B. Dolgikh¹, Irina M. Chasovikova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹z.dolgikh@linguanet.ru

²ichasovikova@gmail.com

Abstract. The article examines the use of anthropomorphic metaphors in advertising texts on wine topics and their influence on the formation of the Portuguese language picture of the world. The authors of the article analyze Portuguese lexical units and expressions that relate wine and its characteristics (taste, aftertaste, aroma, color, etc.) to a person, his life, body parts, character, mood and appearance. As a result of the analysis of anthropomorphic metaphors verbalizing different types of perception, the authors identify several thematic groups in accordance with the human characteristics referred to by the metaphor: “wine is a biological organism”, “wine is a functional being”, “wine is a personality”, “wine is a social unit”. The purpose of the study is to substantiate the use of anthropomorphic metaphors in the field of oenology.

Keywords: world picture, advertising discourse, metaphor, anthropomorphic, enological, enology, wine, Portuguese-speaking

For citation: Dolgikh, Z. B., Chasovikova, I. M. (2024). Anthropomorphic metaphors as a way of forming the portuguese linguistic picture of the world (on the material of advertising texts in the field of enology). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 46–53.

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день вопрос о взаимодействии языка и культуры занимает центральное место в исследованиях многих отечественных и зарубежных лингвистов, преимущественно придерживающихся антропоцентрической парадигмы. В современном языкознании, а также в его направлениях – в лингвокультурологии, социолингвистике, когнитивной лингвистике, этнолингвистике, психолингвистике – проблемы взаимодействия языка и культуры, языка и сознания рассматриваются как основные. Эти компоненты языкознания не могут существовать друг без друга. С целью осуществления успешной межкультурной коммуникации необходимо знание культурных особенностей носителей языка, на котором осуществляется коммуникация. В частности, эти знания требуются для понимания и интерпретации некоторых выражений, используемых в языке, в том числе метафор.

Нередко метафора используется в рекламе в качестве продуктивного стилистического приема. В данном случае к метафоре прибегают с целью привлечь внимание к тексту, создать некие ассоциативные связи между рекламируемыми предметами и объектом номинации. Используются такие тропы, как персонификация, аллегория, символ и многие другие.

Так, объектом нашего исследования стали рекламные тексты винодельческой тематики, а предметом исследования – антропоморфные метафоры, вербализирующие определенные характеристики вина.

Цель работы – привлечь внимание к специфике португальского энологического (винодельческого) дискурса как такового, а также, на базе анализа подобранных примеров, затронуть проблему описания антропоморфных метафор.

Для достижения поставленной цели потребовалось решить ряд задач:

- проанализировать особенности рекламного текста в рамках национально-культурной специфики;
- проследить особенности использования метафор в профессиональных дискурсах и в рекламном дискурсе в частности;

- выявить наиболее репрезентативные метафоры антропоморфного характера, используемые в рекламных текстах;
- разделить проанализированные нами метафоры на тематические группы в зависимости от объекта номинации.

Материалом для исследования послужили 63 португальских рекламных текста винодельческой тематики в период с 2012 по 2024 годы, представленных на официальных сайтах национальных производителей вина, ресторанов, виноделен и винных критиков.

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ

В XXI веке реклама присутствует практически в каждой сфере деятельности человека. Рекламный текст всегда актуален, идет в ногу со временем и реагирует на события и изменения, происходящие в стране и в мире. Именно поэтому рекламный текст нередко становится объектом лингвистического исследования.

Представляя собой вербальное отражение культурного опыта носителей языка, рекламный текст обладает определенными национально-культурными особенностями. Любой текст функционирует в рамках культуры и социума. Как утверждает Л. Н. Мурзин, «текст есть формальная единица культуры, культура “разлагается” на тексты, состоит из текстов, хотя качественно не сводится к ним» [Мурзин, 1994, с. 165]. Н. Н. Трошина также считает, что «именно в тексте отражается языковое сознание, национальный менталитет, национально-культурные ценности и стереотипы» [Трошина, 2000]. Следовательно, рекламный текст целесообразно исследовать не только как продукт речевой деятельности, но и как продукт национальной культуры.

При создании рекламного текста особое внимание уделяется не только функциональным характеристикам рекламы, принципам классификации рекламируемых объектов и т. д., но также особенностям картины мира в целом и языковой картины мира потребителей-носителей языка. Крайне часто создатели рекламных текстов при описании продукта прибегают к использованию скрытых

сравнений, интерпретировать которые способны в первую очередь носители языка.

МЕТАФОРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСАХ

Метафора – это мир, наполненный аналогиями, он как бы иллюстрирует способность человека использовать аналогии в коммуникации. По сути, метафора представляет собой часть мышления, некий механизм объяснения сложных вещей простыми или более понятными, емкими, средствами. То есть метафору можно рассматривать как инструмент, позволяющий на основе образного сравнения перевести описательную часть какой-то области, сферы или явления непосредственно в плоскость восприятия.

Такие размышления ведут к пониманию метафоры также в качестве некоего особого подтипа логики, используемого сознанием наряду с логикой обычной, ведь основой метафоры является сходство двух содержаний разного человеческого опыта.

Метафорические коды являются комплексными запоминающимися образами окружающего нас мира. Они формируются на основании пережитого опыта, ввиду чего они легко воспроизводятся и автоматически создаются носителями того или иного языка. Любой элемент метафорического выражения представляет собой фиксированный информативно наполненный комплексный знак. Поэтому, будучи сложным знаком, обладающим коннотативным значением, метафора и продолжает оставаться в фокусе внимания современных ученых.

В основополагающей работе по исследованию метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (название которой само по себе метафорично: «Метафоры вокруг нас») авторы усматривают психологический источник метафоризации в определенных образных схемах, или формулах [Lakoff, Johnson, 1980]. По сути, такой подход выводит изучение метафоры из сугубо языковой сферы и помещает его на стык разных областей, чем подогревает и подпитывает стабильный исследовательский интерес со стороны представителей совершенно разных наук, даже необязательно гуманитарных.

Метафоры в поэзии и художественной литературе – это всегда уникальные, авторские единицы, которые активируют объемные красочные готовые образы в сознании реципиента, но возможно не так часто и не всегда целиком воспроизводятся в обычной речи, в ситуации обычной коммуникации.

В современном мире все чаще стали говорить о метафоре в профессиональной сфере. Нередко в этом контексте метафора представляется как осваиваемый языковой навык, механизм и инструмент, который может быть намеренно использован

для манипуляций в области политики, экономики, в рекламе и маркетинге, при создании брендов, продвижении компаний, выстраивании рыночных стратегий.

Метафоры в профессиональных дискурсах – это очень любопытный лингвокреативный процесс и продукт. В отличие от метафор художественных, такие метафоры часто воспроизводимы в ситуации реального общения, даже если коммуникация происходит между представителями разных языковых сообществ и культур. Способность декодировать информацию и образы, скорость так называемой «распаковки смыслов» метафоры в профессиональной сфере, свидетельствуют о степени информированности говорящих и реципиентов, погруженности в ту или иную область, об их уровне владения избранной тематикой.

АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ ЯЗЫКА ЭНОЛОГИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ

Метафора как языковой феномен пережила смену нескольких научных парадигм. Каждая новая научная парадигма, не отменяя опыта предыдущей, вносит изменения в подходы к исследованию объектов. Согласно Е. С. Кубряковой, современная лингвистика характеризуется рядом ключевых аспектов: экспансионизм, который подразумевает расширение объектов лингвистического исследования; функционализм, где язык изучается в динамике; экспланаторность, ориентированная на объяснение языковых фактов; антропоцентризм, при котором человек становится центральной фигурой в анализе языковых процессов. Причем сам человек активно участвует в этом процессе, определяя направления и конечные цели анализа [Кубрякова, 1995]. Ключевая идея антропоцентрических исследований состоит в том, что язык пронизан человеческой сущностью, отражая индивидуальные аспекты в наименованиях природных объектов. Цель таких исследований – это взаимодействие человека с языком и наоборот. Н. Д. Арутюнова говорит о вездесущности человека в языке: «Человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект, своё отношение к предметному и не-предметному миру» [Арутюнова, 1999, с. 3].

ВИДЫ АНТРОПОМОРФНЫХ МЕТАФОР В ПОРТУГАЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ ВИНОДЕЛЬЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Материал исследования представляет собой примеры из рекламных текстов по энологии на португальском с переводом на русский язык. Основным

фокусом нашего изучения является способность метафоры моделировать представления о вине и его свойствах. Теоретической базой исследования послужили труды Ю. Д. Апресяна, В. Г. Гака, Л. Н. Новикова, Г. Н. Складневской и других ученых по теории регулярной многозначности, рассматривающих метафору как вид полисемии [Апресян, 1993; Гак, 1988; Новиков, 2000; Складневская, 2004], а также, вне всяких сомнений, как мы уже упомянули выше, теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, чьи идеи в нашей стране получили широкое освещение благодаря трудам таких лингвистов, как: Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, А. Н. Баранов, А. П. Чудинов, З. И. Резанова и др. [Арутюнова, 1999; Баранов 1991; Кубрякова, 1997; Резанова, 2007; Чудинов, 2001].

Согласно теории концептуальной метафоры, эта ментальная операция объединяет две ментальные сферы; при помощи сферы-источника концептуализируются знания о вновь осваиваемой области (сфере-мишени).

В серии наших предыдущих работ мы говорили о том, что концептуальные метафоры португальского энологического дискурса представляют вино с разных позиций, как: предмет, имеющий те или иные параметрические и качественные характеристики; элемент одежды или ткань; пищу (еду); инструмент (механизм); музыку и даже предмет искусства [Долгих, Нечаева, 2022].

В процессе более подробного анализа энологического дискурса, мы убедились, что наиболее любопытны и неоднозначны метафоры, в которых вино и его качества соотносятся с человеком. Так, с вином могут коррелировать жизненные циклы человека, а также его пол, характер, настроение, внешний вид. Подобные метафоры являются, по своей сути, антропоморфными, поскольку они связаны с понятийной областью «человек». Однако они подлежат дальнейшей, более подробной, классификации и, по нашему мнению, могут быть разбиты на понятийные группы: «вино – биологический организм», «вино – функциональное существо», «вино – личность» и «вино – социальная единица».

Вино – биологический организм

Под человеком как биологическим организмом подразумевается существо, наделенное определенными параметрами, свойствами и состояниями, а также проходящее через различные стадии своего развития. Эта понятийная группа объединяет фреймы, связанные с полным жизненным циклом живого существа, начиная с момента рождения и заканчивая смертью. В каждом из этих случаев метафорическое соотнесение

основано на аналогии между свойствами и характеристиками вина и процессами, присущими живым организмам.

В эту группу можно отнести единицы, которые соотносятся с жизненным циклом человека. Виноделы, энологи, сомелье, производители и потребители описываемого нами напитка с легкостью наделяют вино способностью рождаться, развиваться, созревать и умирать. Понятия *nascimento* (рождение), *desenvolvimento* (развитие), *estágio*, *amadurecimento* (созревание), *envelhecimento* (старение), *morte* (смерть) относятся к рядовым, базовым, широко употребляемым энологическим терминам.

Помимо номинаций, соотносимых с основными жизненными циклами, в португальском энологическом дискурсе закрепились такие словосочетания, как:

ter raça – иметь сорт (породу);
 estar afetado – быть подверженным чему-л.;
 adoecer – болеть;
 estar melhor / pior – чувствовать себя лучше / хуже.

Будучи биологическим организмом, вино может:

ser com / ter	иметь
nariz	нос
boca	рот
lágrimas	слезы
pés e pernas	ножки / ноги
ser	быть
forte	сильным (крепким)
muscular	мускульным (мускулистым)
fraco	слабым
sem coluna	бесхребетным
pode	может
chorar	плакать
gritar	кричать
falar	говорить

Говоря о прилагательных, фиксирующих разнообразные качества, следует отметить те, что описывают вино, как:

velho – старое maduro – зрелое
 jovem – молодое envejecido – состарившееся
 verde – незрелое caído – пропавшее

А также интересны следующие многозначные характеристики: *redondo*, *plano*, *fino*, *grosso*, *angular*, *angulado*, *encorpado*, *corpulento*, *robusto*, *gordo*, *magro*, *subtil*, *delgado*, *pesado*, *leve*, *curto*, *comprido* (округлое, плоское, ровное, тонкое, жирное (полное), тяжелое, угловатое, полнотелое (тельное), толстое, худое,

субтильное (бестелесное, бледное), легкое, длинное, короткое¹).

Приведенные примеры касаются характеристик вина, функционирующих в рамках таких тематических групп, как: вкус, аромат, плотность / консистенция, постоянство, баланс (сахар, кислотность, спиртуозность), послевкусие (стойкость). Степень многозначности описываемых единиц чрезвычайно высока, поэтому даже сугубо в рамках энологического дискурса они могут обозначать характеристики из пересекающихся между собой сенсорно-перцептивных областей, к примеру: вкус и аромат, баланс и плотность или же вкус и плотность, аромат и послевкусие.

Вино – функциональное существо

К данной тематической категории мы относим единицы, сообщающие о действиях, поступках, о некой активности индивидуума, с которым сравнивается вино.

С активной деятельностью человека связаны следующие характеристики вина (они достаточно широко используются в португальском энологическом дискурсе):

vinho pode	вино может
transferir a ideia	передавать идею
dizer	говорить
contar	рассказывать
revelar	раскрывать
informar	информировать
comunicar	общаться
denominar	обозначать
explicar	объяснять
ter segredo	иметь секрет
gritar	кричать
sofrer	страдать
interpretar	исполнять
conferir	поверять
anunciar	анонсировать / рекламировать
chamar atenção	привлекать внимание
fazer pensar	заставлять задуматься

Отдельно хотелось бы остановиться на глаголе *saber* (знать, уметь). В рамках интересующей нас темы он имеет свою специфику. В португальском гастрономическом и энологическом дискурсе данный глагол в сочетании с предлогом *a* имеет значение «подходить на», «иметь вкус, аромат, запах чего-то», «напоминать что-то по вкусу, аромату, запаху», «отдавать чем-то». В португальском языке даже есть поговорка:

¹Русские прилагательные «длинный» и «короткий» (в отличие от аналогов в португальском языке) чаще употребляются для описания послевкусия вина, а не вина, как такового.

«Vinho e queijo sabe a beijo», что в дословном переводе означает: «Вино и сыр на вкус как поцелуй».

Вино – личность и вино – социальная единица

В рамках данных двух взаимодействующих между собой групп единиц характеристики вина соотносятся с внешностью и характером человека, с качествами его характера, с чертами его личности, эмоциями и состояниями души. Некоторые словосочетания «наделяют» вина весьма сложными характеристиками, связанными с интеллектуальной деятельностью человека, особенностями мышления, его ролью в обществе, его восприятием другими членами социума.

Интересно, что на языке энологических описаний некоторые вина детерминируются, как существа женского или мужского пола. В профессиональном энологическом дискурсе вино может иметь характеристики, соотносимые с характером или внешностью женщин или мужчин, существуют даже такие дескрипторы, как *vinho masculino*, *vinho feminino* (мужское и женское вино).

Качественные характеристики, соотносимые непосредственно с образом, характером или поведением женщин или мужчин, обычно понятны абсолютному большинству участников коммуникации. Причем пониманию метафор, относящихся к вину и человеку, не препятствует то, что участники коммуникации обычно говорят на разных языках. Подобные номинации исчерпывающе фиксируют релевантные в той или иной коммуникативной ситуации характеристики вин, несмотря на различия социальных норм в разных сообществах людей и культурах.

В португальском энологическом дискурсе вино может:

ter	иметь
potencial	потенциал
estilo	собственный стиль (быть стильным)
coração e alma	иметь сердце и душу
ser	быть
poderoso	быть мощным
potente	сильным
enérgico	энергичным
valente	храбрым
ordinário	ординарным (непримечательным, обычным)
grande	великим
duro	жестким
complexo	сложным
elegante	элегантным
agradável	приятным
sedutor	соблазнительным
atraente	привлекательным

ser	быть
vigoroso	активным
fácil	простым
difícil	трудным
com caráter	с характером
com personalidade	с индивидуальностью
expressivo	выразительным
pouco expressivo	не очень выразительным
agressivo	агрессивным
nervoso	нервным
mudo	немым
calado	тихим, молчаливым
interessante	интересным
brutal	брутальным, заносчивым
dinâmico	динамичным
vivo	живым
vivaz	ярким
tranquilo	спокойным
generoso	щедрым
nobre	благородным
digno	достойным
fiel	правдивым, верным
sincero	искренним
franco	честным, откровенным
simples	простоватым
persistente	настойчивым
equilibrado	гармоничным сбалансированным уравновешенным
rico	богатым
frívolo	легкомысленным
vulgar	вульгарным
austero	строгим
brando	мягким
concentrado	сосредоточенным
focado	зацикленным
fechado	закрытым
opulento	роскошным (<i>люксовым, премиальным</i>)
delicado	деликатным
acessível	доступным
estruturado	структурированным
mudo	
compreensível	понятным
rígido, rigoroso	строгим
entusiasmado	воодушевляющим
fresco	свежим
extraordinário	экстраординарным
extravagante	экстравагантным
reflexivo	заставляющим задуматься
meditativo	медитативным

Интересно, что многие дескрипторы, входящие в группу «человек – социальная единица», несут информацию за гранью сугубо описательной.

Например, такие единицы, как: *fácil de beber*, *meditativo* или *gastronómico*, на наш взгляд, не просто описывают вино метафорически, но и прагматически окрашены.

Когда энологи говорят *fácil de beber* («*пункое*» вино), они подразумевают крайнюю незамысловатость вина, его качества и вкуса, рекомендуя собеседнику просто пить это вино и особенно не тратить силы на его ольфакторный анализ.

Термин *vinho gastronómico* (*гастрономическое вино*) используется для завуалированного намека на то, что вино должно, главным образом, сопровождать пищу, сочетаться с мясом или рыбой, быть рекомендованным к употреблению на обед или ужин, подходить для повседневной или торжественной трапезы.

Vinho meditativo (*медитативное вино*) – это вино, которое, буквально, нельзя употреблять бездумно, между делом. Такое вино создано виноделами особенным и призвано вызывать размышления. Его надо вкушать, анализировать глубоко и серьезно, постараться почувствовать и понять его свойства и качества, идею и цель его создания. Такие дескрипторы, по сути, являются емким скрытым руководством к действию, а не банальными описаниями вина. Подобных единиц в энологическом дискурсе достаточно много, и они, вне всяких сомнений, заслуживают подробного изучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, антропоморфные метафоры в энологическом дискурсе – это наиболее употребительные метафоры. В них вербализуются разные виды перцепции. Очевидно, что их использование связано с относительной скудностью средств выражения и вербализации оттенков вкуса, аромата, таких неоднозначных, ассоциативных областей, где ассоциативный ряд порой выходит из линейной шкалы, попадая как бы в другое измерение, где и пополняется за счет метафор, передающих комплексные, «запакованные» в единое высказывание смыслы, нестандартным, но вполне действенным способом.

Тема когнитивных метафор в целом и метафор в профессиональных дискурсах в частности крайне продуктивна и благодатна для дальнейшего исследования. Оно может проводиться посредством построения подробной классификации дескрипторов, описывающих вкус, аромат, букет, послевкусие, и выявления когнитивных оснований их распределения по различным микрогруппам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // Человек – текст – культура. – Екатеринбург: ИРРО, 1994. – С. 160–169.
2. Трошина, Н. Н. Введение // Этнокультурная специфика речевой деятельности. М., 2000. С. 5–7
3. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
4. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Российская академия наук. Институт языкознания РАН, РГГУ, 1995. С. 144–238.
5. Арутюнова Н. Д. Вступление // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. С. 3–10.
6. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д., Метафора в семантическом представлении эмоций. М., 1993.
7. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 11–26.
8. Новиков А. И. Извлечение знаний из текста как результат его осмысления // Языковое сознание. Содержание и функционирование: Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000. С. 170–172.
9. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
10. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991.
11. Резанова З. И. Метафора в лингвистическом тексте: типы функционирования // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 1. С. 18–29.
12. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
13. Долгих З. Б., Нечаева К. К. Метафорогенность энологического дискурса (на материале португальского языка), Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2022. Вып. 4 (859). С. 36–43.

REFERENCES

1. Murzin, L. N. (1994). Language, text and culture. In *Man – text – culture* (pp. 160–169). Ekaterinburg: IRRO. (In Russ.)
2. Troshina, N. N. (2000). Introduction. In *Ethnocultural specificity of speech activity* (pp. 5–7). Moscow. (In Russ.)
3. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
4. Kubryakova, E. S. (1995). The evolution of linguistic ideas in the second half of the twentieth century (experience of paradigmatic analysis). In *Language and science of the late twentieth century* (pp. 144–238). Moscow: Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities. (In Russ.)
5. Arutyunova, N. D. (1999). Introduction. In Arutyunov, N. D., Levontin, I. B. (Eds.), *Logical analysis of language. The Image of Man in Culture and Language* (pp. 3–10). Moscow: Indrik. (In Russ.)
6. Apresyan, V. Yu. (1993). *Metaphor in the semantic representation of emotions*. Moscow. (In Russ.)
7. Gak, V. G. (1988). Metaphor: universal and specific. In Teliya, V. N. (Ed.), *Metaphor in language and text* (pp. 11–26). Moscow: Science. (In Russ.)
8. Novikov, A. I. (2000). Extracting knowledge from the text as a result of its comprehension. *Language consciousness. Content and functioning: International symposium on psycholinguistics and communication theory* (pp. 170–172). Moscow. (In Russ.)
9. Sklyarevskaya, G. N. (2004). *Metaphor in the system of language*. St. Petersburg: Philological faculty of St. Petersburg State University. (In Russ.)
10. Baranov, A. N., Karaulov, Yu. N. (1991). *Russian political metaphor (materials for the dictionary)*. Moscow. (In Russ.)
11. Rezanova, Z. I. (2007). Metaphor in linguistic text: types of functioning. *Bulletin of Tomsk State University*, 1, 18–29. (In Russ.)
12. Chudinov, A. P. (2001). *Russia in metaphorical mirror: Cognitive study of political metaphor (1991–2000)*. Ekaterinburg. (In Russ.)
13. Dolgikh, Z. B., Nechaeva, K. K. (2022). Metaphorogenicity of oenological discourse (based on the Portuguese language). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 4(859), 36–43. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Долгих Зоя Борисовна

кандидат филологических наук
доцент кафедры португальского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Часовикова Ирина Михайловна

преподаватель
кафедры португальского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Dolgikh Zoya Borisovna

PhD in Philology
Associate Professor at the department of the Portuguese language
Moscow State Linguistic University

Chasovikova Irina Mikhailovna

Lecturer
at the Department of the Portuguese language
Moscow State Linguistic University.

Статья поступила в редакцию	26.09.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	19.10.2024	
принята к публикации	21.10.2024	

Конститутивные признаки дискурсивных маркеров французского языка

Е. С. Зуева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lenok.zs98@gmail.com

Аннотация. Цель настоящей статьи – представить обзор основных признаков дискурсивных маркеров – языкового явления, обладающего богатым прагматическим функционалом и играющего значимую роль в организации дискурса, а потому вызывающего растущий интерес современных исследователей. Материалом для исследования послужила живая франкоязычная речь – отрывки из видео на французском языке, размещенных на платформе Youtube, а также аутентичные примеры, взятые из источников письменной речи. В соответствии с результатами анализа франкоязычного материала были выявлены основополагающие признаки дискурсивных маркеров в различных аспектах (фонетическом, семантическом, грамматическом, синтаксическом).

Ключевые слова: французский язык, дискурсивный маркер, конститутивные признаки, дискурс, десемантизация, функциональный потенциал

Для цитирования: Зуева Е. С. Конститутивные признаки дискурсивных маркеров французского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (894). С. 54–60.

Original article

The Constitutive Features of Discourse Markers in French

Elena S. Zueva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lenok.zs98@gmail.com

Abstract. The objective of the current study is to present an overview of the main features of discourse markers, a linguistic phenomenon having a rich pragmatic functionality and playing a significant role in the organization of discourse, and therefore arousing the growing interest of modern researchers. The analysis in the study is based on spontaneous French speech – the author examines some excerpts from Youtube videos in French, as well as some authentic examples of written speech. The study resulted in the identification of the fundamental features of discourse markers in various aspects (phonetic, semantic, grammatical, syntactic).

Keywords: French, discourse marker, constitutive features, discourse, desemantization, functional potential

For citation: Zueva, E. S. (2024). The constitutive features of discourse markers in French. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 54–60. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время в современной лингвистической науке наблюдается большой интерес к исследованию дискурсивных маркеров – особого класса дискурсивных единиц, которые «сигнализируют, помечают, маркируют аспекты сообщения, которые хочет передать коммуникант» [Мурашкова, 2014, с. 54], помогая «выстраивать коммуникацию в дискурсе, устанавливая взаимосвязь между его частями, обеспечивая его связность и цельность, управлять вниманием адресата, т. е. осуществлять коммуникативную и рчеорганизирующую функции в дискурсе» [Иванов, 2020, с. 13].

Несмотря на возрастающее количество исследований, посвященных данному языковому феномену, вопросы об определении, статусе и функциях дискурсивных маркеров остаются дискуссионными. Наблюдается определенная терминологическая путаница, поскольку наряду с термином *дискурсивный маркер* в современной литературе можно встретить и другие термины: *дискурсивные коннекторы*, *дискурсивные частицы*, *прагматические маркеры* и многие другие. Не существует и общепризнанного перечня дифференцирующих признаков дискурсивных маркеров, что обуславливает новизну настоящего исследования. На материале франкоязычной живой спонтанной речи впервые дается системное описание и теоретическое осмысление конститутивных признаков дискурсивного маркера как языкового феномена. В настоящей статье он рассматривается с фонетической, семантической, грамматической и синтаксической точек зрения.

Анализируемое дискурсивное явление не получило однозначной оценки в современном языкознании, и в определении понятия, функций и признаков дискурсивных маркеров нет единогласия лингвистов, поэтому полученные в результате исследования выводы представляют научную ценность для понимания природы и статуса дискурсивных маркеров.

В рамках настоящей работы решаются следующие задачи:

- 1) проанализировать существующие в отечественной и зарубежной лингвистике положения о существенных признаках дискурсивных маркеров;
- 2) на основе анализа выбранного языкового материала выявить специфику дискурсивных маркеров, подтвердить теоретические положения об их ключевых особенностях.

Для достижения данных задач в исследовании были использованы следующие общенаучные и частные методы: методы анализа и синтеза;

метод контекстуального анализа, метод дискурсивного анализа, сравнительный метод, а также описательный метод.

Практическая ценность статьи определяется возможностью использовать научные результаты и материал исследования на занятиях по французскому языку с целью формирования у обучающихся навыков понимания живой французской речи, а также правильного использования дискурсивных маркеров.

Актуальность исследования подтверждается растущим интересом современных лингвистов к изучению языкового статуса, специфики функционирования и прагматических особенностей дискурсивных маркеров, а также непреходящим вниманием исследователей к анализу устной спонтанной речи. В последнее время внимание значительного количества лингвистов обращено к анализу дискурсивных маркеров как особых функционально-коммуникативных единиц, что также свидетельствует об актуальности настоящей работы [Тулеева, 2022; Hansen, 2022].

ПРИЗНАКИ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ

В рамках данного исследования под термином *дискурсивный маркер* понимается особый тип коммуникативных функциональных единиц. Они характеризуются высокой частотностью в речи, имеют широкий диапазон прагматических возможностей и выполняют дискурсообразующую, когнитивную, регулятивную, связующую, структурирующую и интерактивную функции. Совокупность перечисленных функций служит своего рода инструментом для регуляции протекания дискурса, для установления и поддержания эффективного взаимодействия между интерактантами.

Дискурсивные маркеры обладают совокупностью фонологических, лексических, синтаксических, функциональных, социолингвистических и стилистических характеристик, которые позволяют отделять их от других языковых единиц. Далее перечислим основные отличительные свойства дискурсивных маркеров.

Фонетическая редуцированность

Многие дискурсивные маркеры представляют собой фонетически сокращенные по сравнению с исходной единицей формы (например, в квебекском французском существует форма *coudon*, образованная от *écoute donc*), и зачастую имеют несколько вариантов произношения (*tiens* [tjɛ̃] или, как следствие фонетической редукации, [tɛ̃], *enfin* [fɛ̃], *tu sais* [tse]) [Dostie, 2012].

1. Et si c'est des bouquins qui vous intéressent, et bah *p'têt* que du coup après vous allez écouter Vald.
2. Bah *c't-à-dire* qu'en France on a plutôt une escalade de la violence.

В примере 1 дискурсивный маркер *peut-être* в потоке речи редуцируется до формы *p'têt*, а в примере 2 говорящий использует фонетически редуцированную форму *c't-à-dire* (*c'est-à-dire*). Данная особенность дискурсивных маркеров является одним из проявлений закона экономии речевых усилий, характерного для устной спонтанной речи.

Морфологическая неизменяемость

В результате процессов грамматикализации и десемантизации дискурсивные маркеры теряют способность изменяться и застывают в одной грамматической форме. Однако существует целый ряд отглагольных дискурсивных маркеров, которые меняются по числам (*tiens / tenez, écoute / écoutez, dis donc / dites donc*) [Dostie, 2012]. Но и в этом случае речь идет о какой-то конкретной грамматической форме (в данном случае – императивная форма глагола). Например, форма *tenons* не функционирует в качестве дискурсивного маркера.

3. – Ça marche comme ça Marseille?
– Eh bien *écoutez*, apparemment».

В примере 3 использован дискурсивный маркер привлечения внимания *écoutez*, изменение формы которого повлекло бы за собой изменение статуса данной языковой единицы. Так, императивные формы второго лица единственного и множественного числа *écoute / écoutez* могут функционировать как дискурсивные маркеры, тогда как форма первого лица *écoutons* не характеризуется дискурсивно-прагматическим употреблением. Анализ приведенного примера позволяет выделить ограниченную морфологическую вариативность в качестве одной из основных черт дискурсивных маркеров.

Факультативность, автономность и синтаксическая мобильность

Дискурсивные маркеры опциональны с синтаксической точки зрения и могут быть опущены без потери как смысла, так и грамматической правильности высказывания [Dostie, Pusch, 2007].

4. J'essaie de lire une demi-heure par jour. *Voilà*, c'est plutôt, je trouve, un bon ratio. Je suis fils de prof, *donc* ça influence certainement, *voilà*.

Дискурсивные маркеры *donc* и *voilà* в примере 4 могут быть опущены без урона смыслу высказывания. Факультативность и опциональность дискурсивных маркеров связана с их синтаксической автономностью. Последняя проявляется в том, что дискурсивные маркеры имеют ослабленные связи с другими компонентами предложения и не интегрированы в его синтаксическую структуру.

Дискурсивные маркеры обладают фонетической независимостью, как правило, образуя независимые прозодические единицы, формируя отдельную тональную группу [Beeching, 2002]. Также дискурсивные маркеры обладают относительной синтаксической автономностью, не являясь членами предложения, интегрированными в структуру фразы, а потому относятся к уровню не микро-, а макросинтаксиса [Dostie, 2012; Dostie, Pusch, 2007]. В письменной речи эта независимость зачастую передается обособлением дискурсивного маркера запятыми [Hansen, 2022], как, например, в предложении 5.

5. *De toute façon*, mes conseils, tu n'en as rien eu à faire [Anscombe, Donaire, Haillet, 2013, с. 91].

Дискурсивные маркеры могут располагаться как в начале или в конце высказывания, так и в разных позициях в середине высказывания. Однако эта синтаксическая подвижность характерна не для всех дискурсивных маркеров, некоторые из которых в большинстве случаев употребления занимают какое-либо определенное положение в речевой цепочке или же меняют значение в зависимости от местоположения [Hansen, 2022].

В случае, если *déjà* употребляется в вопросе и подразумевает, что говорящий обладал какой-то информацией, но временно ее забыл (*déjà mémoriel*), данный дискурсивный маркер наиболее часто употребляется в конце высказывания:

6. C'est comment son nom *déjà*? [Apothéloz, Nowakowska, 2013, с. 13]

Если же *déjà* служит маркером начала аргументации (*déjà argumentatif ou justificatif*), в большинстве случаев данная дискурсивная единица будет встречаться в начале высказывания непосредственно перед перечислением аргументов:

7. «On serait derniers, c'est sûr. C'était le redoublement assuré. *Déjà* que notre cote n'était pas brillante... [Apothéloz, Nowakowska, 2013, с. 3].

Полифункциональность и полисемичность

Дискурсивные маркеры выполняют различные функции (интерактивная, фатическая, указательная, экспрессивная), а также могут передавать различные значения не только в зависимости от позиции в высказывании, но и в зависимости от контекста употребления [Hansen, 2022].

8. Il n'y aura pas de progrès tangible dans la construction de l'Europe si celle-ci ne s'affirme pas avec force, courage et générosité à l'égard de l'extérieur. **Or** cette dimension est trop souvent négligée ou ignorée [Rey, 1999, с. 413].
9. Le sage est heureux. **Or** Socrate est sage, donc Socrate est heureux.

В примере 8 *or* вводит контр-аргумент, информацию, которая в определенной степени опровергает сказанное ранее (в этом случае *or* по смыслу приближается к *mais, cependant*). Тогда как в примере 9 данный коннектор связывает предложения и используется для введения малой посылки силлогизма [Hansen, 2022].

Полифункциональность дискурсивных маркеров не вызывает сомнений исследователей. При переходе из класса речевых в класс условно-речевых прагматических единиц дискурсивные маркеры приобретают целый ряд новых функций, таких как дополнение информации, акцентирование, подтверждение или опровержение, пояснение, конкретизация, аргументация, отклик на сказанное, поощрение собеседника, выражение удивления, недоверия или иронии [Тулеева, 2022].

Однако, по мнению Б. Хайне, многофункциональность является свойством, типичным для многих других лексических и грамматических единиц, и на данном этапе нельзя говорить о наличии каких-либо количественных исследований, которые позволили бы утверждать, что полифункциональность является уникальной особенностью дискурсивных маркеров, отличающей их от других типов единиц [Heine, 2013].

Говоря о полифункциональности дискурсивных маркеров, С. В. Когут и Е. Ю. Викторова также отмечают их **синкретизм** – способность выражать одновременно несколько значений в определенном контексте, их кумулятивную природу, отраженную в слиянии нескольких прагматических функций в одной языковой форме [Когут, 2016; Викторова, 2014].

Многокатегориальность (транскатегориальность)

Дискурсивные маркеры могут относиться к разным частям речи. Данные языковые единицы формируют крайне разнородную группу слов, а их отнесение

к конкретной категории зачастую спорно и проблематично, поскольку, как отмечает Г. Досте, дискурсивные маркеры далеко не всегда имеют характеристики, традиционно приписываемые частям речи [Dostie, 2012]. В связи с этим статус дискурсивных маркеров и их место в языковой системе не определены окончательно, и до недавнего времени они рассматривались как маргинальные единицы, не достойные внимания исследователей.

Рекуррентность

Дискурсивные маркеры характеризуются высокой частотностью использования в речи [Вишневская, Загороднова, 2015].

В исследовании К. Шане, посвященном частотности употребления дискурсивных маркеров во французском языке, представлен количественный анализ самых употребляемых во французском устном дискурсе единиц, среди которых дискурсивные маркеры *mais, donc, alors, bon, là, bien, parce que* выявлены как самые частотные [Chanet, 2003].

В качестве примера, иллюстрирующего частотность употребления дискурсивных маркеров в устной повседневной речи, можно привести следующий отрывок диалога:

10. –Est-ce que les Français lisent beaucoup de livres, selon vous ?
– *Euh... je pense un peu moins qu'avant, quoi. Mais surtout, je pense, les plus jeunes p'têt lisent un peu moins qu'avant*.

Как можно видеть, в небольшой ответной реплике говорящий использует шесть различных дискурсивных маркеров, что свидетельствует о высокой дистрибутивной частотности данного класса единиц.

Компактность

Как правило, дискурсивные маркеры являются короткими односложными языковыми единицами, состоящими из двух-трех слогов (*enfin, donc, alors, quoi*) [Эшиева, 2021]. В уже упомянутом выше исследовании К. Шане отмечается, что самые частотные дискурсивные единицы являются моносиллабическими [Chanet, 2003]. Однако существует немало примеров дискурсивных единиц, представляющих собой целые выражения, которые называют «дискурсивными маркерами второго уровня» (*second-level discourse markers*) или «клишированными тетическими единицами» (*formulaic theticals*), поскольку данные дискурсивные маркеры являются многосложными, а также неизменяемыми, воспроизводимыми

в фиксированном виде голофразами (*je crois que, je ne pense pas, tu sais*) [Heine, 2013].

Десемантизованность

Одним из этапов, которые проходят дискурсивные маркеры на пути к прагматикализации, является десемантизация – полная или частичная потеря пропозиционального значения [Вишневская, Загороднова, 2015]. В результате десемантизации, как отмечает Б. Фрейзер, дискурсивные маркеры имеют не концептуальное, а процедуральное значение. Это значит, что дискурсивные маркеры указывают, каким образом должно быть интерпретировано высказывание, которое они сопровождают [Fraser, 1999].

По справедливому замечанию Г. Дости, «чем больше языковая единица прагматикализуется, тем более она становится демотивированной с семантической точки зрения по отношению к изначальной единице» [Dostie, 2004, p. 36].

Например, уже упомянутое междометие *tiens* полностью потеряло изначальную семантику, свойственную императиву, и перестало обозначать призыв схватить какой-либо объект.

Универсальность

Дискурсивные маркеры универсальны, они существуют во всех языках, однако они представляют большую трудность для перевода, поскольку полностью или частично лишены семантического наполнения [Эшиева, 2021; Sandal, 2016].

Соотнесенность с пропозициональным содержанием

Дискурсивные маркеры не влияют на пропозициональное содержание высказываний, частью которых являются, а потому их использование не изменяет правдивость высказывания [Dostie, Pusch, 2007]. Дискурсивные маркеры не меняют информационного содержания дискурса, не обуславливают истинность или ложность высказываний, не сообщают никакой информации об экстрадискурсивных фактах, которые могут быть проверены как соответствующие или несоответствующие реальности (*non-truth-conditional*) [Hansen, 2022].

Дискурсивные маркеры наделены не пропозиционально-концептуальным, денотативным, а метакоммуникативным, метатекстуальным, метапрагматическим, метадискурсивным, процедурным значением. Следовательно, дискурсивные маркеры указывают, каким образом пропозициональное значение высказывания должно быть понято

и интерпретировано [Heine, 2013]. Данные единицы относятся не к ситуации, о которой говорится в содержании высказывания, но непосредственно к ситуации общения, к самому процессу дискурсивного взаимодействия, маркируя начало или конец дискурсивной последовательности, являясь индикатором модальности, отношения, намерения говорящих [Beeching, 2002].

11. ««On n'écarte aucune hypothèse. **En tout cas**, le meurtre ne fait pas l'ombre d'un doute», a déclaré une source policière» (Nouvelobs.com, 26/12/2010) [Anscombe, Donaire, Haillet, 2013, p. 123].

Так, в приведенном примере 11 *en tout cas* никак не меняет пропозициональное содержание предложения, имея лишь метакоммуникативную функцию, а именно «помогая собеседнику интегрировать сегмент дискурса, содержащий дискурсивный маркер, в связанное ментальное представление о разворачивающемся дискурсе» [Hansen, 1998, с. 236].

В связи с этим можно также заключить, что значение дискурсивных маркеров не является ограничительным, то есть не включено в пропозициональное значение предложения. Неограничительное значение дискурсивных маркеров подразумевает вовлеченность мыслительных процессов и механизма инференции, которые активируются дискурсивной ситуацией, являющейся ключевым элементом тетической грамматики [Heine, 2013].

12. «**Ben**, je ne l'ai pas très **bien** compris».

В примере 12 значение наречия образа действия *bien* является ограничительным, поскольку оно определено функцией этого наречия внутри предложения, ограничено синтаксическими зависимостями в рамках предложения. Ограничительное значение *bien* как единицы грамматики предложения интегрировано в структуру высказывания, тогда как дискурсивный маркер *ben*, стоящий в начале предложения, обладает неограничительным значением (*non-restrictive meaning*), не являющимся частью пропозиционального содержания высказывания, не внедренным в его структуру. Сфера действия *ben* шире – это весь речевой акт, а не только его пропозициональное значение [Heine, 2013].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывает проведенный анализ конститутивных признаков дискурсивных маркеров, данный класс языковых единиц отличается совокупностью

существенных особенностей, отличающих дискурсивные маркеры от других типов единиц. Выделенные специфические черты на фонологическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях позволяют сделать вывод о том, что дискурсивные маркеры представляют собой особые языковые единицы. Они занимают отдельное место в языковой системе и не вписываются в рамки общепринятой теории частей речи. Дискурсивные маркеры – сложное комплексное многомерное явление, имеющее целый ряд отличительных свойств и несущее существенную функционально-коммуникативную нагрузку.

Итак, изучение основополагающих признаков дискурсивных маркеров необходимо для более глубокого понимания различий между данными дискурсивными единицами и смежными понятиями (модальные слова, дискурсивные коллокации и др.). Приведенный перечень черт дискурсивных маркеров не является исчерпывающим и может быть дополнен, поскольку данная языковая единица представляет собой комплексное явление, которое не получило единогласной оценки ученых в современной лингвистике и которое может быть изучено на основании разных подходов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мурашкова Е. М. Подходы к исследованию дискурсивных маркеров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 5. С. 53–59.
2. Иванов В. Д. Функции дискурсивных частиц в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
3. Тулеуова Д. А. Функциональный потенциал дискурсивных маркеров // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 59–68.
4. Dostie G. Ben en tant que collocatif discursif // Travaux de linguistique. 2012. Vol. 2. № 65. P. 105–122.
5. Dostie G., Pusch Claus D. Présentation. Les marqueurs discursifs. Sens et variation // Langue française. 2007. Vol. 154. № 2. P. 3–12.
6. Beeching K. Gender, politeness and pragmatic particles in French. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2002. Vol. 104. (Pragmatics & Beyond New Series).
7. Hansen M-B. M. Les pragmatèmes. Manuel d'étymologie lexicale romane // Manuels de linguistique romane (MLR) de Gruyter, Walter GmbH & Co. The University of Manchester, 2022.
8. Ansbre J.-C., Donaire M. L., Haillet P. P. Opérateurs discursifs du français. Eléments de description sémantique et pragmatique. Lausanne, Switzerland: Peter Lang Verlag, 2013. Vol. 105. (Sciences pour la communication).
9. Apothéloz D., Nowakowska M. "Déjà" et le sens des énoncés. Marqueurs temporels et modaux en usage // Cahiers Chronos. 2013. P. 355–386.
10. Rey J. Approche argumentative des textes scientifiques: la traduction de or en espagnol // Meta. 1999. Vol. 44. № 3. P. 411–428.
11. Heine B. On discourse markers: Grammaticalization, pragmaticalization, or something else? // Linguistics. 2013. Vol. 51. № 6. P. 1205–1247.
12. Когут С. В. Дискурсивные маркеры в письменном научном дискурсе // Сибирский филологический журнал. Языкознание и литературоведение. 2016. № 2. С. 157–163.
13. Викторова Е. Ю. Синкретизм дискурсивных слов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 3. С. 14–21.
14. Вишневецкая Г. М., Загороднова О. А. Метаязыковые свойства дискурсивных маркеров в различных стилях речи // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 65–69.
15. Chanet C. Fréquence des marqueurs discursifs en français parlé: quelques problèmes de méthodologie // Recherches sur le français parlé. 2003. Vol. 18. P. 83–107.
16. Эшиева Т. З. Прагматические функции дискурсивных маркеров // Сборник статей II Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 120–123.
17. Fraser B. What are discourse markers? // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31. № 7. P. 931–952.
18. Dostie G. Pragmaticalisation et marqueurs discursifs: Analyse sémantique et traitement lexicographique. Brussels: De Boeck/Duculot, 2004.
19. Sandal K. L. "And, like, they said ... well, you know": A corpus-based study of the discourse markers 'like' 'well' and 'you know' in spoken Norwegian learner language and British English. Thesis. University of Oslo, 2016.
20. Hansen M-B. M. The semantic status of discourse markers // Lingua. 1998. Vol. 104. № 3–4. P. 235–260.

REFERENCES

1. Murashkovskaya, E. M. (2014). Podhody k issledovaniyu diskursivnyh markerov = Approaches to discourse markers' study. Vestnik of Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 5, 53–59. (In Russ.)

2. Ivanov, V. D. (2020). Funkcii diskursivnyh chastic v nemeckomazyke = The functions of discourse markers in German: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
3. Tuleuova, D. A. (2022). Funkcional'nyj potencial diskursivnyh markerov = The functional potential of discourse markers. Eurasian humanitarian Journal, 4, 59–68. (In Russ.)
4. Dostie, G. (2012). Ben en tant que collocatif discursif. Travaux de linguistique, 2(65), 105–122.
5. Dostie, G., Pusch, C. D. (2007). Présentation. Les marqueurs discursifs. Sens et variation. Langue française, 154(2), 3–12.
6. Beeching, K. (2002). Gender, politeness and pragmatic particles in French (Pragmatics & Beyond New Series, vol. 104). Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
7. Hansen, M.-B. M. (2022). Les pragmatèmes. Manuel d'étymologie lexicale romane. Manuels de linguistique romane (MLR) de Gruyter, Walter GmbH & Co. The University of Manchester.
8. Ansbombe, J.-C., Donaire, M. L., Haillet, P. P. (2013). Opérateurs discursifs du français. Eléments de description sémantique et pragmatique (Sciences pour la communication, vol. 105). Lausanne, Switzerland: Peter Lang Verlag.
9. Apothéoz, D., Nowakowska, M. (2013). “Déjà” et le sens des énoncés. Marqueurs temporels et modaux en usage. Cahiers Chronos (pp. 355–386).
10. Rey, J. (1999). Approche argumentative des textes scientifiques: la traduction de or en espagnol. Meta, 44(3), 411–428.
11. Heine, B. (2013). On discourse markers: Grammaticalization, pragmaticalization, or something else? Linguistics, 51(6), 1205–1247.
12. Kogut, S. V. (2016). Diskursivnye markery v pis'mennom nauchnom diskurse = Discourse markers in written scientific discourse. Siberian philological journal. Linguistics and literature studies, 2, 157–163. (In Russ.)
13. Viktorova, E. Yu. (2014). Sinkretizm diskursivnyh slov = The syncretism of discourse words. News of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism, 3, 14–21. (In Russ.)
14. Vishnevskaya, G. M., Zagorodnova, O. A. (2015). Metazykovyye svoystva diskursivnyh markerov v razlichnyh stilyah rechi = Metalinguistic features of discourse markers in different styles of speech. Verhnevolzhski philological bulletin, 2, 65–69. (In Russ.)
15. Chanet, C. (2003). Fréquence des marqueurs discursifs en français parlé: quelques problèmes de méthodologie. Recherches sur le français parlé, 18, 83–107.
16. Eshieva, T. Z. (2021). Pragmaticheskie funkcii diskursivnyh markerov = The pragmatic functions of discourse markers. In The digest of articles of the II International scientific and practical conference (pp. 120–123). Penza. (In Russ.)
17. Fraser, B. (1999). What are discourse markers? Journal of Pragmatics, 31(7), 931–952.
18. Dostie, G. (2004). Pragmaticalisation et marqueurs discursifs: Analyse sémantique et traitement lexicographique. Brussels: De Boeck/Duculot.
19. Sandal, K. L. (2016). “And, like, they said ... well, you know”: A corpus-based study of the discourse markers ‘like’ ‘well’ and ‘you know’ in spoken Norwegian learner language and British English. Thesis. University of Oslo.
20. Hansen, M.-B. M. (1998). The semantic status of discourse markers. Lingua, 104(3–4), 235–260.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зуева Елена Сергеевна

аспирант
кафедры лексикологии и стилистики французского языка
факультета французского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zueva Elena Sergeevna

Post-graduate Student
Department of lexicology and stylistics of the French Language
Faculty of the French Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

14.09.2024
16.10.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Когнитивные основания метафоризации и метонимизации гипонимов (на материале французского и английского языков)

В. Г. Кузнецов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vgk.avamo@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – установить особенности метафоризации и метонимизации гипонимов разных типов французского и английского языков, а также выявить когнитивные основания этих процессов. В настоящей статье впервые разработано лингвистическое определение гипонимов как имплицитно мотивированных языковых знаков, оно основано на понятии конкретной номинации и узкой референции. Разработана типология гипонимов и выделены типы гипонимов. Установлено, что потенциал метафоризации и метонимизации гипонимов зависит от их типа. Наибольшим потенциалом обладают видо-видовые гипонимы, представленные наиболее многочисленными видами. Гипонимы, подвергнувшиеся метафоризации и метонимизации, нередко меняют нейтральный регистр на экспрессивный, разговорный, просторечный, могут приобретать специальное значение и употребляются в профессиональных сферах коммуникации.

Ключевые слова: гипероним, гипоним, типы гипонимов, категоризация, номинация, метафоризация, метонимизация

Для цитирования: Когнитивные основания метафоризации и метонимизации гипонимов (на материале французского и английского языков). Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (894). С. 61–67.

Original article

Cognitive Foundations of Metaphorization and Metonymization of Hyponyms (based on English and French)

Valeriy G. Kuznetsov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vgk.avamo@mail.ru

Abstract. The paper aims to study the processes of metaphorization and metonymization of different types of hyponyms in French and English and to determine the cognitive foundations of these processes. For the first time the definition of hyponyms as implicit motivated language signs is proposed founded on the notion of concrete nomination and narrow reference. The typology of hyponyms is elaborated and their types are singled out. It is established that potential of metaphorization and metonymization depends on types of hyponyms. Species-species hyponyms which are the most numerous possess the biggest potential. Hyponyms exposed to metaphorization and to metonymization change often their neutral register for expressive, colloquial, common parlance, acquire special meaning and are used in professional spheres of communication.

Keywords: hyperonym, hyponym, types of hyponyms, categorization, nomination, metaphorization, metonymization

For citation: Kuznetsov, V. G. (2024). Cognitive foundations of metaphorization and metonymization of hyponyms (based on English and French). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 61–67. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Задачей исследования является установление определенных закономерностей метафоризации и метонимизации гипонимов разных типов во французском и английском языках, другими словами, выявление семантической основы узуальной метафоризации. *Актуальность* исследования обусловлена тем, что проблематика когнитивной метафоры занимает одно из ведущих мест в современной когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистической науки. Метафоризация гипонимов в плане установления ее механизма и соотношения между производным и производящим, находящимся между собой в отношении метафорической и метонимической номинации, еще не служила предметом изучения и продолжает оставаться *малоисследованной областью*. Представляет большой интерес установление аналогии между гипонимом и его метафорическим или метонимическим значением. Результаты проведенного исследования имеют определенную *теоретическую и практическую значимость*. В теоретическом плане речь может идти о вкладе в учение о когнитивной метафоре и механизмах метафоризации и метонимизации. Изучение метафоризации и метонимизации гипонимов имеет лексикографическую, переводческую и дидактическую значимость. Незнание эквивалента приведет к дословному переводу, что нарушит норму иностранного языка. Материалом исследования послужили лексикографические работы, двуязычный французско-английский, англо-французский словарь, толковые и историко-этимологические словари английского и французского языков.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГИПОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В лексико-семантической системе языка важную роль играют гиперо-гипонимические отношения. Распространенное в лингвистической литературе таксономическое определение гиперонимов и гипонимов должно быть заменено лингвистическим. Оно должно основываться на понятии широты и узости референтного и родовидового значений. Гиперонимы – это лексические знаков с обобщающим родовидовым значением и широкой номинацией. Пример гиперонимов: англ. гипероним с обобщающим значением *batch* – *количество хлеба, выпекаемого за один раз; партия фарфоровых или фаянсовых изделий, обожженных одновременно; amenities* – *всё, что способствует хорошему настроению, отдыху* и т. п. Во французском языке имеются отсутствующие в русском

и английском гиперонимы *contrée f.*, означающие *край, местность; область; страну; organisme* – *любую организацию* (учреждение, предприятие).

Гиперонимы специфичны для каждого языка. Гиперонимы французского языка с обобщающим родовидовым значением: *volaille f.* – *любая домашняя птица, cours d'eau* – *любые воды, текущие по поверхности земли*. В английском есть только эквивалент фр. гиперонима *volaille f.* – *poultry*.

Гипонимы – это лексические знаки с видо-видовым значением, характеризующиеся конкретной, детальной номинацией и узкой референцией, совмещающие несколько значений, однословные по своему морфологическому составу. Они представляют собой сочетание, комбинацию нескольких означаемых при одном означающем. В качестве примера основатель учения о гипонимии выдающийся представитель Женевской лингвистической школы Ш. Балли приводил английский глагол *to starve* – *умирать с голоду* [Балли, 1955] («действие + причина действия»). Можно также привести пример из французского и английского языков: *canicule f. / canicular, dog days* – *время сильной летней жары*. Этот гипоним представляет собой комбинацию значений: *событие + определенный период + интенсивность*. Гипонимами могут быть как отдельные слова (например, фр. *verset m.* – стих в Священном Писании), так и значения полисемичного слова (например, англ. *ticket* – амер. разг. 1. повестка в суд за нарушение правил ПДД, 2. список кандидатов к-л. партии на выборах). С семиологической точки зрения гипонимы являются имплицитными знаками.

Гипонимы характеризуются этносемантической природой, т. е. не совпадают в разных языках. Например, французский гипоним *grume f.* (*неотесанный лес*) не имеет однослового эквивалента в английском языке и переводится словосочетанием *rough / undressed timber*.

Авторитетный специалист по лексической семантике, английский лингвист Дж. Лайонз справедливо отмечал, что гипонимия является фундаментальным смысловым отношением, посредством которого структурирована лексико-семантическая система языка [Lyons, 1972].

Носители языка не осознают наличие гиперонимов и гипонимов в их родном языке. Гиперо-гипонимические отношения выявляются в процессе сопоставительных исследований и в практике перевода.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГИПОНИМОВ

М. А. Кронгауз отмечает, что «единой общепризнанной классификации гипонимических отношений на сегодняшний день, по-видимому, не существует»

[Кронгауз, 2005, с. 149]. Нами предпринята попытка разработать классификацию гипонимов. Различные типы гипонимов выделены на основе анализа лексикографических источников.

Гипонимы играют большую роль в таких видах категоризации, как: часть целого, пространства, видо-видовая, включающая ряд предметных областей, временная характеристика действия или события, гендерная, возрастная, категоризация величины, значительности, интенсивности, конкретного характера действия.

Категория часть целого

В английском языке имеются гипонимы, отсутствующие во французском, которые передаются словосочетанием: *knuckle* – *сустав пальца* – *jointure (articulation) f. du doigt*, *bank* – *ряд весел* (на галере) – *bank de rameurs*. В то же время в английском и французском имеются гипонимы, обозначающие часть тела человека: *lap / giron m.* – *часть тела от поясицы до колен* (сидящего человека), *forefinger / index m.* – *указательный палец*, *iris / iris m.* – *радужная оболочка глаза*. Примеры гипонимов французского языка, не имеющих однословных эквивалентов в английском: *lippe f.* – *отвислая нижняя губа* – *thick low lip*, *rampre m.* – *vine-branch* – *ветвь виноградной лозы* (с ягодами и листьями), *pigne f.* – *сосновая / еловая шишка* – *pine / fir cone*, *vitre m.* – *оконное стекло* – *window-pane*, *arête f.* – *рыбья кость* – *fish-bone*.

Категория пространства

- **Положение в пространстве.** Гипонимы французского языка, отсутствующие в английском: *lagon m.* – *атолловая лагуна* – *lagoon in the center of atoll*, *ruelle f.* – *пространство между кроватей и стеной* – *space between bed and wall*. Гипоним английского языка *downstairs* – *расположенный на нижнем этаже*. Гипоним, имеющийся в двух языках: *terminus / terminus m.* – *конечная остановка*.
- **Особенности перемещения в пространстве.** Англ. *to ease* – *осторожно и медленно перемещать что-либо в определенном направлении*, *commute* – *ежедневная поездка на работу и обратно* (обычно по сезонному билету), *hobble* – *прихрамывающая походка*. Гипонимы французского и английского языков: *embardée f.* – *lurch* – *резкое изменение направления движения*.

ВИДО-ВИДОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ

Этот тип категоризации является самым многочисленным, поскольку он отражает сущность

гиперо-гипонимических отношений и включает разные предметные области.

Разное назначение, специализация

Англ. / фр. *dresser / dressoir m., vaisselier m.* – *шкаф для посуды*, *wader / cuissardes f. pl.* – *болотные (охотничьи) сапоги*. Меж тем во французском нет некоторых однословных эквивалентов гипонимов английского языка: *mint* – *монетный двор* – *hôtel de la Monnaie*, *mall* – *теннисное место для гулянья*, *hustings* – *трибуна для политических и предвыборных выступлений*. В английском языке отсутствуют однословные эквиваленты французских гипонимов *sabot m.* – *деревянный башмак*, *étrenne f.* – *новогодний подарок*, *treille f.* – *беседка из виноградных лоз*, *coiffeuse f.* – *туалетный столик*, *guéridon m.* – *круглый столик на одной ножке*.

Видо-видовое разграничение животных, насекомых

Фр. / англ. *original m. / moose* – *американский лось*, *grive f. / thrortle* – *невжий дрозд*, *lagorède m. / ptarmigan* – *белая куропатка*. Французские гипонимы, отсутствующие в английском: *mâtin m.* – *сторожевой пес* – *watch-dog*, *mulot m.* – *лесная мышь* – *field-mouse*, *tourtereau m.* – *young turtle-dove* – *молодая горлица*. Английские гипонимы, отсутствующие во французском: *ape* – *человекообразная обезьяна* – *singe anthropoïde*, *bat* – *летучая мышь* – *chauve-souris*, *hound* – *охотничья собака (гончая)* – *chien courant*.

Гендерная категоризация

В английском языке имеются, отсутствующие во французском, гипонимы, обозначающие самок и самцов животных: *doe* – *самка оленя, антилопы, зайца, кролика*; *cow* – *слона, носорога, кита, тюленя*. Названия самцов: *buck* – *самец оленя, антилопы, зайца, кролика*; *bull* – *самец крупных животных* (кита, слона, аллигатора). Эти гипонимы передаются на французский язык описательно: *femelle*, *mâle* + название животного. Однако в английском языке нет односложного эквивалента французского гипонима *laie f.* – *самка кабана* – *wild sow*.

Категоризация величины, значительности

Гипонимы французского языка: *forêt f.* – *bois m.* (лесопарк), *coquille f.* – *раковина*, *flaque f.* – *небольшая лужа*, *conque f.* – *большая раковина*, *darne f.* – *кусочек крупной рыбы*. Категоризация величины может комбинироваться с пространственной:

anse f. – маленькая бухта, которая вдаётся в сушу. Во французском языке есть четыре гипонима со значением «мелкая кража», в то время как в английском – один. Фр. *larsin m., chapardage m., maraudage m., volerie f.* (уст.), англ. *pilferage*. Англ. *sip* – маленький глоток не имеет однословного эквивалента во французском языке: *petit coup*.

Категоризация возраста

Гипонимы, имеющиеся в английском и французском языках: *squab / pigonneau m.* – неоперившийся голубь, *fawn – faon m.* – олененок (до одного года), *sapling / baliveau m.* – молодое деревце. Гипонимы, совмещающие категории гендера и возраста, не имеющие однословных эквивалентов во французском языке: *hog* – годовалый бычок – *jeune taureau âgé d'un an*, *stag* – олень-самец (старше пяти лет) – *mâle du cerf âgé plus de 5 ans*. С другой стороны, в английском языке нет однословного эквивалента гипонимов французского языка *délinquant m.* – малолетний преступник – *juvenile delinquent*, *solitaire m.* – старый кабан – *old boar*, *piat m.* – немец сороки – *magpie chick*, *pouillard m.* – молодой фазан – *young pheasant*.

Передача конкретного действия глаголом-гипонимом

Фр. *colporter*, англ. *hawk, peddle* – торговать взвешивая. Англ. *to hatch*, фр. *couver* – высиживать цыплят, *squat* – сидение на корточках, припадение к земле (животного), фр. *accroupissement m.*

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ГИПОНИМОВ

Метафоры различаются в узком и широком смысле. В узком смысле метафора представляет собой образное сравнение. В широком смысле метафора – употребление лексемы в переносном значении, основанное на сходстве между двумя денотатами по самым различным признакам. Например, фр. *baige f.* – 1. логово кабана, 2. гнездо белки – перен. грязное жилище, грязная постель, спец. глина, смешанная с соломой; *clapier m.* – кроличья нора, перен. конура, халупа (о жилище). Метафоризация основана на семантическом сходстве: неопрятность, примитивность, убогость.

Существуют различные когнитивно-семантические основания метафоризации гипонимов. Гипоним французского языка *marsoin m.* – морская свинка подвергается метафоризации в разговорном языке и употребляется в значении «солдат морской пехоты, морской пехотинец». Метафоризация основана на двух аналогиях: принадлежность

к определенной среде – к морю и пейоративном значении слова *свинья*.

Основанием метафоризации могут быть моральные качества. Фр. *paladin m.* – странствующий рыцарь, перен. искатель приключений.

О том, что метафорические значения сформировались на базе значения гипонима, свидетельствуют данные этимологии. Например, фр. *cornichon m.* (1530) – корнишон (мелкий, снятый вскоре после цветения огурец, предназначенный для маринования) имеет три метафорических номинаций: 1. *простофиля* (1808), 2. *подготовительный класс в военном училище Сен-Сир* (1881), 3. *учащийся этого класса* (1830). Основанием метафоризации является отличительная особенность корнишона – незрелость (не достигнуто полное развитие, несовершенство). В русском и английском языках метафоризация данного гипонима отсутствует. Встречаются случаи образования от гипонима двух лексем с переносным значением. Фр. *bourlinguer* – бороться с волнами и ветром, перен. 1. много путешествовать, бродить, колесить по свету, 2. вести бурный образ жизни. Когнитивная основа метафоризации в первом значении – перемещение в пространстве, во втором, – ассоциация с состоянием моря в бурю. Англ. *to tor* – мыть пол шваброй. перен. 1. разг. проглатывать (пищу), 2. разг. приканчивать, убивать. Можно предположить, что метафоризация первого значения основана на ассоциациях с мытьем пола шваброй (пол обильно поливают водой), метафоризация второго значения связана с восприятием швабры как грубого орудия.

Совпадают прямые и переносные значения английского глагола-гипонима *hatch* и французского *couver* – высиживать (цыплят), перен. вынашивать, замышлять ч-л., таить в себе, тайно подготавливать. Метафоризация основана на идее «созревания», подготовки какого-либо события. Та же лингвистическая закономерность имеет место в случае глаголов фр. *se vautrer* англ. *wallow* – валяться, барахтаться, перен. погрязнуть. Метафоризация основана на денотативном сходстве действия.

Метафоризация пространственной категоризации

Перемещение вверх в пространстве. Англ. *to hurdle* – перескакивать через барьер, перен. преодолевать препятствие. Двойная метафоризация: *hobble* – прихрамывающая походка → 1. затруднительное положение, 2. путы. Основа метафоризации – отсутствие свободы в совершении какого-либо действия. Гипонимы французского и английского языков: *embardée f.* – *lurch* – резкое изменение направления движения имеют разные основания метафоризации. Фр. перен. занос

(автомашины, судна). Амер. *склонность, тенденция*. Основа метафоризации – расположенность к какой-либо деятельности.

Передача конкретного действия глаголом-гипонимом

Французские и английские гипонимы-глаголы *colporter / hawk – торговать вразнос* употребляются в одном и том же переносном значении *распространять* (слухи, сплетни). Метафоризация основана на аналогии со значением глаголов-источников. Совпадают прямые и переносные значения английского глагола-гипонима *hatch* и французского *couver – высиживать* (цыплят), перен. *вынашивать, замышлять что-либо, таить в себе, тайно подготавливать*. Метафоризация основана на идее «созревания», подготовки какого-либо события. Из эквивалентных гипонимов английского и французского языков *squat / accroupissement m. – сидение на корточках* только английский метафоризируется в значении *нора*. Основа метафоризации – положение животного в узком пространстве.

Метафоризация на основе интенсивности действия, события

Встречаются случаи двойной метафоризации на основе интенсивности: *flambée f. – сильное и яркое пламя* → 1) *вспышка гнева, терроризма*, 2) *внезапный подъем цен*. Двойная метафоризация на основе вкуса и цвета: *rirent m. – стручковый перец* → 1) *пикантность, острота*, 2) *прост. красный нос*.

Основой метафоризации может быть временная характеристика действия или события. Например, англ. *flash – вспышка*, амер. *в последнюю минуту, краткая свежая информация*. Метафоризация основана на аналогии с действием в короткий промежуток времени. Метафоризация на основе интенсивности действия: англ. *guzzle – жадно глотать, есть, пить* → *пропивать, проедать*.

Метафоризация может быть основана на сходстве действия. Фр. *écouvillonner – выметать из печи* → *опрыскивать водой* (горящие угли). Англ. *stumble – спотыкание* → *ложный шаг*, *to top – мыть пол шваброй* → *воен. очищать (захваченную территорию от противника)*. Пример переноса постепенного осуществления действия из прямого значения в переносное: *to install – вливать по капле* → *исподволь вселять* (надежду, страх).

Видо-видовое разграничение животных

В следующих примерах метафоризация основана на семантической релевантности гипонимов: фр.

mâtin m. – сторожевой пес – перен. *грубиян*, разг. *разбитной малый*, *hound* – бран. *негодяй, «собака»*; англ. *ape – человекообразная обезьяна* → *кривляка, «обезьяна»*. Метафоризация основана на аналогии с характерной для обезьян мимикой.

Гендерная категоризация

Представляет интерес двойная метафоризация гендерных гипонимов английского языка. *Stag – олень-самец* (старше пяти лет) → 1. *холостяцкая вечеринка*, 2. *кавалер без дамы* (на вечеринке и т. п.). Когнитивная основа метафоризации – отсутствие противоположного пола. *Visk – самец оленя, антилопы, зайца, кролика* → презр. *южноамериканский индеец*. Основа метафоризации – грубоватый внешний вид. *Bull – самец крупных животных* (кита, слона, аллигатора) → сленг *шпик, полицейский*. Метафоризация основана на аналогии с властью в стаде.

Метафоризация гипонимов категории возраста

Англ. *squab – неоперившийся голубь*, двойная метафоризация: 1. *невысокого роста толстяк*, 2. *туго набитая подушка*. Во французском эквиваленте *rigonneau m.* основание метафоризации иное – не на внешнем сходстве, а на незрелости: разг. *разиня, рохля, простак*. Фр. *goret m. молодой поросенок*, англ. *hog – годовалый бычок* → *грязный, нечистоплотный ребенок, человек грязнуля*. Метафоризация основана на представлении о неопрятности, нечистоплотности.

В английском и французском языках метафоризации нередко подвергаются гипонимы, обозначающие крики птиц и животных. Англ. *chatter – стрекотать* (о сороке) → *журчать, дребезжать, тараторить*. Метафоризация французского эквивалента *jacasser* уже – *тараторить, болтать без умолку*. Метафорические значения в двух языках могут не совпадать: *chirr / striduler – стрекотать, трещать* (о кузнечиках, сверчках) → англ. *шуршать* (о камыше), фр. *гудеть* (о моторе). Совпадение метафорических значений гипонима-глагола английского и французского языков: *bray / bramer – реветь, кричать* (об осле), перен. *пронзительно кричать, вопить*.

Вообще установление когнитивных основ метафоризации представляет в некоторых случаях значительные трудности. В качестве примера можно привести гипоним *viatique m. – предсмертное причастие*, перен. *помощь; козырь* (карточный). Первое переносное значение основано на аналогии с облегчением, поскольку причастие облегчает состояние умирающего и тем самым помогает

ему. Сложнее установить основание метафоризации во втором переносном значении. Можно предположить, что владение козырем улучшает положение игрока, дает ему шанс выиграть. Нелегко установить основание метафоризации гипонима французского языка *falot m.* – большой фонарь, который в военном аргументе употребляется в значении *военно-полевой суд*. Можно предположить, что метафоризация основана на характере освещения.

Некоторые авторы (И. В. Арнольд, Дж. Миллер, Дж. Сёрль) рассматривают метонимизацию как частный вид метафоризации. На наш взгляд, метафоризация и метонимизация – пограничные, но не идентичные явления, поскольку имеют разные когнитивно-семантические основания. Метафоризация основана на аналогии, на объективном или субъективном образе, а метонимизация основана на денотативном, объективном сходстве по форме, на сопредельности.

Метонимизация гипонима категории часть – целое может быть основана на пространственном сходстве: фр. *râble m.* – часть спины (зайца или кролика) – разг. спина. Имеет место расширение значения гипонима. Метонимизация на основе сходства цвета: фр. *brasiller* – жарить на углях → сверкать, отпечивать. Основанием метонимизации может послужить собирательное значение: англ. *flock* – стадо (овец, коз), стайка (птиц) → толпа, церк. *паства*. Метонимизация на основе сходства денотативного значения: англ. *starlet* – небольшая звезда → талантливая молодая киноактриса, будущая кинозвезда. Метонимизация на основе звукового сходства: англ. *screech* – визгливый или хриплый крик → скрип, визг (тормозов и др.). Метонимизация на основе функционального сходства: фр. *aileron m.* – край птичьего крыла → рука. Метонимизация сопровождается расширением значения.

От гипонимов на основе метонимического переноса нередко образуются специальные значения. Англ. *drawer* – выдвижной ящик (стола), перен. секция базы данных. От его французского эквивалента *tiroire m.* образованы лексемы с другими специальными значениями: *золотник*, *заслонка*, *клапан*. Еще примеры из английского и французского языков: *stray* – заблудившееся или отбившееся от стада животное, спец. радио помехи, побочные сигналы; *swoor* – устремление вниз (хищной птицы на жертву), телев. пикирование видеоэффекта; *winder* – вьющееся растение, спец. шахтная подъемная машина, намоточный станок. Метонимия по сходству формы: фр. *conque f.* – большая раковина, ушная раковина, техн. диффузор; *coltis m.* – крытый балкон с окнами,

морск. *крайний носовой шпангоут*; англ. *hog* – гоголовый бычок, тех. искривление, прогиб. Специальное значение, образованное от гипонима, обозначающего часть тела англ. *lap* – часть тела от пояса до колен (сидящего человека) → *laptop* – ноутбук.

Специальное значение на основе сходства действия имеют эквивалентные гипонимы английского и французского языков: *embardée f.* – лurch – резкое изменение направления движения → морск. *крен судна*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распространенное в лингвистической литературе таксономическое определение гиперонимов и гипонимов целесообразно заменить лингвистическим, основанном на понятии широты и узости референтной и номинативной базы. При этом гипонимы характеризуются этносемантической природой, т. е. не совпадают в разных языках. Впервые разработана классификация гипонимов, основанная на принципе когнитивной категоризации.

Метафора представляет собой переносное значение лексемы, результатом которого является вербализация данной лексемой другого референта (денотата). Важное место в проблематике метафоризации занимает установление мотивации метафорических переносов и типов метафор. Метафоризации подвергаются гипонимы различных типов, но чаще всего видо-видовые гипонимы различных предметных областей.

На наш взгляд, метафоризация и метонимизация – пограничные, но не идентичные явления, поскольку имеют разные когнитивно-семантические основания. Выделены различные когнитивно-семантические основания метафоризации и метонимизации гипонимов, обусловленные их типами. Основания метафоризации и метонимизации эквивалентных гипонимов английского и французского языков часто не совпадают. Встречаются случаи двойной метафоризации и метонимизации, когда от одного гипонима образуются несколько переносных значений или специальных значений.

В случае метафоризации и метонимизации гипонимов реализуется креативная функция языка, поскольку гипонимы становятся источником новых значений, тем самым обогащая словарный запас языка. Гипонимы, подвергнувшиеся метафоризации утрачивают нейтральные значения и приобретают переносные. Они могут приобретать экспрессивные, разговорные, просторечные, пейоративные значения. Остается добавить, что в результате метонимического переноса гипонимы приобретают, как правило, специальное значение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1955.
2. Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge: University Press, 1972.
3. Кронгауз М. А. Семантика: учебник для студентов лингвистических факультетов высших учебных заведений. М.: Академия, 2005.

REFERENCES

1. Bally, Ch. (1955). Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka = General and French linguistics. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. (In Russ.)
2. Lyons, J. (1972). Introduction to theoretical linguistics. Cambridge: University Press.
3. Krongauz, M. A. (2005). Semantica = Semantics: textbook for students of linguistic faculties. Moscow: Akademiya. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Валерий Георгиевич Кузнецов

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Valeriy Georgievich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Professor at the Department of French Lexicology and Stylistics

Faculty of the French language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.09.2024
20.10.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 811.161.1+811.131.1

Сравнительно-сопоставительная характеристика мультипликативных глаголов в русском и итальянском языках

А. В. Лентовская

Пизанский университет, Пиза, Италия
anna.lentovskaya@unipi.it

Аннотация. В статье в итальянско-русской паре языков рассматриваются мультипликативные глаголы (*mordere* – *кусать*) в противопоставлении лексическим единицам, относимым к внутрисобытийному типу предикатной множественности (*morsicchiare* – *покусывать*). Анализируются русские глаголы-«свертки» (*курнуть*), разговорные и сленговые формы (*читануть*), и сопоставимые с ними итальянские конструкции с отглагольными существительными на *-ata* (*mangiucchiata*), которые конкурируют с семelfактивными перфективными формами. Целью работы является сопоставительное описание глаголов и других лексических единиц с мультипликативной и семelfактивной семантикой.

Ключевые слова: предикатная множественность, мультипликативы, семelfактивы, *nomina vicis*, итальянский язык

Для цитирования: Лентовская А. В. Сравнительно-сопоставительная характеристика мультипликативных глаголов в русском и итальянском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 68–75.

Original article

Contrastive Analysis of Multiplicative Verbs in Russian and Italian

Anna V. Lentovskaya

University of Pisa, Pisa, Italy
anna.lentovskaya@unipi.it

Abstract. The article analyzes multiplicative verbs (*mordere* – *to bite*) in Italian-Russian language pairs in contrast to lexical units belonging to the internal-event type of pluractionality (*morsicchiare* – *to nibble*). We analyze Russian verbs-“convolutions” (*kurnut'* – *smoke*), colloquial and slang forms (*chitanut'* – *read*), and comparable Italian constructions with *-ata* verbal nouns (*mangiucchiata*), which compete with semelfactive perfective forms. The aim of the study is a comparative description of verbs and other lexical units with multiplicative and semelfactive semantics.

Keywords: pluractionality, multiplicative, semelfactive, *nomina vicis*, Italian

For citation: Lentovskaya, A. V. (2024). Contrastive analysis of multiplicative verbs in Russian and Italian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 68–75. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

При описании глагольной (предикатной) множественности в целом ряде специальных исследований [Cusic, 1981; Храковский, 2012; Шлуинский, 2006] формулируется противопоставление между внутрисобытийной и внесобытийной предикатной множественностью, т. е. между «мультипликативным» и «итеративным» типами предикатной множественности¹. В случае внесобытийной множественности имеется в виду, что отдельные друг от друга ситуации, каждая из которых имеет собственную начальную и конечную точку, повторяются в отдельные периоды времени. Напротив, внутрисобытийная множественность подразумевает осуществление в единый промежуток времени одного события, которое по своей внутренней структуре является многократным повторением сходных друг с другом фаз. В частности, выделяя отдельное акциональное значение «мультипликативный процесс» (MP), С. Г. Татевосов руководствуется четкими критериями отграничения мультипликативности от дистрибутивности – мультипликативность, как было сказано ранее, подразумевает идентичность участников, задействованных в каждой из подситуаций, и от итеративности – мультипликативная интерпретация должна быть доступна в составе минимальной клаузы [Татевосов, 2016]. Необходимость данных уточнений обусловлена тем, что, по результатам целого ряда типологических исследований, значения, относимые к внутрисобытийному типу предикатной множественности, не исчерпываются мультипликативом, т. е. описанием серии единичных одинаковых квантов события, следующих во времени один за другим, ср.: *Когда я вошел в ванную, вода капала из крана.*

В частности, в работах А. Б. Шлуинского помимо мультипликатива описаны еще три частных типа значений, относящихся к внутрисобытийному типу предикатной множественности, – дубликатив (*Преподаватель сидел за столом и все время снимал свои очки*), альтернатив (*Мальчик ездит по двору на велосипеде*), дисконтинуатив (*Вася посматривает в окно*) [Шлуинский, 2006].

Важнейшей характеристикой, объединяющей примеры А. Б. Шлуинского, является то, что для всех данных значений, в отличие от мультипликатива, исходным является значение единичной ситуации. В свою очередь, подлинно мультипликативными следует считать такие ситуации, единичные кванты которых также могут

¹В. С. Храковский также выделяет третий, дистрибутивный тип предикатной множественности: в подобных случаях в описываемой ситуации каждый раз задействованы новые участники, ср.: *Иван каждый день решает по задаче.*

получить языковое выражение – при помощи семельфактивных глаголов, как в русском языке, или при помощи перфективных форм, которые, будучи образованы от мультипликативных глаголов, могут иметь семельфактивное значение (см. итальянский пример 1):

1. *Gianni ha tossito* – а. Джанни кашлянул;
б. Джанни покашлял.

Здесь мультипликативный глагол в перфективе может иметь как семельфактивное значение, соответствующее реализации единичного кванта мультипликативной ситуации (1а), так и мультипликативное значение, соответствующее ограниченному во времени осуществлению мультипликативной ситуации (1б).

В данной статье предполагается проанализировать специфические характеристики мультипликативных и семельфактивных глаголов в итальянском и русском языках.

Таким образом, задачи исследования заключаются в следующем:

- 1) уточнить интерпретацию итальянских глагольных форм, которые морфологически (или семантически) схожи с мультипликативами и семельфактивами, как ситуаций, относимых к внутрисобытийному типу предикатной множественности;
- 2) на основе анализа фактического материала показать специфику русских семельфактивных глаголов-«свертков», подобных *курнуть*, *тормознуть* (термин В. А. Плунгяна), а также разговорных и сленговых форм *считнуть*, *читануть* и др.; итальянских конструкций с отглагольными существительными на *-ata* (*nomina vicis*), которые конкурируют с семельфактивными перфективными формами и могут быть сопоставлены с русскими «свертками» (ср. *fare una mangiucchiata di mele* «погрызть / грызнуть (разг.) яблок»).

Указанные задачи решались с помощью общенаучных методов анализа и синтеза; описательного и трансформационного методов; метода контекстуального анализа, посредством которого была продемонстрирована специфика мультипликативных и семельфактивных глаголов.

Материалом исследования послужили примеры из корпусов итальянского языка CODIS и COLFIS, а также из корпуса переводных интернет-текстов OPUS².

²CODIS = Corpus di Italiano Scritto «Корпус письменного итальянского языка»; COLFIS = Corpus e Lessico di Frequenza dell'Italiano Scritto «Корпус и частотная лексика итальянского письменного языка», ок. 130 млн словоупотреблений; OPUS доступен по адресу: <https://opus.nlpl.eu> (дата обращения: 02.09.2024).

ИСТИННЫЕ И «ЛОЖНЫЕ» ИТАЛЬЯНСКИЕ МУЛЬТИПЛИКАТИВЫ И СЕМЕЛЬФАКТИВЫ

В итальянском языке достаточно широко представлены глаголы слабого мультипликативного класса <MP; MP, Q>¹. Семантически эти глаголы относятся, как и в русском языке (см. ниже), преимущественно к четырем классам: это глаголы физиологической сферы (*tossire* – кашлять, *singhiozzare* – икать), звукового эффекта и речи (*fischiare* – свистеть, *sibilare* – шипеть / шикать), физического воздействия (*pungere* – колоть, *bussare* – стучать) и т. п. В недавних работах, например в исследованиях М. Донаццан и Л. Товены, перечисляются критерии отграничения итальянских семельфактивов от других глагольных классов [Donazzan, Tivena, 2017]. Среди этих критериев, во-первых, уже упоминавшаяся возможность интерпретировать перфективные формы мультипликативных глаголов не только как процессуальные, но и как семельфактивные (2), и «подсчитывать» количество реализованных квантов ситуации в комбинации с обстоятельствами *tre volte* (три раза, трижды) и др. (3):

2. Mario ha bussato alla porta. – Марио постучал / стукнул в дверь.
3. Mario ha bussato alla porta tre volte, e ad ogni colpo ci siamo spaventati sempre di più. – Марио стукнул в дверь трижды, и каждый удар пугал нас все сильнее.

Употребление процессуального глагола в таком же контексте, напротив, может быть интерпретировано только как повторение ситуации в разных временных отрезках, см. (4):

4. Mario ha stazionato sotto il portone tre volte, e ci siamo spaventati sempre di più. – Марио трижды торчал у нас под дверью, и мы (с каждым разом) пугались все сильнее.

Точно так же сочетание мультипликативных глаголов с наречием *ancora e ancora* (снова и снова), выявляющим «внутреннюю многократность» описываемого события, по мнению Д. Кьюзика [Cusic, 1981], можно интерпретировать как описание единичной ситуации, а не ее повторения, что невозможно с процессуальными глаголами, ср.:

Mario ha bussato alla porta ancora e ancora. – Марио стучал в дверь снова и снова.

¹Мы придерживаемся принципов универсальной акциональной классификации и терминологии, разработанных в [Татевосов, 2016], с рядом уточнений для итальянского языка [Лентовская, 2018].

vs.

Mario ha stazionato sotto la porta ancora e ancora. – Марио торчал под дверью снова и снова.

Наконец, в отличие от достижений (пунктивных глаголов, см. пример 5), мультипликативные / семельфактивные глаголы в итальянском языке не допускают интерпретацию прогрессивной конструкции как описание подготовительного этапа к достижению результата (ES), (см. пример 6):

5. Mario stava arrivando in stazione, quando ha bucato la ruota (= non è arrivato in stazione). – Марио уже почти приехал на вокзал, когда проколол шину (= не приехал на вокзал).
6. Mario stava bussando, quando ho aperto la porta (= ha bussato alla porta). – Марио стучал, когда я открыла дверь (= Марио постучал / стукнул в дверь).

В примере 6 на тот момент, когда дверь открывается, стук в дверь уже звучит – различной интерпретации может подвергаться только количество реализованных ударов, но их не меньше одного.

А. Б. Шлуинский отмечает, что в большинстве языков мира мультипликатив принадлежит к сфере акциональной семантики – описания единичных ситуаций и описания мультипликативных ситуаций различаются семантически, но не морфологически [Шлуинский, 2006]. Впрочем, в рамках данной дискуссии в качестве «классического» примера мультипликативных суффиксов часто упоминаются английские глагольные суффиксы *-er*, *-le* (*patter* – постукивать, *nibble* – грызть), а также итальянские глаголы с суффиксами *-ellare*, *-icchiare*, *-iettare*, *-eggiare* и др. (всего 14 возможных суффиксов), например: *fischierellare* (свистеть, насвистывать); *morsicchiare* (покусывать); *rubacchiare* (подворовывать); *fischiettare* (насвистывать), *scoppiettare* (потрескивать).

Мы полагаем, что подобные глаголы нельзя отнести к мультипликативам, хотя описываемые ими значения, несомненно, относятся к сфере внутрисобытийной множественности: множество подсобытий, которые они обозначают, неделимо и всегда соотносится с единичной ситуацией (см. также: [Tivena, Kihm, 2008]). Например, из сравнения примеров 7 с мультипликативным глаголом *tagliare* (резать) и 8 с глаголом *tagliuzzare* (измельчать, крошить) следует, что любое событие, обозначаемое глаголом (пример 8), подразумевает множество порезов на яблоке, а не один, как в случае примера 7b. Подобная интерпретация остается неизменной вне

зависимости от того, единичным или множественным является объект действия:

7. *Mina ha tagliato una mela.* – **a.** Мина порезала яблоко; **b.** Мина резанула (надрезала) яблоко.
8. **a.** *Mina ha tagliuzzato una mela.* – Мина покромсала яблоко.
b. *Mina ha tagliuzzato le mele.* – Мина покромсала яблоки.

Описание множества подсобытий перфективной формой таких глаголов не может быть интерпретировано как *семельфактив* – составляющие таких подсобытий нельзя описать, как кванты мультипликативной ситуации (см. примеры 2; 9–10) по сравнению с примерами 11–12:

9. *Mario ha tossito (= un colpo di tosse).* – Марио кашлянул.
10. *Mario ha tossito alle tre in punto.* – Марио кашлянул ровно в три.
11. *Mario ha tossicchiato (*un colpo di tosse).* – Марио покашлял / покашливал.
12. **Mario ha tossicchiato alle tre in punto.* – Марио покашлял ровно в три часа.

Полагаем, что в своей совокупности суффиксальные итальянские глаголы в (примеры 8, 11–12) передают весь спектр значений, морфологическим выражением которых в русском языке является прерывисто-смягчительный способ действия [Исаченко, 1960]. Прежде всего, речь идет о дисконтинуативном и аттенуативном значениях, которые, по свидетельству А. Б. Шлуинского, зачастую совмещаются со значением раритива. В итальянском языке дисконтинуативное событие, такое как *leggiucchiare* (*почитывать*), совершающееся с перерывами во времени, рассматривается как реализация единой ситуации с перерывами, а также с «понижением в качестве / интенсивности» [Шлуинский, 2006, с. 56]. Кроме того, то же событие можно интерпретировать как повторяющееся время от времени (раритивное прочтение):

- ha *leggiucchiato* (почитывал без интереса, не вникая в содержание; «вполглаза», постоянно отвлекаясь; время от времени, не имея привычки регулярно читать);
- ha *lavoricchiato* «подрабатывал время от времени; поработал какое-то время «спустя рукава».

Таким образом, требование *семельфактивной* интерпретации перфективных форм итальянских дисконтинуативов / аттенуативов не выполняется,

поэтому относить их к «истинным» мультипликативам не представляется возможным.

РУССКИЕ МУЛЬТИПЛИКАТИВЫ И СЕМЕЛЬФАКТИВЫ

В русском языке исследования мультипликативных процессов (мультипликативов или «серий») неразрывно связаны с описанием *семельфактивов*: типологическая особенность славянских языков состоит в том, что в них мультипликативы непроизводны и морфологически ничем не отличаются от обозначения обычных процессов, а морфологически маркированы именно *семельфактивы*. Как отмечает В.А. Плуноян, в русском языке не «цепь» (серия) собирается из исходных «звеньев» (квантов), а, напротив, «звено» извлекается из исходной цепи посредством ее «редукции» (ср.: *кашлять* – *кашлянуть*, *кивать* – *кивнуть* и др.) [Плуноян, 2000].

В 2000-х годах стала активно исследоваться тенденция к образованию *ну-форм* от изначально немультимпликативных глаголов. На примере данных из НКРЯ было продемонстрировано, что 88 % мультипликативных глаголов, от которых образуются *семельфактивы*, относятся к пяти семантическим классам: глаголы (пере)движения (*дергаться*, *кидать*), физического воздействия (*лягать*, *колоть*), звукового эффекта (*кричать*, *гудеть*), речи (*шептать*, *бурчать*), физиологической сферы (*зевать*, *икать*)¹. Представляется, что подавляющее большинство этих глаголов можно классифицировать именно как «серии» (мультипликативы), из которых выделяются «кванты» (*семельфактивы*). Из наблюдений указанных авторов также следует, что *ну-формы* активно образуются от названий таких неопредельных процессов, которым изначально не свойственна «мультипликативная» семантика. Такие формы, как *курнуть*, *гульнуть*, *психануть*, *тормознуть* и др., «описывают некоторую «сокращенную» реализацию исходной ситуации ... и представляют собой очень своеобразный вариант словообразовательной перфективации» [Плуноян, 2000, с. 212]. Подобные глаголы-«свертки», в терминологии В. А. Плунояна, – класс с наибольшим числом новообразований, в том числе разговорных и сленговых.

Данному вопросу также посвящена работа С. Соколовой, в которой на примерах из разговорного русского языка иллюстрируются следующие основные выводы [Sokolova, 2015]:

- количество *ну-глаголов* постоянно увеличивается: подобные формы сосуществуют с приставочными перфективами: *считать*

¹См. работу: [Makarova, Janda, 2009].

(*сосчитать*) – *считать*; *корректировать* (*скорректировать*) – *корректирнуть*); с делимитативами: *летать* (*полетать два часа*) – *летнуть два часа*, – и массово вытесняют семельфактивные *с*-формы (*сдурить* – *дурнуть*);

- растет семантическое разнообразие ну-глаголов; такие формы могут образовываться, например, от глаголов «ментальной сферы», семантика которых была охарактеризована как несопоставимая с выделением «квантов»¹, ср.: *корректирнуть*, *мернуть*, *ориентирнуться*, *планирнуть*, *считнуть* [Sokolova, 2015].

Согласно данным из разговорного русского языка, нашим и собранным в исследовании С. Соколовой [Sokolova, 2015], ну-формы образуются также от глаголов, изначально относимых к двухпредельным (пример 13) и слабым предельным классам (примеры 14–15):

13. Если же захотите сами *певануть* что-то из переводов, то для некоммерческого исполнения моё согласие не нужно².
14. Я думаю, этих монеток по пальцам *считнуть* можно.
15. Можете в любой момент *корректирнуть* показания вашего счетчика.

Возможность интерпретации подобных форм как семельфактивов, а исходных имперфективов как мультипликативных процессов возникает в разговорном русском языке тогда, когда изначально гомогенная ситуация (*петь*, *считать*, *корректировать*) представляется как членимая на отдельные, доступные для восприятия фазы, называемые ну-формами. С неопредельными процессами <P; P>, от которых образуются «свертки», двухпредельные и слабые предельные классы глаголов объединяет возможность выражения процесса в перфективе, т. е. обязательное наличие делимитатива, ограничителя во времени гомогенной ситуации. Данную мысль развивает Х. Мелиг, который противопоставляет примеры 16–17 с «нетрансформативными» глаголами НСВ, обозначающими «сложное, членимое действие, проявляющееся в более или менее равномерном и последовательном повторении одинаковых по характеру актов» (мультипликативными) и «одноактными» глаголами СВ, и примеры 18–19, в которых подобные глаголы употребляются «трансформативно» [Мелиг, 1994, с. 598]:

16. Он хлопал / хлопнул что есть силы в ладоши.
17. Мальчик кивал / кивнул головой в знак согласия.

¹См. работу: [Makarova, Janda, 2009].

²URL: <https://www.chitalnya.ru/users/Bukvoljub>.

В примерах (18–19) с «трансформативными» употреблениями при глаголах появляются адьюнкты – указание на направление (18) и указание адресата сообщения при глаголе речи (19):

18. Олег нырнул на самое дно озера и нашел потерянное кольцо;
19. Мать крикнула ребенку, чтобы он отошел от собаки.

В таких случаях «глагол на -нуть» употребляется ... не как глагольный сингулятив, а как обычная соотносимая форма СВ³ к трансформативному глаголу» [Мелиг, 1994, с. 598]. Полагаем, что подобные употребления глаголов следует относить к пунктивному <-; ES> классу (как и бесприставочные глаголы, подобные *улизнуть*), в том числе потому, что процессуальная интерпретация в таких случаях невозможна: ср.: **Смотри, Олег ныряет на самое дно озера и находит потерянное кольцо*.

Из вышесказанного следует, что мультипликативным русским глаголам, допускающим появление адьюнкта или прямого дополнения, доступна пунктивная реинтерпретация. Когда один из квантов мультипликативного процесса (перфективная ну-форма) переосмысливается как полноценное событие, осуществленное одномоментно (пунктивное), другие имперфективные и перфективные члены глагольной группы теряют свою процессуально-мультипликативную интерпретацию и тем самым исключаются из данной группы.

Сходный анализ допустим для примеров из разговорного русского языка, подобных примерам 13–15. На наш взгляд, при наличии в таких случаях неопределенных актантов (*певануть что-нибудь из переводов*, *считануть этих монеток*) также возможны две интерпретации ну-форм, предлагаемых говорящим, – трансформативная (ES) и нетрансформативная (Q). При второй интерпретации (Q) исходные процессуальные имперфективные формы «принудительно» интерпретируются говорящим как мультипликативные. Если же в разговорном русском примере (см. пример 20) ну-форма употребляется с квантованным актантом, ее предпочтительная трактовка – трансформативная, и в данном случае исходный глагол, как и в примерах 18–19, следует относить к пунктивному <-; ES> классу:

- (20) И вот, пока она пирожное уплетала, я ей читал классный стих из «Шицзин», который выучил наизусть накануне (*А. Житинский. Параллельный мальчик. 1989*).

³СВ – совершенный вид.

Параллель в итальянском языке обнаруживается в области словообразования. Речь идет о так называемом термине «*nomina vicis*» (термин из работы: [Donazzan, Tovena, 2017]), который трактуется как морфологическое средство выражения однократного действия, конкурирующее с семельфактивным прочтением перфектива. Рассмотрим подобные формы подробнее.

NOMINA VICIS В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ СООТВЕТСТВИЕ РУССКИМ ГЛАГОЛАМ-«СВЕРТКАМ»

По свидетельству ряда исследователей, отглагольные существительные с суффиксом *-ata* (далее V-ATA; *strizzare l'occhio – dare una strizzata d'occhio – подмигнуть*) в итальянском языке служат для того, чтобы «изолировать сегмент процесса» [Simone, Insacco, 2017, с. 32]. Перифрастические конструкции с опорными глаголами *dare* и *fare* (*chiacchierare – fare una chiacchierata – болтать; stirare – dare una stirata – прогладить*) представляют собой варианты соответствующих переходных или непереходных глаголов, призванные подчеркнуть краткость или случайность действия.

Из числа глаголов, от которых можно образовать V-ATA, по данным М. Донаццан, Л. Газты, Л. Товены и др., исключаются нединамичные глаголы состояния, а также достижения (*arrivare* «приехать» – **arrivata*) и (частично) свершения (*costruire la casa – построить дом – *costruita della casa*) [Gaeta, 2000; Donazzan, Tovena, 2017] – остаются неопределенные процессуальные (пример 21) и мультипликативные (пример 22) глаголы:

21. *nuotare – плавать*:
Gino ha fatto una nuotata. – Джино поплавал.
22. *tossire – кашлять*:
Gino ha fatto una tossita. – Джино покашлял.

В принятой нами терминологии, это означает, что V-ATA образуются только от опорных процессуальных (P) и мультипликативных (MP) глаголов. В том числе, V-ATA можно образовать от глаголов слабого предельного класса <P; P, ES>, таких, как *mangiare* «есть», но только в сочетании с некантованным актантом, ср. (23 a-b):

23. a. **Gino ha fatto una mangiata dei funghi.*
b. *Gino ha fatto una mangiata di funghi.* – Джино поел грибов.

Этот факт, на наш взгляд, обнаруживает явную аналогию с функционированием русских

глаголов-«свертков» (семельфактивных перфективов Q) только в нетрансформативном прочтении, ср.:

mangiare le mele – есть / съесть яблоки; fare una mangiata di mele – поесть яблок; mangiucchiare le mele – грызть яблоки; fare una mangiucchiata di mele – погрызть яблок; разг. грызануть яблок.

Отличной иллюстрацией мультипликативной группы в итальянском языке являются глаголы, от которых образуются V-ATA ст.н. «инструментальным» значением. Речь идет о глаголах, подобных *bastonnare – лунить палкой (bastonata); bacchettare – стучать палочкой* (например, дирижерской) (*bacchettata*) и др., ср. примеры (24–25):

24. a. *Gino ha bastonato la pignatta, ed è caduta una pioggia di monete.* – Джино стукнул палкой по пиньяте, и монеты посыпались из нее дождем.
b. *Gino ha dato una bastonata alla pignatta, e il colpo l'ha tranciata di netto.* – Джино стукнул палкой по пиньяте и одним ударом расколол ее напополам.
- (25) a. *Gino ha bastonato a lungo la pignatta che sembrava non voler cedere.* – Джино долго стучал палкой по пиньяте, которая никак не поддавалась.
b. *Gino ha dato una bastonata alla pignatta, ma dopo qualche colpo il bastone si è rotto.* – Джино постучал палкой по пиньяте, но через несколько ударов палка сломалась.

Из данных примеров следует, что перифрастические конструкции с V-ATA могут употребляться параллельно как семельфактивной интерпретации перфектива (Q; a), так и процессуальной его интерпретации (P; b). Кроме того, «инструментальные» V-ATA в итальянском языке имеют двойное прочтение и могут означать результативное воздействие на объект, ср.:

Quella bastonata ricevuta in testa lo mandò in ospedale. – Удар палкой по голове отправил его на больничную койку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исключив из круга мультипликативных ситуаций итальянские глаголы с дисконтинуативной / аттенуативной семантикой, мы приходим к выводу о том, что возможность ограничения гомогенной ситуации через одноактный способ действия (ну-форму) в русском и через V-ATA в итальянском существует преимущественно в глагольных группах с опорным мультипликативным глаголом

и выраженным перфективным делимитативом (слабые мультипликативные классы <MP; MP, Q> в обоих языках и ингрессивно-мультипликативный класс <MP; EP, MP, Q> в русском). Сильные мультипликативные группы <MP; Q> в обоих исследуемых языках встречаются редко, представлены

глаголами «инструментального воздействия» и в итальянском языке конкурируют с конструкциями с V-ATA. В обоих языках немногочисленные глаголы данной группы переосмысливаются как пунктивные <- ; ES>, если перфективный член группы приобретает событийное значение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cusic D. Verbal Plurality and Aspect. PhD thesis. Stanford University, 1981.
2. Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий: вид, время, наклонение // От значения к форме, от формы к значению / ред. М. Д. Воейковой. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 539–561.
3. Шлуинский А. Б. К типологии предикатной множественности. Организация семантической зоны // Вопросы языкознания, 2006. № 1. С. 46–76.
4. Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016.
5. Donazzan M., Tovenà L. Italian -ata event nouns and the nomen vicis interpretation // Italian Journal of Linguistics. 2017. № 29 (1). P. 75–100.
6. Лентовская А. В. Акциональные характеристики русских и итальянских глаголов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 14 (809). С. 57–71.
7. Tovenà L., Kihm A. Event internal pluractional verbs in some Romance languages // Recherches linguistiques de Vincennes. 2008. № 37. P. 9–30.
8. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава: Издательство Академии наук, 1960. Часть вторая: морфология.
9. Плунгян В. А. «Быстро» в грамматике русского и других языков // Слово в тексте и в словаре / ред. Л. Иомдина, Л. Крысина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 212–223.
10. Makarova A., Janda L. Do It Once: A Case Study of the Russian -nu- Semelfactives // Scando-Slavica, 2009. № 55. P. 78–99.
11. Sokolova S. "Rabotnul na slavu – gul'ni smelo!": -NU- as a universal aspectual marker in non-standard Russian // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития / ред. М. Китадзе. Киото: Tanaka Print, 2015. С. 256–262.
12. Мелиг Х. Р. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке // Revue des Études Slaves, 1994. № 66 (3). С. 595–606.
13. Simone R., Insacco G. Cicli lessicali e polisemia nelle nominalizzazioni. Analisi di un corpus italiano / Studi e saggi linguistici, 2017. № 55 (1). P. 9–46.
14. Gaeta L. On the interaction between morphology and semantics: The Italian suffix -ata // Acta Linguistica Hungarica, 2000. № 47. P. 205–229.

REFERENCES

1. Cusic, D. (1981). Verbal Plurality and Aspect: PhD thesis. Stanford University.
2. Khrakovsky, V. S. (2012). Interaction of grammatical categories: Aspect, Tense, Mood. In M. D. Voejkova (Ed.). *От значения к форме, от формы к значению = From meaning to form, from form to meaning* (pp. 539–561). Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.).
3. Shlujnskiy, A. B. (2006). Towards the typology of pluractionality. Organization of the semantic zone. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 46–76. (In Russ.).
4. Tatevosov, S. G. (2016). *Glagol'nye klassy i tipologia aksional'nosti = Verbal classes and Typology of Actionality*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.).
5. Donazzan, M., Tovenà, L. M. (2017). Italian -ata event nouns and the nomen vicis interpretation. *Italian Journal of Linguistics*, 29 (1), 75–100.
6. Lentovskaya, A.V. (2018). Actional characteristics of Russian and Italian verbs. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 14 (809), 57–71 (In Russ.).
7. Tovenà, L., Kihm, A. (2008). Event internal pluractional verbs in some Romance languages. *Recherches linguistiques de Vincennes*, 37, 9–30.

8. Isachenko, A. V. (1960). Grammaticheskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii s slovatskim. Chast' vtoraja: morfologija = Grammatical structure of the Russian language in comparison with Slovak. Part two: morphology. Bratislava: Academy of Sciences Publishing House. (In Russ.).
9. Plungjan, V. A. (2000). "Bystro" in Russian grammar and in other languages. In Iomdin, L., Krysin, L. (Eds.), Slovo v tekste i v slovare = Word in the text and in the dictionary (pp. 212–223). Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (In Russ.).
10. Makarova, A., Janda, L. (2009). Do It Once: A Case Study of the Russian -nu- Semelfactives. Scando-Slavica, 55, 78–99.
11. Sokolova, S. (2015). "Rabotnul na slavu – gul'ni smelo!": –NU- as a universal aspectual marker in non-standard Russian. In Kitajo, M. (Ed.), Aspectual Semantic Zone: typology of systems and scenarios of diachronic development (pp. 256–262). Kioto: Tanaka Print.
12. Mehlig, H. R. (1994). Homogeneity and heterogeneity in space and time: on the category of Verbal Aspect in Russian. Revue des Études Slaves, 66(3), 595–606. (In Russ.).
13. Simone, R., Insacco, G. (2017). Lexical cycles and polysemy in nominalizations. Analysis of an Italian corpus. Studi e saggi linguistici, 55 (1), 9–46. (In Italian).
14. Gaeta, L. (2000). On the interaction between morphology and semantics: The Italian suffix -ata. Acta Linguistica Hungarica, 47, 205–229.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лентовская Анна Вадимовна

старший преподаватель русского языка

Лингвистического центра Департамента филологии, литературы и языкознания
Пизанского университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lentovskaya Anna Vadimovna

Senior Lecturer of Russian

Linguistic Center, Department of Philology, Literature and Linguistics
University of Pisa

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.09.2024
20.10.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'11

Ошибки лексико-семантической парадигматики в русских переводах китайскоязычных общественных знаков

Лю Лифэнь¹, Ван Лина²

¹Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай
liulifen1993@163.com

²Шаньдунский педагогический университет, Цзинань, Китай
linawang0122@sina.com

Аннотация. В статье рассмотрены ошибки лексико-семантической парадигматики при переводе китайскоязычных общественных знаков на русский язык. Проанализированы особенности ошибочных русских переводов общественных знаков, установлены наиболее подходящие варианты замены. В качестве основных методов исследования использованы сопоставительный анализ, качественный анализ и метод анализа ошибок. На основе оригинальных фотографий, сделанных в городах Китая и России, выявлены проблемы различения омонимов, ошибки в выборе синонимов, некорректное употребление однокоренных слов, смешение гиперонимов и гипонимов в русских переводах общественных знаков.

Ключевые слова: общественные знаки, лексико-семантическая парадигматика, семантическое поле, ошибочные переводы, стратегии перевода на русский язык

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта научного социального фонда КНР № 22BYU195.

Для цитирования: Лю Лифэнь, Ван Лина. Ошибки лексико-семантической парадигматики в русских переводах китайскоязычных общественных знаков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (894). С. 76–82.

Original article

The Errors of lexical-Semantic Paradigmatics in the Russian Translation of Chinese-Language Public Signs

Liu Lifen¹, Wang Lina²

¹Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China
liulifen1993@163.com

²Shandong Normal University, Jinan, China
linawang0122@sina.com

Abstract. This paper uses Russian public signs filmed in China and Russia as corpus, applies comparative analysis, qualitative analysis and error analysis to examine and correct semantic paradigmatic errors in the Russian translation of Chinese public notices, and explains the reasons for such errors. The findings indicate that the main issues in the Russian translation of Chinese public notices include semantic confusion of homonyms, misuse of synonyms, confusion between words with the same root and improper juxtaposition of hypernyms and hyponyms.

- Keywords:** social signs, lexical-semantic paradigmatics, semantic field, erroneous translations, strategies of translation into Russian
- Acknowledgments:** The article was prepared with the financial support of the grant of the Scientific Social Fund of China No.22BYY195.
- For citation:** Liu Lifan, Wang Lina. (2024). The errors of lexical-semantic paradigmatics in the Russian translation of Chinese-language public signs. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(894), 76–82. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Общественные знаки – это лингвистическое понятие, «объединяющее, с одной стороны, мономодальные, бимодальные или мультимодальные знаки, с другой стороны, вербальные и / или невербальные знаки, характеризующиеся особой коммуникативной целью и выполняющие определенные функции в общественных местах» [Лю Лифэнь, 2023, с. 598]. Они как информационные указатели выступают в качестве «навигатора» или «индикатора» в общественных местах. При некорректном переводе содержания общественных знаков становится затрудненным их понимание и восприятие аудиторией, что приводит к замедлению передачи информации и, как следствие, к неэффективному выполнению их функций.

Для определения проблем перевода общественных знаков с китайского языка на русский на основе системного анализа ошибок лексико-семантической парадигматики в настоящей статье решаются **следующие задачи:**

- 1) с помощью метода анализа ошибок идентифицировать и проанализировать характер ошибок лексико-семантической парадигматики при переводе знаков в общественных местах на русский язык;
- 2) путем сопоставительного анализа систематизировать и классифицировать выявленные ошибки;
- 3) посредством качественного анализа выявить причины возникновения ошибок семантической парадигматики.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка комплексного изучения ошибок в лексико-семантической парадигматике при переводе китайскоязычных общественных знаков на русский язык. В работе описаны основные типы ошибок лексико-семантической парадигматики и предложены адекватные варианты перевода. Актуальность данного исследования обусловлена неизменным интересом современных лингвистов к общественным знакам, их написанию, функционированию и стратегиям перевода, а также необходимостью изучения ошибок в русских переводах общественных знаков. Такого рода исследования не только позволяют

стандартизировать русские переводы, но и помогают более точно передать информацию, что способствует более эффективному функционированию общественных знаков.

Теоретической базой исследования послужили работы китайских и российских ученых, посвященные изучению общественных знаков в китайском и русском языках [Лю Лифэнь, 2023; Лю Лифэнь, Ли Минь, 2023], а также исследованию в области парадигматики [徐盛桓, 1983; Лекант, 2007; Харитончик, 1992; Пуштошило, 2011] и анализу семантического поля [Лысякова, 2005; 吴振国, 2000]. **Практическая значимость** исследования заключается в возможности использования результатов и материалов исследования в вузах гуманитарного направления при разработке спецкурсов по теории перевода и сравнительному анализу функциональной стилистики. Полученные данные также могут найти применение в учебно-методической деятельности при создании учебников и учебных пособий.

Материалы исследования представляют собой 3115 оригинальных фотографий, сделанных первым автором в ходе полевых исследований, проведенных с 2014 по 2019 годы в городах Китая и России, таких как Санья, Маньчжурия, Хэйхэ и др., а также Москва и Санкт-Петербург.

ПАРАДИГМАТИКА И СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ: ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Парадигматика – это тип нелинейного отношения между языковыми единицами, которые могут находиться в одном и том же положении и выполнять одни и те же функции в языковой системе. «Парадигмы слов организуются на основе общих (интегральных) семантических признаков и различаются семантическими дифференциальными признаками» [Лекант и др., 2007, с. 22–23].

Понятие «семантическое поле» приобрело наибольшее распространение «после выхода работы немецкого ученого Г. Ипсена *Der alte Orient und die Indogermanen*, где оно определялось как совокупность слов, обладающих общим значением» [Лысякова, 2005, с. 5]. Китайский ученый У Чжэнго рассматривает семантическое поле как «систематизированную сеть семантических парадигматических отношений, переплетенных по вертикали и

горизонтали» [吴振国, 2000, с. 29]. В связи с этим семантические парадигмы, образованные лексическими единицами, делятся на вертикальную и горизонтальную. Вертикальная парадигма подразделяется на два основных подтипа: отношение «часть – целое» и гипонимия. В отношении «часть – целое» целое – это элемент, который перестает существовать при отсутствии любой из своих частей; часть – это элемент, который не может существовать без целого. Гипонимия – это одно из основных парадигматических отношений в семантическом поле, при котором слова (т. е. гипонимы), обозначающие вид, семантически подчиняются словам (т. е. гиперонимам), соответственно обозначающим род. Горизонтальная парадигма делится на три подтипа: синонимия, антонимия и согипонимия. Синонимия – тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений; антонимия – тип семантических отношений лексических единиц, выражающих противоположные понятия; согипонимия – это тип семантических отношений, который устанавливается между гипонимами одного гиперонима. «Такие гипонимы называются согипонимами или эквонимами, различаются выделенными в их значениях дифференциальными признаками при наличии какой-то общей семантической части» [Харитончик, 1992, с. 87]. Например, в ряду наименований цветов слова *тюльпан, роза, фиалка* и др. эквонимичны друг другу. Китайский ученый Сюй Шэнхуань утверждает, что парадигматические отношения носят типологический и взаимозаменяемый характер [徐盛桓, 1983, с. 14–15].

Таким образом, на основе разных парадигматических отношений между лексическими единицами формируются разные семантические поля. Однако при конкретном употреблении лексических единиц поля часто проявляется неправильная семантическая парадигматика как в одном семантическом поле, так и в разных семантических полях. В исследованных нами русских переводах китайскоязычных общественных знаков в основном присутствуют четыре типа ошибок семантической парадигматики: проблема различения омонимов; ошибка в выборе синонимов; некорректное употребление однокоренных слов; смешение гиперонимов и гипонимов.

ПРОБЛЕМА РАЗЛИЧЕНИЯ ОМОНИМОВ

По мнению А. И. Головни, омонимия – это «семантическое отношение не связанных по значению слов, совпадающих по своему написанию и произношению» [Головня, 2007, с. 13]. При переводе китайскоязычных общественных знаков на русский часто возникает проблема различения омонимичных слов,

т. е. неправильная интерпретация омонимичных выражений. Например, на рисунке 1 слово «выход» ошибочно переведено как «экспорт». Это связано с тем, что «выход» и «экспорт» в китайском языке имеют одинаковое звучание и написание (чу коу 出口), т. е. при одинаковой материальной форме эти слова обладают значениями, независимыми друг от друга. Данная омонимическая интерференция при переводе общественных знаков на русский язык может быть вызвана недостаточным уровнем владения русским языком у переводчика и неспособностью правильно интерпретировать различие между двумя словами.

Аналогично, на рисунке 2 в русском переводе общественного знака 鸿发粮油鲜蛋经销部 выявлены грамматическая (буквальное сочетание двух имен существительных «нефть» и «магазин») и прагматическая ошибки (перевод не соответствует принятым образцам русскоязычных общественных знаков. «Русские вывески часто приводят не название «Магазин», а название продаваемых товаров» [Лю Лифэнь, Ли Минь, 2023, с. 212]). Кроме того, главной ошибкой в данном примере является смешение единиц «масло» и «нефть». В китайском языке единицы «масло» и «нефть» являются омонимами в определенных контекстах, для обоих слов применим китайский перевод «ю». Однако в китайском общественном знаке 鸿发粮油鲜蛋经销部 слово 油 (ю) означает «масло» (食用油 *ши юн ю*), а не «нефть» (石油 *ши ю*). Эта ошибка сильно затрудняет понимание данного информационного знака, поэтому с учетом правил и стандартов русскоязычных общественных знаков, более уместным вариантом перевода является «РИС МАСЛО ЯЙЦО».

Рис. 1. 景区出口

Рис. 2. 鸿发粮油鲜蛋经销部

ОШИБКИ В ВЫБОРЕ СИНОНИМОВ

Синонимы – это лексические единицы, имеющие одинаковые или близкие значения, но отличающиеся по форме и звучанию. По степени эквивалентности синонимы делятся на полные (абсолютные) и частичные (относительные). Первые, полностью совпадающие по значению и характерной сочетаемости,

встречаются очень редко, «наибольшее количество таких единиц приходится на долю научной терминологии» [Пуштошило, 2011, с. 92]. Вторые частично идентичны по смыслу и употреблению. При неверной замене слова на частичный аналог смысл предложения, в котором слово находится, может измениться и привести к неправильной интерпретации.

Например, на рисунке 3 общественный знак 小洞天, расположенный в городе Санья провинции Хайнань, переводится как «Маленький Тун Тянь». Слово *маленький* чаще всего применяется к небольшим по размеру и количеству объектам. Однако 小洞天 – это довольно большое помещение, но оно меньше по размеру, чем так называемый 大洞天 (*Большой Тун Тянь*). Поэтому более подходящим вариантом перевода является синонимом к слову *маленький* – *малый*, применяемый к довольно большим объектам, но меньшим по размеру, чем другие.

В примере, приведенном на рисунке 4, лексическая единица 柱石 ошибочно переведена как *опора*. Слово *опора* имеет два основных значения: «место, на котором можно что-то укрепить» и «предмет, служащий для поддержки чего-либо». Кроме того, *опора* может использоваться в переносном значении (т. е. сила, на которую можно опереться). В китайской легенде 南天一柱 означает «колонну, поддерживающую небо». В современном китайском языке этот фразеологизм используется для описания человека, занимающего важное положение, или для описания предмета, играющего большую роль в определенной области. Из этого следует, что более правильным переводом будет слово *колонна*.

Рис. 3. 小洞天

Рис. 4. 南天一柱

НЕКОРРЕКТНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ

Однокоренные слова – это слова, имеющие общий корень и образующиеся путем присоединения приставок и суффиксов. В русском переводе китайскоязычных общественных знаков нередко встречаются ошибки в выборе однокоренных слов. В качестве примера приведен рисунок 5, где общественный

знак 请勿翻越 переведен как «не лезут перила». Глагол *лезть* (爬) в данном контексте не подходит, правильным переводом является «перелезть» (翻越). Несмотря на то что глаголы «лезть» и «перелезть» являются однокоренными, они имеют разные значения. Поскольку 请勿翻越 – это запрещающий общественный знак, следует использовать формулу «нельзя / запрещается / запрещено + инфинитив» или «не + инфинитив (НСВ)». Предлагаемый вариант перевода: «Запрещается / Запрещено перелезть через перила» или «Не перелезть через перила».

На рисунке 6 общественный знак 名鸽烤吧 переведен как «жаркое гопубь». В данном переводе допущены орфографическая ошибка (употреблена буква «п» вместо «л» в слове *голубь*) и грамматическая ошибка (неправильное согласование прилагательного *жаркое* с существительным *голубь*). Помимо перечисленных выше ошибок в этом примере наблюдается неправильный выбор однокоренного слова: прилагательное *жаркий* (*жаркий климат, жаркий день*) не подходит в данном случае, нужно использовать слово *жареный*, поэтому правильным вариантом перевода является «Жареный голубь». Аналогичная ситуация представлена на рисунке 7, где лексическая единица 男装 переводится как «муж магазин». В этом переводе встречается несколько ошибок: употребление слова *муж* вместо *мужчина*, имя существительное должно сочетаться с родительным падежом другого существительного для обозначения принадлежности другому предмету или лицу, кроме того, в русском переводе опущена ключевая единица *одежда* (装 / 衣服). В связи с этим вариант перевода «Мужская одежда» или «Магазин мужской одежды» считается оптимальным.

Рис. 5. 请勿翻越

Рис. 6. 名鸽烤吧

Рис. 7. 鳄鱼恤

СМЕШЕНИЕ ГИПЕРОНИМОВ И ГИПОНИМОВ

По мнению Т. И. Янгайкиной, гипонимия – это «иерархическая организация элементов семантического поля, основанная на родо-видовых отношениях, представляющая собой включение семантически однородных единиц в соответствующие классы наименований» [Янгайкина, 2007, с. 253]. Слова, соответствующие видовым понятиям, выступают как гипонимы по отношению к слову, соотносящемуся с родовым понятием – гиперониму.

В русском переводе китайскоязычных общественных знаков часто встречаются ошибки, связанные с гипонимией и гиперонимией, т. е. употребление гипонимов вместо гиперонимов или наоборот. Например, на рисунке 8, где обнаружено несколько орфографических ошибок (слово *сувенирный* написано как «сувернирий», буква «з» написана как «э» в слове *магазин*, и вместо буквы «и» использована английская буква «N»), общественный знак 时尚文具 переведен как «сувернирий магаэNн» (礼品店). В данном случае слово *канцелярский* (办公用的) переведено как «сувенирный» (纪念品的). Нетрудно заметить, что *сувенирный* оказывается гиперонимом по отношению к слову *канцелярский*, исходно наделенному более узким значением. Представленный перевод «сувернирий магаэNн» имеет слишком широкий семантический диапазон. Для уточнения информации в вывеске магазина мы ссылаемся на образцы русскоязычных общественных знаков, собранные автором в России (см. рис. 9 и рис. 10). Варианты перевода «ОФИСМАГ», «Для офиса и школы» или «Товары для офиса и учебы» считаются наиболее адекватными.

Рис. 8. 时尚文具

Рис. 9. ОФИСМАГ

Рис. 10. Товары для офиса и школы

В некоторых случаях наблюдается слишком узкий семантический диапазон в переводах, когда гипонимы используются вместо гиперонимов (см. рис. 11 и рис. 12). На рисунке 11 общественный знак 新视明眼镜 переведен как *Очки «Синь Ши Мин»*. Очки (眼镜) – это оптический прибор,

предназначенный для коррекции зрения или для защиты глаз от вредного воздействия. «Оптика» или «Салон оптики» (眼镜店) – это место, где можно получить профессиональную помощь в выборе очков и линз, а также найти модные аксессуары для зрения. Слово «очки» выступает как гипоним по отношению к слову «оптика», исходно наделенному более широким значением. Ввиду этого, гипероним «оптика» больше соответствует информации, содержащейся в китайскоязычной вывеске магазина. Аналогично на рисунке 12 общественный знак 5楼新亚灯饰 переведен как «Люстра 5 этаже». В данном переводе пропущен предлог «на», выражающий пространственное значение. Кроме того, 灯饰 (т. е. приборы, служащие для освещения) переводится как *люстра* (подвесной потолочный светильник). Лексическая единица *люстра* определяет только один тип ламп и обозначает более узкое, видовое понятие. В этом случае гипероним *лампы*, имеющий более обобщенное родовое значение в лексико-семантической системе, является более подходящим вариантом перевода.

Рис. 11. 新视明眼镜

Рис. 12. 5楼新亚灯饰

Рис. 13. 帅清池洗浴

В китайскоязычных общественных знаках также встречаются ошибки, связанные с неправильным употреблением лексических единиц, находящихся в одном семантическом поле. Как показано на рисунке 13, общественный знак 帅清池洗浴 – это место (помещение), оборудованное для мытья человека, но он переведен как «ванна» – емкость (резервуар) для мытья или купания, поэтому в данном случае следует исправить слово «ванна» на «баня». Хотя «ванна» и «баня» принадлежат к одному лексико-семантическому полю, они имеют совершенно разные значения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, некорректный перевод содержания общественных знаков мешает их пониманию и восприятию, задерживает передачу информации и выполнение их функций.

С точки зрения лексико-семантической парадигматики при переводе китайскоязычных общественных знаков на русский язык наиболее часто встречаются следующие четыре типа ошибок:

- 1) проблема различения омонимов, т. е. возникновение омонимической интерференции;
- 2) ошибки в выборе синонимов: замена слова на частичный аналог по смыслу и употреблению;
- 3) некорректное употребление однокоренных слов, т.е. использование лексических

единиц с одинаковым смысловым корнем, но отличающихся приставками и суффиксами;

- 4) смешение гиперонимов и гипонимов: необоснованное использование гипонимов вместо гиперонимов или, наоборот, в рамках родо-видовых отношений.

Таким образом, для качественного перевода китайскоязычных общественных знаков требуется не только достаточное знание русского языка, но и развитые навыки смыслового и лингвистического анализа текста, а также владение стратегиями и методами перевода.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в возможности изучения ошибок лексико-семантической синтагматики при переводе китайскоязычных общественных знаков в рамках дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лю Лифэнь. 公示语 (общественные знаки) и 语言景观 (языковой ландшафт): лингвистические термины и стоящие за ними понятия // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2023. Вып. 3. С. 588–602.
2. ЛюЛифэнь, Ли Минь. Анализ ошибок в порядке слов при переводе знаков для общественных мест в Китае на русский язык // Политическая лингвистика. 2023. Вып. 4. С. 208–216.
3. 徐盛桓 (1983). 聚合和组合[J]. 外语教学. №10: 12-21 = Xu Sheng huan. (1983). Paradigmatics and syntagmatics. Teaching foreign languages. 1983. № 10. P. 12–21. (In Chinese)
4. Лекант П. А. [и др.] Современный русский язык / П. А. Леканта, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков. М.: Дрофа, 2007.
5. Харитончик З. А. Лексикология английского языка. Минск: Вышэйшая школа, 1992.
6. Пуштошило Е. П. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учебно-методический комплекс по русскому языку для студентов педагогических специальностей. Гродно: ГрГУ, 2011.
7. Лысякова М. В. Лексико-семантические парадигмы: лингвистический статус, критерии разграничения // Вестник РУДН. Лингвистика. 2005. Вып. 7. С. 5–17.
8. 吴振国. 模糊语义的聚合[J]. 语言研究. 2000. №4: 29–35 = У Чжэнго. Парадигматика семантической нечеткости // Языковое исследование. 2000. Вып. 4. С. 29–35.
9. Головня А. И. Омонимия как системная категория языка. Минск: БГУ, 2007.
10. Янгайкина Т. И. Гипонимические (родо-видовые) отношения между лексическими единицами в мокшанском литературном языке // Вестник Чувашского университета. 2007. Вып. 1. С. 251–258.

REFERENCES

1. Liu Lifen (2023). 公示语 (social signs) and 语言景观 (linguistic landscape): linguistic terms and the concepts behind them. Vestnik of St. Petersburg State University. Oriental and African studies, 3, 588–602. (In Russ.)
2. Liu Lifen, Li Min. (2023). Analysis of errors in the order of words when translating signs for public places in China into Russian. Political Linguistics, 4, 208–216. (In Russ.)
3. 徐盛桓 (1983). 聚合和组合[J]. 外语教学. №10: 12–21 = Xu Sheng huan. (1983). Paradigmatics and syntagmatics. Teaching foreign languages, 10, 12–21. (In Chinese)
4. Lekant, P. A. et al. (2007). Modern Russian language / P. A. Le can ta, E. I. Dibrova, L. L. Kasatkin, E. V. Klobukov. Moscow: Drofa. (In Russ.)
5. Kharitonchik, Z. A. (1992). Lexicology of the English language. Minsk: Higher School. (In Russ.)
6. Pustoshilo, E. P. (2011). Lexicology. phraseology. Lexicography: an educational and methodological complex in the Russian language for students of pedagogical specialties. Grodno: Grodno State University.

7. Lysyakova, M. V. (2005). Lexico-semantic paradigms: linguistic status, criteria of differentiation. Vestnic of People s' Friendship University of Russia. Linguistics, 7, 5-17. (In Russ.)
8. 吴振国 (2000). 模糊语义的聚合 [J]. 语言研究. №4: 29–35 = Wu Zhenguo. (2000). Paradigmatics of fuzzy semantics. Language studies, 4, 29–35. (In Chinese)
9. Golovnya, A. I. (2007). Homonymy as a system category of language. Minsk: Belarusian State University. (In Russ.)
10. Yangaikina, T. I. (2007). Hyponymic (genus-species) relations between lexical units in the Moksha literary language. Vestnic of Chuvash University, 1, 251–258.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лю Лифэнь

доктор филологических наук

профессор Исследовательского центра переводоведения и Института европейских языков и культур

Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли

Ван Лина

кандидат филологических наук

старший преподаватель Института иностранных языков

Шаньдунского педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Liu Lifen

Doctor of philology

Professor at the Translation Studies Research Center and the Institute of European Languages and Cultures

of Guangdong University of Foreign Languages and International Trade

Wang Lina

PhD in philology

Senior Lecturer at the Institute of Foreign Languages

of Shandong Normal University

Статья поступила в редакцию	28.09.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	16.10.2024	
принята к публикации	21.10.2024	

Особенности авторского описания Первого крестового похода (на материале хроники Жилона Парижского XII века)

А. О. Манухина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
amanuhina@mail.ru*

Аннотация. В настоящей статье выявляется специфика авторского описания Первого крестового похода на материале сочинения Жилона Парижского XII века, написанного на средневековой латыни. Рассматриваются особенности изложения событий и оценочные характеристики персонажей. Цель исследования состоит в выявлении и описании оценочных конструкций, отразивших, с одной стороны, своеобразие авторского личного осмысления реальности, с другой – устоявшиеся этические и эстетические каноны западноевропейского рыцарства эпохи Крестовых походов. На основе проведенного анализа воссоздана специфика авторского повествования, в котором реальный современный рассказчику мир переплетен с элементами вымышленного мира Античности.

Ключевые слова: диахронические исследования, оценочные конструкции, античные реминисценции, нравственные стереотипы рыцарства, латинские письменные памятники Крестовых походов

Для цитирования: Особенности авторского описания Первого крестового похода (на материале хроники Жилона Парижского XII века) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 83–89.

Original article

Features of the Author's Description The First Crusade (based on the Chronicle of Gilo Parisiensis of the 12th century)

Alla O. Manuhina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
amanuhina@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the specifics of the author's description of the First Crusade based on the material of the work of Gilon of Paris of the XII century, written in medieval Latin. The features of the presentation of events and the evaluative characteristics of the characters are considered. The purpose of the study is to identify and describe evaluative constructions that reflect, on the one hand, the originality of the author's personal understanding of reality, on the other, the well-established ethical and aesthetic canons of Western European chivalry of the Crusade era. Based on the analysis, the specifics of the author's narrative are described, in which the real modern world of the narrator is intertwined with elements of the fictional world of Antiquity.

Keywords: diachronic studies, evaluative constructions, ancient reminiscences, moral stereotypes of chivalry, Latin written monuments of the Crusades

For citation: Manuhina, A. O. (2024). Features of the author's description The first crusade (based on the chronicle of Gilo Parisiensis of the 12th century). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 83–89. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Письменные свидетельства Первого крестового похода (1096–1099) как историческое наследие, прошедшее через века до наших дней, запечатлели культурные традиции его участников и современников, ценностное восприятие окружающего мира, что выразилось в конкретных языковых формах.

В последнее время лингвисты, культурологи, историки и литературоведы интенсивно проводят диахронические исследования на материале текстов отдаленной эпохи, что определяет актуальность заявленной темы исследования. Материалом статьи является аутентичный письменный памятник XII века «*Historia gestorum viae nostri temporis Ierosolimitana*», который привлекается впервые для лингвистического анализа. Произведение дошло до нас в шести незначительно отличающихся друг от друга манускриптах, каждый из которых имеет свой подзаголовок. В нашей работе используется факсимильное издание документа, опубликованного в многотомном сборнике «*Recueil des historiens des croisades*». «*Historia gestorum*» – латинская эпическая стихотворная история Первого крестового похода. Описываемые в ней события охватывают период от осады Никеи в 1097 году до взятия Иерусалима в 1099 году. По своему жанру поэма является рифмованной поэтической хроникой, описывающей реальные исторические события, написанной частично рифмованным гексаметром (*en hexamètres rimés*), частично леонинским стихом (*en vers léonins*) [Recueil ... 1895].

Для реализации поставленной цели в рамках статьи решаются следующие задачи:

- провести анализ содержания «*Historia gestorum*» и его художественных особенностей, свойственных периоду Средневековья;
- выявить компоненты оценочной структуры изучаемого произведения с учетом специфики жанра и культурных канонов эпохи Крестовых походов;
- описать специфику оценочной структуры хроники через исследование авторской оценки.

Для реализации указанных задач в работе используются следующие методы: метод наблюдения, лингвистическое описание на фоне внешней истории с учетом культурных реалий эпохи, контекстуальный анализ.

Научная новизна работы состоит в том, что:

- впервые дается лингвистическое описание средневековой латинской хроники XII века «*Historia gestorum*»;
- впервые осуществляется изучение ее содержательной структуры, лингвистических и художественных особенностей;

- выявляется механизм оценивания в тексте с учетом этических канонов эпохи Крестовых походов и специфики авторского осмысления окружающей действительности.

Практическая ценность статьи заключается в том, что данные, полученные в результате исследования, могут быть использованы на теоретических курсах и семинарах по истории французского языка, а также при написании дипломных и курсовых работ.

АВТОР КАК СУБЪЕКТ ОЦЕНКИ

Авторское восприятие действительности вербализовано в оценочном компоненте в тексте сочинения, в отношении текста к «внетекстовой реальности, литературным нормам, традициям, ценностным представлениям» [Игнатъева, 2001, с. 27]. Важнейшим компонентом сложной оценочной структуры является автор как субъект оценки.

Считается, что сочинение было написано около 1110 года [Флори, 2013, с. 143]. Авторство Жилона (*лат. Gilo Parisiensis* или *фр. Gilon de Paris*), кардинала Парижского (1080–1142), французского политика, высокопоставленного сановника и ученого поэта, не подлежит сомнению: Жилон как автор фигурирует в подзаголовках сочинения, выявленных в нескольких манускриптах хроники [Recueil ... 1895, с. 55]: «*Ad historiam gestorum viae nostri temporis Hierosolymitanae, auctore Gilone Parisiensi*» («К истории деяний Иерусалимского пути нашего времени, автора Жилона Парижского») и «*Historia Gilonis cardinalis de via Hierosolymitana*» («История кардинала Жилона о Иерусалимском пути»). Также он о себе открыто заявляет в финале книги как об авторе произведения:

Haec ego composui, Gilo nomine Parisiensis Incola, Tuciaci non inficiendus alumnus [Recueil ... 1895, с. 143]. – Я это сочинил, по имени Жилон, Житель Парижа, несомненный уроженец Тузи.

В конце сочинения (стереотипном средневековом *explicit*) Жилон также свидетельствует о своем авторстве текста:

Explicit historia Iherosolimitana, edita a domno Gylone, Tysculanensi episcopo [Recueil...1895, с. 143]. – Закончена история Иерусалимская, созданная господином Жилоном, епископом Тускулума.

Манера вести повествование от третьего лица, типичная для средневекового произведения форма обозначения авторского «Я», имела целью создать ощущение отстраненности и значит,

объективности при описании событий. Интересно, что в данном фрагменте Жилон именуется себя *domnus* (искаженное *lat. dominus* – «господин»). Средневековый титул, применяемый только к высшим церковным должностным лицам (*de hauts dignitaires ecclésiastiques*) [Recueil ... 1895, с. 60], свидетельствует о его знатности и высоком уровне образования.

РЫЦАРИ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА В АВТОРСКОМ ВОСПРИЯТИИ

Главный объект описания и авторской оценки в хронике – рыцари, участники Первого крестового похода, на что указывает подзаголовок в одной из рукописей произведения: «Textus gestorum memorandus Christicolarum» («Памятный текст деяний христиан», где под христианами подразумеваются *milites Christi*, то есть крестоносцы). Жилон Парижский не был личным свидетелем событий Первого крестового похода. Книга «Historia gestorum» компиляция рассказов старших современников и более ранних хронистов (Роберта Монаха, Раймунда Ажильского, Фульхерия Шартрского, анонимного *Gestae Francorum*), возможно, Жилон имел доступ к рассказам очевидцев похода [Recueil ... 1895, с. 144].

«Historia gestorum» была написана спустя десятилетие после описанных в ней событий, на что указывает обращение автора к участникам Первого крестового похода как *patres* (букв. 'отцы'), и призыв к рыцарям – своим современникам следовать примеру отцов:

Bene gesta patrum reminiscens aemula virtus Evolet ad similes per flammam pectoris actus [Recueil ... 1895, с. 697]. – Пусть равная доблесть, помнящая деяния отцов, достойно проходит сквозь огонь груди для подобных свершений.

Оба поколения рыцарей охарактеризованы оценочным выражением *aemula virtus* (равная доблесть), содержащим положительную этическую оценку ратных качеств воина. Авторская субъективная позиция по отношению к рыцарям вербализована выражениями *gesta patrum* (деяния отцов), *flammam pectoris* (огонь груди), *similes actus* (подобные свершения), содержащими эмоциональную оценку.

Сравнение двух поколений рыцарей присутствует и в следующих строках:

Inclyta gesta Ducum perscribere magnanimorum Fert animus, patrum qui fortia facta suorum Non solum magnis successibus aequiparare Sed maiore fide certarunt exsuperare [Recueil ... 1895, с. 697]. – Дух

влечет описать славные подвиги благородных полководцев, кто великими успехами не только стремился равняться на храбрые деяния своих отцов, но и большей верой их превзойти.

Положительная эмоциональная оценка, адресованная крестоносцам, здесь выражена эпитетом *magnanimus* (благородный, великодушный, мужественный, храбрый) в словосочетании *ducis magnanimi* (благородные полководцы). Положительная оценка, отнесенная к их поступкам, передана посредством выражений, содержащих отчетливые этические коннотации: *inclyta gesta* (славные подвиги), *magni successes* (великие успехи), *fortia facta* (храбрые деяния) и *maior fides* (большая вера). Употребление возвышенной лексики и эмоциональная выразительность – повествовательные приемы, привычные скорее для жанра *Chanson de geste*, нежели для документальных свидетельств Крестовых походов, в совокупности обусловлены влиянием этических и эстетических канонов Средневековья: «...это сходство объясняется именно тем, что о битвах писали так, “как положено”, используя определенный канон и при отборе лексики, и при построении фразы» [Челышева, 2006, с. 62], при этом определенные стереотипы «приложимы и к текстам на романских языках, и к текстам на средневековой латыни» [Челышева, 2006, с. 54].

Примечательно, что употребление в анализируемом отрывке выражения *fert animus* (дух влечет), представляет собой часть строки из «Метаморфоз» Овидия, что можно рассматривать как скрытое цитирование.

Подобные приемы неоднократно повторяются в тексте хроники:

Inque suis Francis antiqua resurgere Troja. Coepit et edomuit Christo contraria regna [Recueil...1895, с. 715]. – И среди своих Франков древняя воскреснет Троя. Он захватил и подчинил Христу враждебные царства.

Рассмотренный фрагмент содержит аллюзию на слова из «Энеиды» Вергилия: «Illic fas regna resurgere Trojae» (I, 204) – «Там предначертано вновь воскреснуть Троянскому царству». Однако в данном контексте перефразированная цитата римского классического автора приобретает новое оценочное содержание в свете средневекового католического вероучения: завоевание крестоносцами Востока и его христианизация (*edomuit Christo – подчинил Христу*) уподобляется возрождению великой античной цивилизации, и французы – соотечественники автора (названные в тексте *Franci*) непосредственно участвуют в этом преображении.

Очевидно, ученый-эрудит Жилон Парижский рассчитывал на адекватное прочтение строк *fert animus* и *resurgere Troja* современниками: хроника адресована образованной элите, способной понять отсылки к Античности. Однако в контексте событий Крестовых походов античные реминисценции приобретают новое звучание: средневековое рыцарство уподобляется персонажам римской легендарной истории, что служит средством его восхваления и частью типичного для Средневековья процесса «его поэтизации, героизации и даже мифологизации» [Гуревич, 2005, с. 144].

Соединение античных традиций и христианских ценностей, типичное для Средневековья, определяют основание оценочного описания рыцарства и Первого крестового похода. Так, при изложении событий взятия Иерусалима автор говорит о Боге как о реальном персонаже, участвующем в сражении на стороне крестоносцев:

Dux ducis exsequitur curam fortisque laborem, Multis hortatur pugnant. Pugnat et ipse, Pugnat pro duplici regno, quia quaerit utramque Iherusalem, decertat in hac ut vivat in illa [Recueil...1985, с. 705]. – Храбрый Вождь вождей исполняет заботу и труд. Многим он побуждает сражающихся. Сражается и сам, Сражается за двойное царство, так как стремится и к этому, и к тому Иерусалиму, сражается в этом, чтобы жить в том.

Бог именуется здесь *Dux ducis* (вождь вождей), что отражает распространенное обращение к Иисусу Христу, взятое из Нового Завета. В этом отрывке сочетаются средневековое провиденциалистское понимание истории и личная оценочная позиция автора: с одной стороны, Всевышний творит историю, непосредственно направляя ход событий, с другой – Иисус Христос описан как реальный человек. Автор делает акцент на физическом присутствии Бога как простого рыцаря во время боя: *multis hortatur pugnant* (многим он побуждает сражающихся), *pugnat et ipse* (сражается и сам). Осознание присутствия Иисуса должно было подчеркнуть особую важность происходящих событий.

Упоминание о «двойном царстве» (*pugnat pro duplici regno*), «том и этом Иерусалиме» (*quaerit utramque Iherusalem*) также содержит отсылку к символическому восприятию Иерусалима в культуре Средневековья: Иерусалим – Град земной и Небесный, воспроизводит идеализированный, сложившийся благодаря многочисленным паломникам образ, имеющий особую духовную ценность для западноевропейских христиан.

Таким образом, описание штурма Иерусалима, состоявшегося в 1099 году, постепенно утрачивает

связь с реальными событиями и воспринимается читателем как мистическое религиозное действие, «превращаясь во вдохновляющую идею, миф» [Кардини, 2007, с. 97], в котором сами крестоносцы становятся посланниками Бога, воплощающими волю Всевышнего.

СПЕЦИФИКА ОПИСАНИЯ ГОТФРИДА БУЛЬОНСКОГО КАК ПРЕДВОДИТЕЛЯ ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Готфрид Бульонский (1060–1100), именуемый в тексте *dux Godefridus* (букв.: ‘предводитель Готфрид’ или ‘герцог Готфрид’, в зависимости от контекста), занимает важнейшее место в хронике. Авторский выбор центрального персонажа, очевидно, обусловлен тем, что Готфрид – уроженец Франции (графства Булонь), а именно французам отведена особая роль в повествовании. Предводитель Первого Крестового похода, Готфрид участвовал в штурме Иерусалима вместе с другими знатными рыцарями и после взятия Святого Града возглавил Иерусалимское королевство.

В начале произведения, объясняя свой выбор объекта описания, Жилон Парижский сравнивает рыцаря Готфрида с персонажами греческих мифов и легендарной истории римлян:

Nec Turno dedimus carmen, nec carmen Achilli, Sed juveni carmina plura dedi [Recueil...1895, с. 708]. – Ни Турну мы отдали песню, ни песню Ахиллу, Но я отдал многие песни юноше.

В данном отрывке положительная оценка имплицитна. Примечательно, что Готфриду во время Первого крестового похода было около 40 лет. Однако рассказчик, не упоминая имени, называет его *juvenis* («юноша»). Намеренное сравнение главного героя с юношей и тем самым его уподобление героям Античности является средством поэтизации и героизации персонажа. Ставя Готфрида в один ряд с Турном (царевичем Лацума, соперником Энея) и Ахиллом, автор выражает ему свое восхищение.

Жилон Парижский оценивает воинскую доблесть Готфрида:

Magnus at ille ducum Godefridus liber ad arma Evolat, et patriam moto ense salutatur [Recueil...1895, с. 792]. – И этот величайший из вождей благородный Готфрид к оружию подлетает, и приветствует родину взмахом меча.

Положительная этическая оценка вербализована эпитетом *liber* (благородный), элативной

конструкцией *magnus ducum* (величайший из вождей) и метафорой *ad arma evolat* (к оружию подлетает), которые создают образ отважного воина.

Готфрид упоминается также и среди других рыцарей, проявивших отвагу при осаде Иерусалима:

Stans comes Eustachius in castro cum Godefrido. Susceptos ictus reddit cum foenere duro [Recueil...1895, с. 705]. – Стоящий в лагере граф Эсташ с Готфридом. Полученные удары отдавал с жестоким процентом

Высказывание *susceptos ictus reddit cum foenere duro* (полученные удары отдавал с жестоким процентом) подразумевает оценку автора: восхищение рыцарями и презрение к врагу.

Умение и опыт, наряду с храбростью, были важнейшими рыцарскими добродетелями. В хронике описано инженерное мастерство Готфрида в военном деле:

Construitur studio Godefridi machina, formam Castelli retinens, multoque labore reperta [Recueil...1895, с. 701]. – Построена стараниями Готфрида машина, имеющая форму замка и созданная с большим трудом.

Автор подчеркивает трудность задачи (*multoque labore reperta*) при сооружении осадной башни, что усиливает авторскую оценку.

Битва за Иерусалим происходит летом 1099 года, и природа служит фоном для описания действий крестоносцев:

Junius ardebat, et sol ardebat in armis, Quando suis texere duces loca congruis castris. Solis ab occasu tendit Godefridus in hostem. – Пылал июнь, и солнце пылало на оружии, Когда вожди покрыли своими лагерями соответствующие места. На закате направился Готфрид на врага. На закате Танкред устрасал город. Solis ab occasu terret Tancretius urbem [Recueil...1895, с. 701]

Напряженность перед битвой передана метафорой (*sol ardebat in armis*). Рассказчик подчеркивает суровые условия (*junius ardebat – пылал июнь*) и в данном контексте описание природы приобретает символическое значение: сравнение предстоящего сражения с жарой июня (*junius ardebat*) можно рассматривать как интенсификатор авторской оценки.

Жилон Парижский описывает не только Готфрида – воина, но и Готфрида – властителя, так как он стал править в Иерусалиме с 1099 года, приняв титул «защитника Гроба Господня»:

Divino tandem nutu Procerum salubri. Consilio regimen sortitur dux Godefridus, Octava qui regna die suscepit ab urbe Capta. Vir regno dignus cum rege beato Vivat in octava [Recueil...1895, с. 800]. – Однако волей Господа по спасительному совету предводителей. Правление получил по жребию герцог Готфрид, Который принял царство на восьмой день от завоевания города. Да здравствует в восьмой день муж достойный царства с благословенным царем.

В рассказе создается образ «воителя за веру»: автор высказывает свой восторг избранному главе Иерусалима эмоционально-оценочной лексикой *Vivat vir regno dignus* (Да здравствует муж достойный царства) и называет его *rex beatus* (благословенный царь). При этом авторское «Я» открыто не проявляется – употреблено выражение *regimen sortitur* (царство получил по жребию) и указано, что все действия соответствуют воле Всевышнего (*Divino nutu*).

Все приведенные выше примеры описания Готфрида Бульонского показывают, что в повествовании представлен не столько конкретный человек, сколько иллюстрация идеального рыцаря и короля с соответствующим набором качеств физических и моральных: он воплощает юность и силу, неустрасимость в бою, воинское умение, способность терпеть лишения и быть достойным правителем. Идеализация исторических личностей была свойственна различным жанрам средневековых памятников и, видимо, продиктована пожеланиями читательской аудитории, «которая нуждалась в чтении дидактически – развлекательного характера» и ожидала увидеть «не историческое повествование, о обобщенно – сказочное» [Школьникова, 2008, с. 252].

СПЕЦИФИКА ОЦЕНОЧНОГО ОПИСАНИЯ СОБЫТИЙ ПОХОДА

Реальные исторические события, изложенные в хронике, также преподносятся через призму авторского осмысления:

Postquam Dux rapidum Godefridus transiit Istrum Disposuitque suas turmas per aperta viarum Noricos fines jam praetervectus abibat Pannonias versus iter indefessus agebat [Recueil...1895, с. 790]. – После того, как герцог Готфрид перешел быстрый Истр, И расположил свои конные отряды по обочинам дорог Уже проехав мимо норикских границ, он ушел и держал путь, не зная усталости, по направлению к Панонии.

Здесь автор сознательно использует военные термины и географические названия, относящиеся к эпохе Римской империи: *turma* (римский конный отряд в 30–35 человек), *Noricus fines* (границы Нориков, от обозначения древней провинции эпохи Римской империи Норик), *Pannonia* (Паннония, название части Римской империи, находившейся между Нориком, Дакией и Иллирией), т. е. события Первого крестового похода по воле автора происходят среди реалий времен Римской империи.

Partem, quam mundus vocat occasum, Boemundus Occupat, et contra muros statuit sua castra ; Ille tuae forti datus est, Godefride, cohorti [Recueil ... 1895, с. 792]. – Часть, которую мир называет западом, занял Бозмунд, и напротив стан выставил свой лагерь; Он был передан твоей сильной, Готфрид, когорте.

Ecce nihil timidus comes Hudo, dux Godefridus, Hortati fortem precibus cohortem, Cursu certabant, sociosque juvare parabant [Recueil ... 1895, с. 731]. – И вот ничего не боящийся граф Гуго, герцог Готфрид Побуждали мольбами сильную когорту В беге состязались, и готовились помогать союзникам

В анализируемых фрагментах войско крестоносцев названо *cohors* (когорта), что снова отсылает нас к реалиям эпохи Древнего Рима: когортой называлась десятая часть римского легиона. В сочетании с эпитетом *fortis* («сильный») *cohors* образует повторяющееся оценочное выражение. Оно передает этическую оценку автора, адресованную собирательному персонажу. В Средневековье термины *turma* и *cohors* не употреблялись: использование лексики классических римских авторов для описания военных действий XII века можно считать особым стилистическим приемом для героизации участников похода. В то же время перенос реалий Античности в современную Жилону Парижскому действительность не уникален в средневековой литературе. Подобное встречается и у других авторов той эпохи: военное искусство римлян всегда оставалось авторитетным в Средневековье. Крестоносцам были известны сформулированные римлянами предписания для проведения боевых действий. «Несмотря на то, что способы ведения войны в Средневековье изменились по сравнению с эпохой Античности, автор видит в трактате поучения и наставления для крестоносцев, а не для древних римлян» [Кислицина, 2006, с. 25].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного анализа особенностей авторского осмысления событий Первого

крестового и описания его участников представляется возможным сделать следующие выводы:

1. В основе выбора автором рассмотренных нами средств вербализации этической и эстетической оценки лежит эталонизация Античного мира. Жилон Парижский уподобляет своих старших современников, рыцарей-крестоносцев, легендарным героям Греции и Рима (Ахиллу, Турну), о которых он узнал из книг классических латинских авторов и которые считались идеалом воинской отваги.
2. Описывая хронологию событий Первого крестового похода, Жилон Парижский переплетает реальный современный ему мир с элементами вымышленного мира Античности. При этом повествование преподносится как историческая хроника.
3. Книга рассчитана на аристократического читателя: именно ориентируясь на потенциальный интерес читательской аудитории к деталям Крестового похода и подвигам рыцарей, Жилон Парижский вольно обходится с деталями исторического и географического характера. Адресатом сочинения должны были быть члены его социальной группы эрудированные представители высшего сословия, знакомые с наследием классических латинских авторов настолько, чтобы оценить скрытые цитаты и отсылки в тексте «*Historia gestorum*» к мифологии и реалиям Древней Греции и Рима.
4. Хроника «*Historia gestorum*» представляет собой своеобразный опыт этического восприятия событий недавнего прошлого в жестких, заранее заданных канонами Средневековья рамках. Герои, образы и терминология Античности переосмыслены под влиянием христианских и чисто рыцарских моральных норм, что составляло в эпоху Крестовых походов «культурный код эпохи» [Игнатъева, 2001, с. 29].

Изучение специфики авторского восприятия событий, героев и их поступков позволяет нам понять лингвокогнитивный механизм оценки в исторических памятниках эпохи Крестовых походов, написанных на средневековой латыни. Дальнейшее рассмотрение лингвокогнитивного механизма оценки на материале ранее не изученных текстов той же эпохи, но написанных на народных, романских языках, представляется перспективным направлением и может в дальнейшем стать предметом отдельного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome cinquième. Paris: Imprimerie royale, MDCCCXCV. 1090 p.
2. Игнатъева Т. Г. Типология старофранцузского текста. Красноярск: Из-во Краснояр. гос. ун-та, 2001.
3. Флори Ж. Боэмунд Антиохийский. Рыцарь удачи. Москва: Клио, 2013.
4. Челышева И. И. Эстетический канон и нормирующие тенденции в языке средневековых романских памятников // Языковая норма и эстетический канон. М.: Языки русской культуры, 2006. С. 54–75.
5. Гуревич А. Я. Индивид и социум в средневековом Западе. М.: Российская политическая энциклопедия (РОС-СПЭН), 2005.
6. Кардини Ф. Европа и ислам: история непонимания. СПб.: Александрия, 2007.
7. Школьникова О. Ю. Средневековый перевод с латыни: стилистические и смысловые трансформации текста на примере старофранцузского перевода «Жития Святого Этьена де Гранмон» // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 2(58). С. 251–254.
8. Кислицына М. П. Лингвистические особенности французского рукописного текста «Книга о рыцарском искусстве»: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2008.

REFERENCES

1. Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux (1895). Paris: Imprimerie royale.
2. Ignateva, T. G. (2001). Tipologiya starofrantsuzskogo teksta = Typology of the Old French text. Krasnoyarsk: Iz-vo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
3. Flori, J. (2013). Boemund Antiokhiiskii. Ritsar udachi = Bohemond of Antioch. Knight of Fortune. Moscow: Klio. (In Russ.)
4. Chelishcheva, I. I. (2006). Aesthetic canon and normalizing tendencies in the language of medieval Romanesque monuments. Linguistic norm and aesthetic canon (pp. 54–75). Moscow: Yaziki russkoi kulturi. (In Russ.)
5. Gurevich, A. Ya. (2005). Individ i sotsium v srednevekovom Zapade = The individual and society in the Medieval West. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.)
6. Kardini, F. (2007). Yevropa i islam: istoriya neponimaniya = Europe and Islam: a history of Misunderstanding. St.Petersburg: Aleksandriya. (In Russ.)
7. Shkolnikova, O. Yu. (2008). Medieval translation from Latin: stylistic and semantic transformations of the text on the example of the Old French translation of the “Life of Saint Etienne de Granmont”. Bulletin of TSU, 2(58), 251–254.
8. Kislicina, M. P. (2008) Lingvisticheskie osobennosti frantsuzskogo rukopisnogo teksta «Kniga o ritsarskom iskusstve» = Linguistic features of the French handwritten text “The Book of Chivalry”: PhD in Philology. St.Petersburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Манухина Алла Олеговна

кандидат филологических наук, доцент

зав. кафедрой фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Manuhina Alla Olegovna

PhD (Philology), Associate Professor

Head of the Department of Phonetics and Grammar of the French language

Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.09.2024
20.10.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК: 81'27+ 81'42+ 811.161.1

Лингвосемиотическая специфика референции к прецедентным высказываниям советской эпохи в современных поликодовых текстах

Т. В. Марченко

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
tatiana-marchenko-25@yandex.ru

Аннотация. В статье на материале современных поликодовых текстов комического жанра описывается лингвосемиотическая специфика актуализации прецедентных высказываний, хронотопически маркированных советской эпохой. Цель анализа состоит в выявлении способов дискурсивного кодирования прецедентных высказываний, относящихся к советскому историческому периоду. Дается характеристика тематических групп первоисточников прецедентных высказываний, анализируются способы инкодирования референций к прецедентным высказываниям в семиотически осложненном тексте. Уточняются форматы взаимодействия, вербализуемых референций к высказыванию и визуальных репрезентантов его автора или образа прототекста, особенности внутрикультурной адаптации прецедентного высказывания под воздействием актуальных коммуникативных условий.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное высказывание, цитата, квазичитата, поликодовый текст, интернет-мем, советское, СССР, медиадискурс

Для цитирования: Марченко Т. В. Лингвосемиотическая специфика референции к прецедентным высказываниям советской эпохи в современных поликодовых текстах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 90–97.

Original article

Linguosemiotic Features of Reference to Precedent Statements of the Soviet Epoch in Modern Polycode Texts

Tatiana V. Marchenko

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
tatiana-marchenko-25@yandex.ru

Abstract. The study investigates the lingo-semiotic features of precedent utterances chronotopically marked by the Soviet epoch as actualized in modern polycode texts of the comic genre. The study aims to determine the means of discursive coding of precedent utterances related to the Soviet time. The thematic groups of primary sources of precedent utterances and the techniques of encoding references to precedent utterances in a semiotically complicated text are specified. The formats of interaction between verbalized references to the utterance and visual representatives of its author or the image of the prototext, as well as the features of intra-cultural adaptation of the precedent utterance under the influence of current communicative conditions are identified.

Keywords: precedent text, precedent statement, quotation, quasiquotation, polycode text, Internet meme, Soviet, the USSR, media discourse

For citation: Marchenko, T. V. (2024). Linguosemiotic features of reference to precedent statements of the Soviet epoch in modern polycode texts. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 90–97. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Символический пласт советской действительности был представлен объектами разной семиотической природы и послужил солидной ресурсной базой типологически вариативных прецедентных феноменов (ПФ). Хронотопически маркированные советской эпохой прецедентные единицы охватывают разные сферы функционирования общества: быт, художественную культуру, институциональную коммуникацию и др. Несмотря на объективные изменения исторических и культурных условий, прецедентная база данного периода не утратила эмоциональной и культурной значимости. Она во многом обусловлена способностью прецедентных феноменов выступать в качестве средства обеспечения культурной континуальности и маркера универсальных и темпорально специфичных культурных ценностей.

В исследованиях символического и прецедентного наследия Советского Союза прослеживается определенная периодизация. Так, для раннего постсоветского этапа характерно компаративное осмысление концептуализации представлений о феноменах советского как результат дискурсивного конструирования образа прошлого субъектами советского дискурса и современного социума [Михалева и др., 2013], использования интертекстуальных знаков советского прототекста в постмодернистских текстах [Айданова, 2008], лозунгов и идеологем советской эпохи в языковой игре [Гридина, 2011]. Более поздний период отмечен междисциплинарными исследованиями репрезентации ностальгии по советскому в телевизионном дискурсе [Бугаева, 2022], музыкальном творчестве [Журкова, 2021] и литературе [Маслинская, 2021].

Высокая частотность апелляции к разным типам ПФ советского происхождения отмечается в рекламном дискурсе. Так, на материале русскоязычной коммерческой и политической рекламы установлены основные сферы культурного знания, служащие источниками прецедентных культурных знаков и формирующие представление о соответствующем историческом периоде: история и идеология, художественная литература, политические тексты, музыка, кинематограф, архитектура и скульптура [Пикулева, 2009]; визуальные прецедентные идентификаторы советского дискурса (графическое и цветное оформление) и вербальные прецедентные тексты [Терских, 2023]. Исследователи приходят к выводу об альтернативном прочтении советского в ироничном перефразировании прецедентных феноменов и тенденции к «снятию» мифа современным общественным сознанием. Функционирование прецедентных идеологем, лозунгов

и поэтических произведений советского времени проанализированы на материале публицистического дискурса [Наумова, 2018] и поэтических текстов [Резников, Паршина, 2023].

Смещение фокуса на визуализацию культуры актуализировало семиотический ракурс исследований, раскрывающих социокогнитивные аспекты полимодальных текстов [Ирисханова, 2012] и поликодовой репрезентации ПФ [Мардиева, 2023; Марченко, Бредихин, Лепилкина, 2023]. Данное исследование обращается к лингвoseмиотической специфике и функциональным смыслам прецедентных высказываний советской эпохи, апелляция к которым осуществляется в современных поликодовых текстах комического жанра – интернет-мемах.

ЦЕЛЬ, МЕТОДЫ, МАТЕРИАЛ И ПАРАМЕТРЫ АНАЛИЗА

Анализируемые в данном исследовании прецедентные высказывания (ПВ), вслед за И. В. Захаренко, трактуются нами как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [Захаренко, 2000, с. 46]. Подобный подход позволяет рассматривать в статусе прецедентных не только цитаты, пословицы, библейские и мифологические выражения, но и фразы, условно утратившие связь с прототекстом. Однако они сохраняют состав элементов и апеллируют к культурной компетенции индивида. Интернет-мем, в свою очередь, понимается нами как «коммуникативно-ориентированный, структурированный и вирально распространяющийся информативный продукт реализации языковой и / или других семиотических систем, имеющий смысловую и прагматическую сущность» [Марченко, 2024, с. 176].

Цель анализа состоит в выявлении лингвoseмиотической специфики актуализации ПВ, относящихся к историческому периоду СССР, в семиотически осложненных текстах с учетом их поликодовой природы. Предмет исследования обусловил применение совокупности методов семиотического, дискурсивного, интертекстуального, структурно-семантического и стилистического анализа. Отбор практического материала исследования осуществлялся посредством точечной выборки поликодовых текстов из русскоязычного сегмента сети Интернет, соответствующих критерию наличия в них вербального репрезентанта ПВ, этимологически восходящего к советской эпохе. В качестве

эмпирического материала исследования послужили 480 интернет-мемов, соответствующих заявленному критерию.

Процедура анализа включала несколько этапов:

- 1) уточнение понятийного аппарата исследования;
- 2) точечную выборку текстов, соответствующих заявленному критерию, и их контент-анализ;
- 3) классификация тематических групп первоисточников ПВ, актуализируемых в поликодовых текстах;
- 4) выявление лингвосемиотической специфики референции к ПВ в выделенных группах.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Длительность функционирования анализируемых ПВ в культуре определяется историческим периодом их вхождения в обиход, последующим закреплением и использованием в актуальной дискурсивной практике. Смена исторических эпох повлекла за собой изменение «удельного веса» анализируемых прецедентных феноменов в концептуальной картине мира лингвокультурного сообщества. В результате последовала трансформация функционального потенциала и внутрикультурная адаптация прецедентных феноменов под воздействием актуальных дискурсивных условий. К ним относится возрастающая визуализация культуры и расширение ресурсов инкодирования. Медиакоммуникация обуславливает вариативность способов дискурсивного кодирования ПВ советской эпохи. Наряду с вербализуемыми референциями к высказыванию, фигурируют визуальные репрезентанты его автора или образа прототекста.

Как показывает проведенный анализ, в интернет-мемах актуализируются ПВ, источниками которых являются высказывания политических деятелей периода СССР, цитаты из советских кино- и мультипликационных фильмов, литературных и музыкальных источников, а также агитационно-пропагандистские лозунги.

Высказывания политических деятелей

В числе высказываний политических деятелей представлены цитаты лидеров советского государства разных времен: В.И. Ленина, И. В. Сталина, Л. И. Брежнева и Н. С. Хрущева. Характерной особенностью актуализации ПВ в поликодовых текстах является отсутствие кавычек как маркеров цитаты. В картотеке исследования выявлены следующие

поликодовые форматы референций к ПВ: 1) цитата и фото / графическое изображение как визуальная референция к первоисточнику (автору) и / или прецедентной ситуации; 2) цитата и фото / графическое изображение как визуальная референция к ПФ, не имеющему отношения к первоисточнику; 3) ПВ и фото / графическое изображение, не являющееся прецедентным; 4) квазичитата и фото- / графическая референция к первоисточнику (автору) и / или прецедентной ситуации; 5) цитата и фото / графическое изображение, не являющееся прецедентным. В редких случаях референцию сопровождает упоминание автора высказывания.

Проиллюстрируем наши наблюдения примерами из картотеки исследования. Так, произнесенная секретарем ЦК ВКП(б) И. В. Сталиным на Первом всесоюзном совещании рабочих и работниц-стахановцев в 1935 году фраза «Жить стало лучше, жить стало веселее!» актуализируется как в формате «цитата и прецедентный образ автора», так и в формате, представленном на рисунке 1 – Мем «Жить стало лучше»¹. Референция к визуальному репрезентанту прецедентного феномена (герой фильма «Крестный отец» (1972)), относящегося к иному первоисточнику и лингвокультурному пространству, а также отсутствие восклицательных знаков, меняют значение высказывания, трансформируя его интонационно-экспрессивный посыл обращения на лаконичную констатацию факта с элементами наставления.

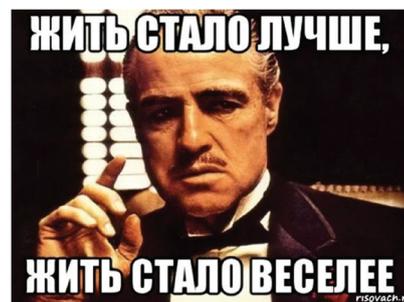

Рис. 1. Мем «Жить стало лучше»

Рис. 2. Мем «Шея стала тоньше»

¹URL : https://sun9-48.userapi.com/imp/7BVU6qEKAytV13DJ5vESB0u2zPU0iRTnWNDjLA/bl_jSMURKFK.jpg?size=500x366&quality=96&sign=0da12112491119876375aef068ce116a&type=album

Как показано на рисунке 2 (мем «Шея стала тоньше»¹), фольклорные варианты формулировки высказывания (например, «Жить стало лучше! Жить стало веселее! Шея стала тоньше... Но зато длинней!») актуализируются в поликодовых текстах преимущественно в формате без визуальной прецедентной основы.

Квазицитаты фигурируют в двух вариантах оформления: 1) вербализация имени и визуализация образа автора, которому условно присваивается высказывание («Совет Трампа // Учиться, учиться и еще раз учиться» и фото политического деятеля Д. Трампа, демонстрирующего папку с подписанным приказом)²; 2) визуализация образа автора, которому условно присваивается высказывание, без упоминания его имени («Учиться, учиться и еще раз учиться» и графическое изображение И.В. Сталина)³. Трансформированные выражения используются как в варианте дополнения фразы новыми элементами («Учиться, учиться и еще раз учиться читать рэп»)⁴, так и построения нового выражения на основе прототекста: «Тестить, тестить и еще раз тестить!»⁵ (как призыв осваивать тестирование в информационных технологиях).

Изменение значения высказывания наблюдается не только в тех контекстах, где прототекст подвергся трансформации (добавлению, опущению или замене элементов), но и в интернет-мемах, визуальной основой которых послужили изображения с выраженной оценочностью, так называемые мем-фейсы (например, выражение «Учиться, учиться и еще раз учиться» в сопровождении фотографии актера Р. Дауни-младшего, скрестившего руки на груди и закатывающего глаза в выражении недовольства)⁶.

Цитаты из советских кино- и мультипликационных фильмов

В данной категории основными источниками ПВ выступают комедийные, реже мелодраматические, фильмы и мультфильмы, выпущенные в средне- и позднесоветский периоды: «Девчата» (1961), «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965), «Бриллиантовая рука» (1968), «12 стульев» (1971), «Джентльмены удачи» (1971), «Иван

Васильевич меняет профессию» (1973), «Ирония судьбы, или С лёгким паром!» (1975), «Гараж» (1979), «Самая обаятельная и привлекательная» (1985), «Кин-дза-дза!» (1986), «Ну, погоди!» (1969-1986), «Трое из Простоквашино» (1978) и др. Для этой группы ПВ характерны следующие поликодовые форматы референций: 1) цитата и кадр как визуальная референция к первоисточнику; 2) цитата и фото / графическое изображение как визуальная референция к ПФ, не имеющему отношения к первоисточнику; 3) цитата и фото / графическое изображение, не являющееся прецедентным; 4) квазицитата и кадр как референция к первоисточнику; 5) квазицитата и фото / графическое изображение, не являющееся прецедентным. В некоторых контекстах, наряду с вербализацией ПВ и визуализацией кадра с соответствующей ситуацией, актуализировано имя персонажа (например, «Я Федя... // Напарник всех, кто работает!»⁷).

Одним из ярких примеров актуализации ПВ в разных форматах является фраза «Кто не работает (,) тот (не) ест». Первоисточником выражения является библейский текст Нового Завета, а именно второе послание апостола Павла к фессалоникийцам: «3:10. Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь»⁸. В советское время В. И. Ленин обратился к цитате в своих сочинениях и выступлениях: «Кто не работает, тот не должен есть» – вот основное, первейшее и главнейшее правило, которое могут ввести в жизнь и введут Советы рабочих депутатов, когда они станут властью»⁹. Впоследствии антонимическая трансформация цитаты, в которой была опущена частица «не», изменила семантику фразы. Если в периоды раннего и среднего СССР визуальным репрезентантом оригинальной цитаты являлось изображение плакатного типа, то во время позднего СССР видеоизмененная цитата стала ассоциироваться с озвучившим ее героем кинофильма «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (1965) – великовозрастным бездельником Федей, и была дополнена сопровождавшим ее призывом: «Учись, студент!». Так, на рисунке 3 (мем «Кто не работает»¹⁰) изображен визуальный репрезентант эпизода, в котором отбывающий административный арест герой дает наставление подрабатывающему на стройке студенту. Вербализация ПВ дополнена комментарием-восклицанием, очерчивающим темпоральность прототекста: «Спустя сорок лет это снова актуально!».

¹URL: <https://fishki.net/upload/users/2021/12/10/1779359/8ff05d49aea01f84e9c66f93da2eb648.jpg>

²URL: <https://avatars.mds.yandex.net/i?id=88f548fa49e4e7047e15519cb6e76959ace24cfb-10089679-images-thumbs&n=13>

³URL: <https://avatars.mds.yandex.net/i?id=d34983415238ce3e65afc845>

⁴URL: <f6c14f4-5424908-images-thumbs&n=13>

⁵URL: <https://forum.rudtp.ru/attachments/rep-jpg.83650/>

⁶URL: http://images.vfl.ru/ii/1365011704/4ac4cf3b/2076426_m.bmp

⁷URL: <https://www.bmwclub.ru/threads/muzhchina-vsegda-dolzhen.1133643/page-35>

⁸URL: https://avatars.mds.yandex.net/i?id=378e6c3b2b305636ef0d6c539f522b17_l-5286736-images-thumbs&n=13

⁹URL: <https://azbyka.ru/bibliia/?2Thes.1>

¹⁰URL: <https://web.archive.org/web/20140727091613/http://vilenin.eu/t34/p312>

¹⁰URL: <https://a.d-cd.net/16cda22s-960.jpg>

Рис. 3. Мем «Кто не работает»

Рис. 4. Мем «Кто быстрее»

Трансформации высказывания затрагивают разные элементы его структуры, однако неизменной остается тематика трудовой деятельности и рабочих процессов. Так, видеоизмененный фрагмент высказывания в поликодовом текст на рисунке 4 конкретизирует навык, позволяющий обеспечить пропитание:

Кто быстро печатает
Тот ест! Учись студент!¹

«Осколочное» цитирование также позволяет детализировать дидактический посыл источника, например, надпись:

Учись студент!
Большие продажи – Большие проблемы.²

Литературное и музыкальное творчество

В анализируемых текстах представлены цитаты из литературных и музыкальных произведений советской эпохи, высказывания писателей и поэтов, стихотворные фрагменты с реминисцентными элементами. В этой тематической группе ПВ выявлены следующие поликодовые форматы референций:

¹URL: <https://i.ytimg.com/vi/j4HblqzQSW0/maxresdefault.jpg>

²URL: <https://www.meme-arsenal.com/memes/55600b74912508aabdb1835b2b84c134.jpg>

- 1) цитата и фото / графическое изображение как визуальная референция к первоисточнику (автору);
- 2) цитата и фото / графическое изображение как визуальная референция к ПФ, не имеющему отношения к первоисточнику;
- 3) цитата и фото / графическое изображение, не являющееся прецедентным;
- 4) квазицитата и фото- / графическая референция к первоисточнику (автору);
- 5) квазицитата и фото / графическое изображение, не являющееся прецедентным.

Примечательно, что актуализация визуального репрезентанта первоисточника (автора) фигурирует преимущественно при референции к стихотворным формам. Цитаты из произведений вокального жанра, напротив, сопровождаются изображениями, тематически коррелирующими с высказыванием и не апеллирующими к автору (исполнителю произведения). На рисунке 5 полная цитата строчки из песни «Трава у дома» (1983), ставшей в 2009 году гимном российской космонавтики, дополнена фотографией кота в переноске с иллюминатором, обыгрывающей идею космического полета и тоски по дому³. Аналогичным образом иллюстративная функция изображения реализована в меме «Позвони мне»⁴: строчка «Позвони мне, позвони! Позвони мне ради Бога...» из песни на стихи Р. Рождественского сопровождается изображением домашнего питомца, склонившего голову у мобильного телефона.

Рис. 5. Мем «И снится нам»

Рис. 6. Мем «Я достаю»

В аспекте литературных источников наибольшей рекуррентностью актуализации в интернет-мемах отличаются стихотворения С. Есенина, И. Бродского, В. Высоцкого и В. Маяковского, цитирование которых сопровождается визуальным репрезентантом автора или условного автора

³URL: <https://r3.mt.ru/r13/photo2749/20732773422-0/jpg/bp.webp>

⁴URL: https://sun9-32.userapi.com/impf/c836227/v836227528/4c2b3/7Hh8sU_-Oq0.jpg?size=412x604&quality=96&sign=c6d45a679ff9350b2a46c8a6d0c93dd1&type=album

в случае квазицитации или реминисцентного подражания ритму или рифме. Так, на рисунке 6 фигурирует лаконичное черно-белое изображение В. Маяковского в позе, характерной для художественной декламации. Вербальная часть поликодового текста – квазицитата произведения поэта. Аллюзия к «Стихам о советском паспорте» (1929) инкодирует степень важности наличия санитарно-гигиенического изделия:

Я достаю
Из широких штанин
Маску
Размером с мою
Хлебрезку
С ней я позволить могу
Магазин
И на метро поездку!¹

В меме «Ешь ананас» реминисцентное подражание двустихию «Ешь ананасы, рябчиков жуй...» (1917) коррелирует с семантикой оригинального текста, так как трансформированный фрагмент резюмирует итог расточительному образу жизни².

Агитационно-пропагандистские лозунги

В данную тематическую группу вошли лозунги, представленные на просветительских, военных, политических, рекламных и инструктивных плакатах разных периодов существования СССР, например, «Ты записался добровольцем?», «Родина-мать зовет!», «Нет! (алкоголизму)», «Миру – мир!», «Не болтай!», «Обслужим культурно каждого посетителя!» и др. Основным источником этих ПВ является коллективный автор. Визуальная составляющая оригинальных поликодовых текстов имела не меньшее значение, чем вербальная, поэтому в современном дискурсивном пространстве данные единицы реактуализируются как комплексный поликодовый знак с некоторыми трансформациями в визуальном и / или вербальном элементах. Нами выявлены следующие поликодовые форматы референций в рассматриваемой категории:

- 1) цитата и трансформированное графическое изображение первоисточника;
- 2) квазицитата и графическое изображение как визуальная референция к первоисточнику;
- 3) квазицитата и фото / графическое изображение, не являющееся прецедентным;
- 4) цитата и фото / графическое изображение, не являющееся прецедентным;

¹URL: <https://akwatoria.ru/mayakovskiy/stixi/ya-dostayu/iz-shirokix/>

²URL: https://cs4.pikabu.ru/post_img/big/2014/08/21/7/1408617946_532167550.jpg

- 5) квазицитата и фото / графическое изображение, не являющееся прецедентным.

Во многих контекстах сохраняется высокий потенциал дидактичности высказываний, так как неизменной остается структура побудительного вопроса или восклицания, которые сопровождаются визуальными образами, интенсифицирующими заложенное значение. Так, высказывание «А ты... (совершил действие, которое обращающийся считает необходимым или желательным)?» апеллирует к соответствующим семам оригинального прецедентного текста – плаката с изображением (красноармеец в буденновке) и надписью («Ты записался добровольцем?»). Как вербальная, так и визуальная части сообщения являются вариативными и подвержены трансформациям: видоизменение текста и / или замена изображения, например, надписи «А ты подал заявку?», «А ты сходил сегодня в школу?», «А ты собрался в отряд?», «Я на работе. А ты?», «А ты выполнил КРП?», «А ты записался на подготовительные курсы?», «А ты не забыл отметить о приходе-уходе?» и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования позволяют говорить о том, что реактуализация символики и прецедентных феноменов советской эпохи получила интерпретацию в контексте философско-антропологической метафоры ностальгии и отмечена амбивалентным функциональным потенциалом. В интернет-мемах представлены четыре основные группы источников ПВ советской эпохи: высказывания политических деятелей периода СССР, цитаты из советских кино- и мультипликационных фильмов, литературных и музыкальных произведений, а также агитационно-пропагандистских лозунгов. В поликодовых текстах апелляция к ПВ осуществляется в разных форматах семиотического инкодирования в рамках каждой тематической группы.

Прецедентные агитационно-пропагандистские лозунги и высказывания политических лидеров СССР, получающие референцию в интернет-мемах, преимущественно восходят к раннесоветскому периоду. Данные группы источников манифестируют в поликодовых текстах тесную связь и высокую частотность актуализации с визуальными репрезентантами прецедентных ситуаций и / или прецедентных имен, связанных с ПВ. Литературные, музыкальные и кинематографические источники ПВ главным образом представляют средне- и позднесоветский периоды. Конвергенция цитации и квазицитации с визуальным репрезентантом характерна для стихотворной формы в реминисцентном варианте актуализации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Михалёва О. Л. [и др.]. Советское как дискурсивный феномен: способы концептуализации прошлого / О. Л. Михалева, А. А. Рачёва, М. Б. Ташлыкова, Е. В. Стародворская, Е. В. Сумарокова. Иркутск: ИГУ, 2013.
2. Айданова Ю. Ф. Интертекстуальные знаки советского прототекста в современной прозе и их отражение в переводе // Вестник Забайкальского государственного университета. 2008. Вып. 1. С. 57–62.
3. Гридина Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 4 (38). С. 47–51.
4. Бугаева Л. Д. Советское прошлое на постсоветском телеэкране // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2022. Вып. 2(12). С. 243–258.
5. Журкова Д. А. «Старые песни о главном»: альтернативная антология советской эстрады // Новое литературное обозрение. 2021. Вып. 3(169). С. 148–164.
6. Маслинская С. Г. Магия пионерской символики: советское прошлое в современной детской литературе // Новое литературное обозрение. 2021. Вып. 3(169). С. 165–178.
7. Пикулева Ю. Б. О степени прецедентности советских культурных знаков в современной рекламе // Советское прошлое и культура настоящего: сборник научных трудов. 2009. С. 148–167.
8. Терских М. В. Ностальгический маркетинг: прецедентные тексты советского периода в постсоветской рекламе // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. Вып. 4(9). С. 41–67.
9. Наумова И. А. Советская поэзия как сфера-источник прецедентных феноменов в дискурсе российских СМИ // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Лингвистика. 2018. Вып. 2(15). С. 74–80.
10. Резников Д. Р., Паршина О. Д. Прецедентные имена советских государственных деятелей в поэтических текстах Т. Ю. Кибирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Вып. 12. С. 4289–4296.
11. Ирисханова О. К. Полиmodalность в социокогнитивном освещении: Семиотика плаката // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. 11. С. 63–66.
12. Мардиева Л. А. Визуальная прецедентность как объект лингвистических исследований: современное состояние и перспективы развития // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3(165). С. 19–32.
13. Марченко Т. В., Бредихин С. Н., Лепилкина О. И. Специфика формирования ассоциативного потенциала нового прецедентного феномена и поликодовой объективации в современном британском медиадискурсе // Вестник Калмыцкого университета. 2023. Вып. 3(59). С. 109–115.
14. Захаренко И. В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. 2000. С. 46–53.
15. Марченко Т. В. Особенности семиотического инкодирования прецедентного имени или «простой советский человек» в поликодовом тексте // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Вып. 1(11). С. 175–190.

REFERENCES

1. Mikhaleva, O. L. et al. (2013) Sovetskoe kak diskursivnyj fenomen: sposoby konceptualizacii proshlogo = The Soviet as a discursive phenomenon: ways of conceptualizing the past / O. L. Mikhaleva, A. A. Racheva, M. B. Tashlykova, E. V. Starodvorskaya, E. V. Sumarokova. Irkutsk: ISU. (In Russ.)
2. Ajdanova, Yu. F. (2008). Intertextual markers of Soviet prototext in modern prose and their reproduction in translation. Transbaikal State University Journal, 2, 220–226. (In Russ.)
3. Gridina, T. A. (2011). Word game in the genre of political joke. Political Linguistics, 4 (38), 47–51. (In Russ.)
4. Bugaeva, L. D. (2022). The Soviet Past on the Post-Soviet Screen. Vestnik of Saint Petersburg University, 2(12), 243–258. (In Russ.)
5. Zhurkova, D. A. (2021). Old Songs about the Main Thing: An Alternative Anthology of the Soviet Popular Music. New Literary Observer, 3(169), 148–164. (In Russ.)
6. Maslinskaya, S. G. (2021). The Magic of Young Pioneers' Symbols: The Soviet Past in Contemporary Children's Literature. New Literary Observer, 3(169), 165–178. (In Russ.)
7. Pikuleva, Yu. B. (2009). On the degree of precedent of Soviet cultural signs in modern advertising. Sovetskoye proshloye i kul'tura nastoyashchego (pp. 148–167): The collection of scientific works. (In Russ.)
8. Terskikh, M. V. (2023). Nostalgic Marketing: Soviet Period Precedent Texts in Post-Soviet Advertising. VERBA. North-West linguistic journal, 4(9), 41–67. (In Russ.)

9. Naumova, I. A. (2018). Soviet poetry as a source of precedent phenomena in mass media discourse of Russia. Bulletin of the South Ural State University. Linguistics, 2(15), 74–80. (In Russ.)
10. Reznikov, D. R., Parshina, O. D. (2023). Precedent names of Soviet politicians in the poetic texts of T. Yu. Kibirov. Philology. Theory and Practice, 12, 4289–4296. (In Russ.)
11. Iriskhanova, O. K. (2012). Polymodality in socio-cognitive lighting: poster semiotics. Cognitive Studies of Language, 11, 63–66. (In Russ.)
12. Mardieva, L. A. (2023). Visual precedence as a subject of linguistic research: Current state and development prospects. Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki, 3(165), 19–32. (In Russ.)
13. Marchenko, T. V., Bredikhin, S. N., Lepilkina, O. I. (2023). Specific features of forming the associative potential of a new precedent phenomenon and polycode objectification in modern British mediadiscourse. Bulletin of Kalmyk University, 3(59), 109–115. (In Russ.)
14. Zakharenko, I. V. (2000). On the appropriateness of using the term «precedent utterance». Language, consciousness, communication (pp. 46–53): The digest of articles. (In Russ.)
15. Marchenko, T. V. (2024). Features of semiotic encoding of a precedent name or «an ordinary Soviet man» in a polycode text. Humanities and law research, 1(11), 175–190. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марченко Татьяна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института
Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marchenko Tatiana Vladimirovna

PhD (Philology), Associate Professor
Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation
Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию	28.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	21.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 811.133.1+821

Вербализация фреймового состава концепта СПИДа во французской художественной литературе

Л. О. Маслова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
larissa_maslova@yahoo.com

Аннотация. В статье рассматривается концепт СПИДа в художественной литературе через призму фреймового анализа. Цель исследования – выявить, как в произведении Эрве Гибера «Другу, который не спас мне жизнь» формируется восприятие СПИДа и его социальные и культурные аспекты. Основным методом исследования является фреймовый анализ, который позволяет рассмотреть, каким образом литературные образы и выразительные средства структурируют восприятие болезни. Анализируются фреймы болезни, смерти, социальной стигматизации и предательства. Результаты исследования показывают, что литературные произведения играют важную роль в формировании общественного мнения о СПИДе. Они способствуют снижению социальной стигматизации и предвзятости в отношении заболевших.

Ключевые слова: СПИД, концепт, фрейм, фреймовый анализ, когнитивные структуры, литературные фреймы, социальная стигматизация, эмоциональные реакции

Для цитирования: Маслова Л. О. Вербализация фреймового состава концепта СПИДа во французской художественной литературе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 98–104.

Original article

Verbalisation of the Frame Structure of the AIDS Concept in French Fiction

Larisa O. Maslova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
larissa_maslova@yahoo.com

Abstract. The article examines the concept of AIDS in fiction through the prism of frame analysis. The aim of the study is to reveal how the perception of AIDS and its social and cultural aspects are formed in the work of fiction "To the Friend Who Didn't Save My Life" by Hervé Guibert. The main method of the research is frame analysis, which allows to examine how literary images and expressive means structure the perception of the disease. Frames of illness, death, social stigma and betrayal are analyzed. The results of the study show that literary works play an important role in shaping public opinion about AIDS, contributing to the reduction of social stigma and prejudice against people affected by AIDS.

Keywords: AIDS, concept, frame, frame analysis, cognitive structures, literary frames, social stigmatization, emotional reactions

For citation: Maslova, L. O. (2024). Verbalization of the frame structure of the AIDS concept in French fiction. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 98–104. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Эпидемия СПИДа, начавшаяся в 1980-х годах, оказала глубокое влияние на общественные отношения, демографию, экономику, нашла отражение в средствах массовой информации, специальной и художественной литературе. Эта болезнь долгое время ассоциировалась с социальными группами, подверженными стигматизации – представителями ЛГБТ-сообщества, потребителями наркотиков и секс-работниками. Стигматизация больных СПИДом и их социальная изоляция, наряду с медицинскими аспектами заболевания, стали одной из важных тем художественной литературы. Тема СПИДа до сих пор сопровождается социальными предрассудками и дискриминацией заболевших. Правдивое отражение этой проблемы в художественной литературе способствует формированию гуманного отношения к заболевшим. Литература, отражающая как личные, так и социальные последствия болезни, играет значимую роль в изменении общественного мнения и борьбе с предвзятостью. *Актуальным* является анализ языковых средств, репрезентирующих различные социальные и личностные аспекты ВИЧ-инфекции.

Целью данного исследования является фреймовый анализ концепта СПИДа в художественной литературе на примере романа Эрве Гибера «Другу, который не спас мне жизнь»¹, что позволяет глубже понять восприятие этой болезни в общественном и индивидуальном сознании через посредство литературных образов. Подобное исследование проводится впервые.

Для достижения цели работы были поставлены несколько *задач*. Во-первых, исследуется, каким образом в романе Эрве Гибера «Другу, который не спас мне жизнь» представлены фреймы концепта СПИДа. С этой целью используется метод фреймового анализа, который позволяет выявить когнитивные структуры и экспрессивные средства, формирующие восприятие болезни в литературе. Далее исследуется, как литературные образы способствуют социальной и эмоциональной интерпретации СПИДа. Для этого применяется метод семантического анализа, который помогает выявить ключевые языковые средства, используемые автором для создания эмоционального отклика у читателя. Следующая задача заключается в определении роли художественных произведений в формировании общественного мнения о СПИДе. Для этого используется интерпретационный анализ, который позволяет выявить, как литературные тексты влияют на общественные взгляды и социальное восприятие

¹Guibert H. À l'ami qui ne m'a pas sauvé la vie. Paris: Éditions Verdier, 2001.

болезни. Используется историко-культурный анализ, который помогает проследить эволюцию восприятия болезни на фоне меняющихся общественных настроений и научного прогресса.

Новизна работы заключается в применении фреймового анализа для изучения концепта СПИДа в литературе, что позволяет выявить, как болезнь осмысливается через когнитивные структуры различными слоями общества. Исследование романа Эрве Гибера демонстрирует, как фреймы болезни, социальной стигматизации, предательства и смерти формируют многослойное восприятие СПИДа, которое включает как личные, так и общественные аспекты.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в лексикографической практике, поскольку эпидемия ВИЧ-инфекции активизировала креативный потенциал языка, а также в практике преподавания французского языка и перевода.

Теоретической основой исследования послужили работы по когнитивной лингвистике и теории фреймов, включая исследования Чарльза Филлмора (1982), Эрвина Гоффмана (1974), Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона (1980), которые изучают, как когнитивные структуры и метафоры организуют и интерпретируют информацию в литературных текстах. Важное значение для исследования имеют такие труды по концептологии, как работа В. Г. Кузнецова «Предмет и задачи диахронической сопоставительной концептологии» [Кузнецов, 2007], в которой рассматриваются задачи диахронического анализа концептов. В контексте темы СПИДа особую роль играют исследования, посвященные его социальным аспектам.

Текст романа Эрве Гибера «Другу, который не спас мне жизнь», послуживший материалом исследования, насчитывает около 120 тыс. слов. В этом произведении автор, будучи носителем ВИЧ, осмысливает не только медицинские, но и социальные аспекты СПИДа, что делает его важным источником для анализа концепта этой болезни через его фреймовый состав.

КОНЦЕПТ СПИД В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В контексте изучения влияния СПИДа на культуру и общественное мнение важно рассмотреть, как этот концепт представлен в художественной литературе на примере романа Эрве Гибера. Концепт СПИДа охватывает широкий спектр значений, от медицинских до социальных. Существенно и воздействие проблемы СПИДа на культуру.

В лингвистике опасное заболевание выступает как ментальная структура, репрезентирующая определенный фрагмент действительности, а в культурологии – как отражение общественных норм и личного опыта. Фреймы представляют собой структурирование концепта.

В литературе концепт СПИДа часто представляется через фреймы болезни, смерти, социальной стигматизации и предательства. Эти фреймы создают многослойное понимание болезни и ее влияния на индивидуальную и общественную жизнь, позволяя глубже осмыслить ее последствия. В литературных текстах фреймы вербализуются, прежде всего, образными средствами с целью воздействовать на читателя, вызвать у него эмоциональный отклик.

В романе «Другу, который не спас мне жизнь» Эрве Гибер, сам являясь носителем ВИЧ, изображает СПИД как разрушительную силу, которая влияет не только на физическое здоровье, но и на социальные связи и эмоциональное состояние героев. Гибер исследует не только физические страдания, но и сложные социальные и эмоциональные аспекты болезни, подчеркивая ее сильное воздействие на общественное и индивидуальное сознание.

ФРЕЙМОВЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА СПИДА

Фреймовый анализ представляет собой эффективный инструмент исследования концепта СПИДа, позволяющий глубже понять, как эта болезнь воспринимается и интерпретируется в художественной литературе. Чтобы понять, как фреймовый анализ применим к концепту СПИДа, необходимо сначала рассмотреть, что такое фреймы и как они функционируют [Кузнецов, 2007].

Фреймы – это когнитивные структуры, которые помогают организовать и интерпретировать информацию, связывая различные аспекты опыта и знания в единое целое. В теории фреймов они представляют собой ментальные шаблоны, которые позволяют людям упорядочивать информацию и придавать ей смысл. Они помогают воспринимать и интерпретировать события, явления и концепты, основываясь на ранее накопленных знаниях и опыте [Fillmore, 1982].

Когда мы применяем фреймовый анализ к концепту СПИДа в литературе, мы изучаем, как различные аспекты болезни представляются и осмысливаются через эти когнитивные структуры. В литературных текстах концепт СПИДа может быть представлен через различные фреймы, которые формируют наше восприятие болезни и ее последствий [Goffman, 1974].

В романе Эрве Гибер «Другу, который не спас мне жизнь» концепт СПИДа рассматривается

через посредство нескольких ключевых фреймов, каждый из которых раскрывает различные стороны этой болезни. Один из основных фреймов в произведении – это фрейм болезни как разрушительного и неизбежного процесса. Гибер использует этот фрейм для того, чтобы передать физические страдания и внутреннюю борьбу персонажа. В этом фрейме СПИД изображается как сила, которая разрушает жизнь и личные отношения, акцентируя неизбежность страдания и смерти.

Другой важный фрейм, используемый Гибером, – это фрейм социальной стигматизации и изоляции. В романе подробно описаны предвзятости и дискриминация, с которыми сталкивается герой, и как эти социальные барьеры влияют на его жизнь. Этот фрейм помогает понять, как общественное восприятие СПИДа может приводить к социальной изоляции и отчуждению, создавая дополнительные трудности для больных.

Кроме того, в произведении присутствует фрейм предательства и утраты, который репрезентирует, как СПИД влияет на личные отношения и доверие между людьми. Гибер показывает, как болезнь может разрушать дружеские и любовные связи, подчеркивая, что СПИД не только медицинская проблема, но и проблема межличностных отношений.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ФРЕЙМОВ В ТЕКСТЕ

Языковые средства, используемые Эрве Гибером для вербализации фреймов СПИДа в романе «Другу, который не спас мне жизнь», играют ключевую роль в формировании эмоциональных и когнитивных реакций читателя. Каждое ключевое слово, экспрессивное и образное, не просто передает информацию, но и создает мощные эмоциональные отклики и способствуют определенным когнитивным процессам [Lakoff, Johnson, 1980]. Эти элементы текста помогают автору передать всю сложность и трагичность ситуации, связанную с болезнью, вызывая у читателя глубокие переживания и размышления. Рассмотрим несколько примеров вербализации языковых средств, чтобы проиллюстрировать, как Гибер достигает этого эффекта.

В примере:

...j'ai cru pendant trois mois que j'étais condamné par cette maladie mortelle qu'on appelle le sida (H. Guibert. *À l'ami qui ne m'a pas sauvé la vie*) – ...в течение трех месяцев я думал, что обречен из-за смертельной болезни под названием «СПИД»¹ –

¹Здесь и далее перевод наш – Л. М.

Эрве Гибер использует несколько ключевых слов и экспрессивных средств, чтобы создать мощные фреймы, отражающие его личные и общественные переживания, связанные со СПИДом.

Во-первых, слово *condamné* (*осужденный*) создает яркий фрейм неизбежного приговора, ассоциируя болезнь с чувством вины и наказания. Этот выбор слова подчеркивает ощущение фатальности и безысходности, которые Гибер испытывает в связи с диагнозом. Осознание того, что он «осужден» болезнью, вызывает у читателя сочувствие и тревогу, подчеркивая трагичность ситуации.

Далее словосочетание *maladie mortelle* (*смертельная болезнь*) усиливает восприятие СПИДа как не просто болезни, а смертельной угрозы. Гибер здесь акцентирует внимание на неизбежности исхода, что создает фрейм страха и ужаса перед болезнью, которая неминуемо ведет к смерти. Это вызывает у читателя острое ощущение опасности и неотвратимости, делая ситуацию Гибера еще более драматичной.

Наконец, само упоминание *sida* (*СПИД*) в тексте вызывает у читателя мощные ассоциации, связанные с эпидемией, социальной стигматизацией и общественным страхом.

С помощью этих языковых средств Гибер формирует у читателя не только эмоциональную реакцию – страх, сочувствие и тревогу – но и когнитивное понимание всей трагичности и сложности ситуации, в которой он оказался. Эти фреймы помогают глубже понять восприятие болезни как личной трагедии и общественной проблемы, что усиливает воздействие текста на читателя.

В следующей фразе Эрве Гибер использует научные термины и описательные образы, чтобы создать фреймы, передающие читателю суть и опасность болезни на биологическом уровне:

Les T4 sont cette partie des leucocytes que le virus du sida attaque en premier, affaiblissant progressivement les défenses immunitaires (*H. Guibert. À l'ami qui ne m'a pas sauvé la vie*). – T4 – это часть лейкоцитов, которую вирус СПИДа атакует в первую очередь, постепенно ослабляя иммунную систему.

Во-первых, ключевые слова *T4* и *leucocytes* (*лейкоциты*) вводят медицинскую терминологию, которая подчеркивает точность и серьезность описания. *T4* обозначает конкретный тип клеток иммунной системы, а *leucocytes* – белые кровяные клетки, которые играют ключевую роль в защите организма. Эти термины создают фрейм уязвимости на клеточном уровне, что усиливает понимание читателем того, как глубоко и разрушительно вирус воздействует на организм.

Фраза *le virus du sida attaque en premier* (*вирус СПИДа атакует в первую очередь*) создает фрейм агрессии и войны. Использование слова *attaque* (*атакует*) ассоциируется с враждебностью и насилием, подчеркивая агрессивную природу вируса. Этот образ усиливает восприятие СПИДа как жестокого врага, который целенаправленно разрушает жизненно важные элементы защиты организма. В результате у читателя формируется ощущение бескомпромиссной угрозы, исходящей от болезни.

Далее фраза *affaiblissant progressivement les défenses immunitaires* (*постепенно ослабляя иммунную защиту*) усиливает фрейм ослабления и разрушения. Гибер описывает постепенное, но неотвратимое снижение способности организма защищаться, что вызывает у читателя чувство безысходности и растущей тревоги. Этот процесс изматывания иммунной системы представляется как медленный и мучительный, что подчеркивает тяжесть и неизбежность воздействия вируса.

В совокупности, эти языковые средства не только информируют, но и формируют у читателя глубокие эмоциональные и когнитивные реакции. Описанная атака на клеточном уровне усиливает осознание серьезности и неумолимости болезни, вызывая чувство тревоги и сочувствия к тем, кто с ней сталкивается. Этот фрейм также подчеркивает невидимую, но мощную силу вируса, которая методично разрушает человеческий организм, что делает восприятие СПИДа еще более угрожающим и трагичным.

В нижеприведенном предложении Эрве Гибер использует острые высказывания и яркие образы, чтобы создать фреймы, передающие напряжение, внутренний конфликт и отчаяние:

“En fait tu espères avoir le sida.” Il me lança un regard noir et sans appel. – «Ты действительно надеешься заразиться СПИДом». Он окинул меня мрачным, бесстрастным взглядом (*H. Guibert. À l'ami qui ne m'a pas sauvé la vie*).

Во-первых, ключевая фраза *tu espères avoir le sida* (*на самом деле, ты надеешься, что у тебя СПИД*) резко и неожиданно переворачивает ожидания читателя, создавая фрейм парадокса и шока. Слово *espères* (*надеешься*) обычно ассоциируется с позитивными ожиданиями, но здесь оно применяется к страшной и смертельной болезни. Этот фрейм вызывает у читателя чувство глубокого замешательства и тревоги, заставляя задуматься о мотивах и психологическом состоянии персонажа. Ожидание смерти или неизлечимой болезни становится парадоксальной формой избавления или даже искупления, что усиливает трагичность ситуации.

Далее фраза *il me lança un regard noir et sans appel* (он бросил на меня мрачный и безапелляционный взгляд) добавляет к ситуации ощущение окончательности и осуждения. *Regard noir* (мрачный взгляд) ассоциируется с тьмой, презрением или подавляющим гневом, а *sans appel* (безапелляционный) – с неизбежностью и отсутствием надежды на изменение ситуации. Этот образ создает фрейм напряжения и конфликта, где взгляд персонажа выражает безжалостное осуждение и окончательный приговор.

Эти языковые средства усиливают эмоциональное напряжение и создают глубокий внутренний конфликт, который передается читателю. Фраза о подозрении на СПИД шокирует и вызывает тревогу, заставляя задуматься о сложной психологической динамике и о том, до какой степени отчаяния может дойти человек. Мрачный и безапелляционный взгляд усиливает чувство безысходности и фатальности ситуации, вызывая у читателя глубокое чувство тревоги и сострадания к персонажам. В конечном итоге, Гибер использует эти средства для создания мощного фрейма, который не только передает эмоциональное состояние героев, но и заставляет читателя сопереживать герою и задумываться о более широких экзистенциальных вопросах, связанных с болезнью и смертельной угрозой.

Для создания сильного эмоционального эффекта и усиления драматургии автор использует выразительные языковые средства во фразе:

Les bruits qui courent sur Marine ont empiré, et arrivent de toutes parts : maintenant elle a le sida, c'est mon masseur qui me l'a appris, il le tient de son chef de clinique (H. Guibert. *À l'ami qui ne m'a pas sauvé la vie*). – Слухи о Марине стали еще хуже, они идут со всех сторон: теперь у нее СПИД, сказал мне мой массажист, он узнал об этом от заведующего клиникой.

Предложение начинается с упоминания о том, что слухи о Марине *ont empiré* (ухудшились). Неблагоприятная информация задает тревожный тон и создает ощущение нарастающего негативного давления. Слово *bruits* (слухи) указывает на неофициальные, неподтвержденные источники информации, которые могут варьироваться по своей достоверности, что уже создает атмосферу неопределенности и недоверия. Далее использование фразы *arrivent de toutes parts* (приходят со всех сторон) подчеркивает, что слухи распространяются быстро и повсеместно, усиливая чувство, что информация о Марине наводнила все сферы ее жизни и стала неотвратимой.

Кульминацией слухов становится утверждение *maintenant elle a le sida* (теперь у нее СПИД), что представляет собой шокирующий и сенсационный

элемент. Слово *maintenant* (теперь) указывает на то, что слухи достигли критической точки и приняли особенно мрачный оборот. Использование такого серьезного и стигматизирующего диагноза, как СПИД, резко усиливает эмоциональное воздействие, создавая у читателя чувство тревоги и шока.

Дополнительным элементом является фраза:

...c'est mon masseur qui me l'a appris, il le tient de son chef de clinique – ...это мне сообщил мой массажист, он узнал это от своего главного врача.

Это добавляет ощущение авторитетности и легитимности слухам, поскольку информация передана через личное свидетельство и авторитетный источник. Упоминание о массажисте и его источнике создает иллюзию достоверности слухов, что усиливает их разрушительное влияние на репутацию Марины.

Слухи о СПИДе, их масштабное распространение и авторитетность источников создают глубокое чувство тревоги и социальной катастрофы. Параллельно автор показывает, как слухи и недостоверная информация могут пагубно воздействовать на жизнь человека.

Для создания интенсивного и тревожного образа Гибер использует медицинскую терминологию во фразе:

Le sida en phase terminale, par la pneumocystose ou la sarcome de Kaposi qui attaque les poumons, mène aussi à l'étouffement complet. – Терминальный СПИД, при котором пневмоцисты или саркома Капоши поражают легкие, также приводит к полному удушью (H. Guibert. *À l'ami qui ne m'a pas sauvé la vie*).

Во-первых, фраза начинается с упоминания о *sida en phase terminale* (СПИД на последней стадии), что сразу настраивает читателя на восприятие крайне серьезного и неотвратимого состояния. Термин «phase terminale» («терминальная стадия») подчеркивает неизбежность и фатальность заболевания, обозначая его окончательную и безнадежную природу.

Далее уточнение *par la pneumocystose ou la sarcome de Kaposi qui attaque les poumons* (через пневмоцистоз или саркому Капоши, которая поражает легкие) добавляет медицинскую конкретику. Пневмоцистоз и саркома Капоши – это серьезные и часто смертельные осложнения СПИДа. Пневмоцистоз представляет собой инфекцию, поражающую легкие, в то время как саркома Капоши – это рак, который может метастазировать в легкие и другие органы. Упоминание этих заболеваний конкретизирует, каким образом СПИД приводит к финальной стадии и какие конкретно страдания он вызывает.

Заключительная часть фразы *mène aussi à l'étouffement complet* (приводит также к полному удушению) создает мощный и ужасающий образ. Слово *étouffement* (удушение) вызывает глубокие чувства страха и беспомощности, демонстрируя, как заболевание не только физически разрушает организм, но и приводит к мучительной смерти, связанной с неспособностью дышать.

Медицинская точность и описание физических страданий усиливают чувство трагедии и безысходности, вызывая у читателя глубокое эмоциональное воздействие и понимание тяжести состояния персонажей.

Следующая фраза представляет собой сложное и многослойное заявление, в котором используются несколько ключевых фреймов для создания глубокого и интригующего нарратива:

Il nous annonce tout de go qu'on vient de mettre au point en Amérique un vaccin efficace contre le sida, pas vraiment un vaccin pour être exact, puisqu'en principe un vaccin est préventif, alors disons un vaccin curatif, obtenu à partir du virus HIV et administré à des séropositifs non symptomatiques, appelés initialement les «porteurs sains» jusqu'à ce qu'on remette en cause le côté sain d'un homme contaminé par le sida, de façon à bloquer sa virulence, à empêcher le virus de mettre en branle son processus de destruction, mais c'est un secret absolu (H. Guibert. *À l'ami qui ne m'a pas sauvé la vie*). – Он сразу же рассказывает нам, что в Америке только что разработана эффективная вакцина против СПИДа – точнее, не совсем вакцина, поскольку в принципе вакцина – это профилактика, а, скажем так, лечебная вакцина, полученная из вируса ВИЧ и вводимая несимптоматичным серопозитивным людям, которых поначалу называли «здоровыми носителями», пока здоровая сторона человека, зараженного СПИДом, не была поставлена под сомнение, чтобы заблокировать вирулентность вируса и не дать ему запустить свой разрушительный процесс, но это абсолютный секрет.

Во-первых, фраза начинается с *tout de go* (без обиняков), что создает фрейм внезапной новости. Это выражение указывает на то, что информация будет раскрыта без предисловий. Объявление о разработке «вакцина эффективного contre le sida» (эффективного вакцины против СПИДа) сразу привлекает внимание к предполагаемому научному прорыву, создавая ожидание важной и положительной новости.

Затем вводится фрейм сомнительного научного достижения. Уточнение, что это «не совсем вакцина, чтобы быть точным» (*pas vraiment un vaccin pour être exact*), подрывает первоначальное восприятие.

Закрадывающееся в душу героя сомнение указывает на то, что предлагаемое средство отличается от традиционного понятия вакцины и представляет собой скорее экспериментальную терапию, чем стандартное профилактическое средство. Этот фрейм вызывает у читателя вопросы о реальной эффективности и научной основе предложенного решения.

Далее описание продукта как *un vaccin curatif* (лечебная вакцина) представляет собой фрейм лечебной терапии. Вместо вакцины как препарата для предотвращения болезни предлагается средство, предназначенное для лечения уже существующей инфекции у *à des séropositifs non symptomatiques* (ВИЧ-позитивных без симптомов) людей. Этот фрейм подчеркивает инновационный, но спорный подход к лечению, акцентируя внимание на новой стратегии терапии.

Упоминание о *здоровых носителях* (*porteurs sains*) и критика понятия «здоровый» создают фрейм социальной и медицинской критики. Этот фрейм акцентирует внимание на том, что концепция «здорового» носителя ВИЧ была ошибочной и подчеркивает, что люди с ВИЧ, даже без симптомов, сталкиваются с предвзятостью и неправильным восприятием. Это добавляет элемент социальной несправедливости и медицинской стигматизации.

Наконец, фраза заканчивается упоминанием о том, что информация является *абсолютной тайной* (*un secret absolu*). Этот фрейм скрытности и заговора создает ощущение, что информация о новом средстве планомерно засекречена, возможно, из-за политических или экономических интересов лабораторных разработок. Секретность усиливает напряжение и подозрение, побуждая читателя задуматься о мотивах и причинах скрытия информации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе анализа романа Эрве Гибера «Другу, который не спас мне жизнь» были выявлены основные фреймы концепта СПИДа, такие как болезнь, смерть, социальная стигматизация и предательство. Применение метода фреймового анализа позволило глубже понять, как эти когнитивные структуры формируют восприятие болезни в литературе и воздействуют на эмоциональные и когнитивные реакции читателей. Таким образом, исследование показало, что фреймы помогают передать не только медицинские, но и социальные и личные аспекты СПИДа, что подтверждает их значимость для интерпретации болезни в художественных текстах.

Кроме того, анализ продемонстрировал, что литературные образы способствуют социальной и эмоциональной интерпретации СПИДа. Были выявлены ключевые языковые средства и образные выражения, которые усиливают эмоциональное восприятие болезни, вызывая у читателя сочувствие и тревогу. Авторские средства выразительности подчеркивают важную роль литературы в формировании общественного восприятия заболевания и преодолении социальной стигматизации. Литературные произведения, такие как роман Гибера, способны не только отражать существующие предрассудки, но и трансформировать общественное мнение, способствуя гуманному отношению к больным СПИДом.

Также удалось проследить, как восприятие СПИДа менялось в литературе в зависимости от социальных и научных изменений общества. Историко-культурный анализ показал, что восприятие болезни эволюционировало по мере развития

медицины и трансформации социальных установок, что нашло отражение в литературных произведениях. Это позволяет глубже понять взаимосвязь между литературой и социальными контекстами, в которых эти тексты создаются и читаются.

Таким образом, исследование подтвердило, что художественная литература играет значимую роль в осмыслении сложных социальных проблем, таких как СПИД, и способствует изменению общественного восприятия опасного для человечества вируса. Перспективы дальнейших исследований включают анализ других произведений, посвященных СПИДу, с использованием фреймового подхода, что позволит расширить понимание данной темы. Также может представлять интерес проведение сравнительного анализа произведений, посвященных различным аспектам ВИЧ-инфекции разных авторов и в разных странах для выявления различий в восприятии СПИДа в зависимости от социального и национального контекста.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов В. Г. Предмет и задачи диахронической сопоставительной концептологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2. С. 26–34.
2. Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Boston: Northeastern University Press, 1974.
3. Fillmore C. J. *Frame Semantics*. In *Linguistic Society of America. "The Linguistic Society of America Summer Institute"*. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

REFERENCES

1. Kuznetsov, V. G. (2007). *Predmet i zadachi diahronicheskoy sopostavitel'noy kontseptologii = Subject and tasks of diachronic comparative conceptology. Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. (In Russ.)
2. Goffman, E. (1974). *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Boston: Northeastern University Press.
3. Fillmore, C. J. (1982). *Frame Semantics*. In *Linguistic Society of America. The Linguistic Society of America Summer Institute*. Chicago: University of Chicago Press.
4. Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маслова Лариса Олеговна

аспирант, преподаватель кафедры лексикологии и стилистики французского языка факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maslova Larisa Olegovna

Postgraduate student, Lecturer at the Department of Lexicology and Stylistics of French Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.09.2024
17.10.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Прецедентные топонимы в итальянском языке и их функционирование в дискурсе современных итальянских СМИ

О. Ю. Муштанова¹, А. А. Иванова²

^{1,2}Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

¹ksanadeer@gmail.com

²ag.ivanova@my.mgimo.ru

Аннотация. Цель данной работы – рассмотреть систему прецедентных топонимов в итальянском языке, проанализировать их семантическую структуру и прагматические особенности при употреблении в дискурсе итальянских СМИ. Особое внимание уделяется вопросу о деонимизации прецедентных топонимов на материале итальянского языка. В итоге – доказано, что прецедентные топонимы в итальянских СМИ выступают в роли мощного выразительного средства, позволяющего авторам статей привлечь внимание к описываемым событиям и придать наглядность происходящему, позиционировать указанные события на аксиологической шкале, навязывая свою точку зрения реципиенту и нередко провоцируя его на осуществление определенных – действий.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентный топоним, итальянский язык, национально детерминированное минимизированное представление, деонимизация, метафора, метонимия, антономазия

Для цитирования: Муштанова О. Ю., Иванова А. А. Прецедентные топонимы в итальянском языке и их функционирование в дискурсе современных итальянских СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 105–111.

Original article

Precedent Toponyms in the Italian Language and Their Functioning in the Discourse of Modern Italian Mass Media

Oxana Y. Mushtanova¹, Agniya A. Ivanova²

^{1,2}MGIMO University, Moscow, Russia

¹oksanadeer@gmail.com

²ag.ivanova@my.mgimo.ru

Abstract. The purpose of this article is to consider the system of precedent toponyms in the Italian language, to analyze their semantic structure and pragmatic features when used in the discourse of Italian media. Special attention is paid to the issue of deonymization of precedent toponyms in Italian. As a result, it has been proved that precedent toponyms in the Italian media act as a powerful expressive tool that allows the authors of the articles to draw attention to the events described and to give visibility to what is happening, to position these events on the axiological scale, imposing their point of view on the recipient and often provoking him to take certain actions.

Keywords: precedence, precedent toponym, Italian language, nationally determined minimized representation, deonymization, metaphor, metonymy, antonomasia

For citation: Mushtanova, O. Yu., Ivanova, A. A. (2024). Precedent toponyms in the Italian language and their functioning in the discourse of modern Italian mass media. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 105–111. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Научная новизна данной статьи заключается в том, что в ней впервые дается комплексный лингвистический анализ прецедентных топонимов в итальянском языке: рассматривается семантическое наполнение, анализируются особенности функционирования данного вида топонимов в современном медиадискурсе, позволяющие выявить их прагматическую нагрузку.

В качестве материала исследования были выбраны интернет-публикации из различных итальянских медийных источников, среди которых сайты известных периодических изданий национального масштаба (*Il Sole 24 Ore, Corriere della Sera, il Giornale, La Stampa, Il Corriere Nazionale, il Foglio, il Manifesto*); региональные интернет-издания (*veronasera.it, orvietonews.it*), отраслевые интернет-СМИ в области экономики (*borse.it, huffingtonpost.it*), здравоохранения (*quotidianosanita.it*), спорта (*oasport.it, sport-today.it*). Отбор материала проводился с целью получения максимально полной социолингвистической картины употребления в СМИ прецедентных топонимов: в выборке присутствуют периодические издания различного территориального масштаба, политической направленности, отраслевой принадлежности.

Прецедентные топонимы в итальянских СМИ употребляются преимущественно в названиях статей, поскольку заголовки несут повышенную прагматическую нагрузку. В данной работе рассматриваются, прежде всего, заголовки. В них присутствуют прецедентные топонимы, содержание которых раскрывается в основном тексте той или иной статьи. Цель исследования – выявить, каким образом выражается содержание прецедентных топонимов.

Основные задачи исследования: выделить национально детерминированное минимизированное представление в семантической структуре рассматриваемых прецедентных топонимов, проанализировать интенциональный аспект их употребления в дискурсе итальянских СМИ, определить их аксиологическую составляющую, установить, какие тропы лежат в основе употребления итальянских прецедентных топонимов, рассмотреть вопрос о деонимизации итальянских прецедентных топонимов.

Актуальность статьи определяется, во-первых, возрастающим интересом лингвистов к проблеме прецедентности лингвокультурных феноменов в целом и топонимов, в частности. В последние годы исследованием прецедентных топонимов занимались А. В. Терещенко [Терещенко, 2016], на материале английского языка – Ю. Л. Михайлова и М. Р. Михайлов [Михайлова, Михайлов, 2017], на материале русского языка – Э. М. Левина [Левина,

2016], на материале арабского языка – В. Ф. Ибрагим и А. С. Мамонтов [Ибрагим, Мамонтов, 2022]. Использованию прецедентных имен в итальянских медийных текстах посвящена статья Е. О. Шаповаловой, предметом анализа выступают в основном антропонимы [Шаповалова, 2016]. В работах итальянских исследователей не употребляется термин «прецедентность», однако в них также уделяется внимание метафорическому употреблению топонимов [Caffarelli, 2014]. При этом как в российских, так и в зарубежных источниках отсутствует комплексное исследование, посвященное прецедентным топонимам в итальянском языке.

Во-вторых, актуальность выбранной темы обусловлена активным использованием в итальянских СМИ прецедентных топонимов, для интерпретации которых необходимо владение соответствующими фоновыми знаниями. Прецедентные топонимы, как и прецедентные имена в целом, являются более яркими субститутами привычных выражений, позволяют увеличить степень воздействия на адресата сообщения [Захарова, 2024, с. 54].

Изучение системы прецедентных топонимов является важным элементом в преподавании иностранного языка: использование прецедентных имен в лингводидактике позволяет обогатить процесс обучения культурно-историческими сведениями, сформировать фоновые знания обучающихся. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных данных в рамках практических занятий по итальянскому языку в группах студентов, изучающих общественно-политический перевод.

В работе использованы методы семантического, контекстуального, количественного анализа, перевод источников.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТОПОНИМ КАК ЧАСТЬ СИСТЕМЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН

Семантика и прагматика прецедентного имени исследована в работах Д. Б. Гудкова и В. В. Красных [Гудков, 2020; Красных, 2003]. В данной статье нас интересуют, в первую очередь, национально-прецедентные топонимы, являющиеся частью когнитивной базы итальянского лингвокультурного сообщества.

При описании семантики прецедентных топонимов будет использоваться термин национально детерминированное минимизированное представление (НДМП). Под ним понимается набор дифференциальных признаков культурного феномена, закрепившихся в когнитивной базе лингвокультурного сообщества в виде инвариантов восприятия. НДМП является означаемым прецедентного имени

[Гудков, 2020, с. 79]. В статье будет рассмотрено интенциональное (коннотативное) употребление прецедентных топонимов.

На основании теоретических работ, посвященных прецедентным феноменам, можно дать следующее определение прецедентного топонима: это топоним, связанный в языковом сознании лингвокультурного сообщества с прецедентной ситуацией или прецедентным текстом. Указанное событие или текст редуцируются до набора дифференциальных признаков – НДМП, которое и составляет значение прецедентного топонима. Приобретая понятийность, прецедентный топоним используется метафорически и превращается в культурный символ.

АНАЛИЗ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТОПОНИМОВ В ДИСКУРСЕ ИТАЛЬЯНСКИХ СМИ

Прецедентные топонимы, востребованные в итальянском медиадискурсе, разнообразны с точки зрения типологии географических объектов: среди них выделяются названия городов, стран, рек, при этом большая часть из рассматриваемых объектов располагается на территории Италии. Хронологически в системе итальянских прецедентных топонимов нашли отражение события из разных исторических эпох – от Античности до XX века.

Прецедентный топоним *Рубикон* чаще всего употребляется в составе фразеологизма *перейти Рубикон*. Он связан с древнеримской историей: переход Цезарем Рубикона означал мятеж и стал причиной начала гражданской войны.

НДМП топонима *Рубикон* – рубеж, точка невозврата, *перейти Рубикон* – значит совершить решительный поступок.

Чаще всего выражение *переход Рубикона* употребляется в итальянских СМИ по отношению к фактам, имеющим положительную оценку в глазах автора: переход Рубикона предполагает смелость, решительность, готовность преодолевать трудности, отсылая к Цезарю как монументальной, эталонной фигуре древнеримского прошлого: победа Эмманюэля Макрона на выборах во Франции уподобляется переходу Рубикона в значении некоего свершившегося факта и одновременно в значении миновавшей Европу опасности победы правых сил: “La Francia passa il Rubicone”¹. В другом заголовке – “Per Gentiloni l’Europa sta in mezzo al Rubicone. E fra Trump ed elezioni rischia di cadere nell’acqua”² критикуется

¹URL: https://www.ilsole24ore.com/art/la-francia-passa-rubicone-l-italia-deve-fare-fretta-AEPrzdIB?refresh_ce=1

²URL: https://www.huffingtonpost.it/esteri/2024/02/09/news/lallarme-di-gentiloni-tra-europee-e-presidenziali-usa-2024_e_un_crocevia_per_ue_dobbiamo_agire-15100050/

бездействие европейских политиков, через отрицательную оценку выражено побуждение предпринять решительные шаги, занять твердую позицию. Так или иначе, события, описываемые с использованием прецедентного топонима *Рубикон* и связанного с ним прецедентного высказывания, приобретают экспрессивную окраску, оттенок грандиозности, необратимости происходящих изменений.

Еще один топоним в области Эмилия-Романья – небольшой город *Каносса* – пополнил ряд прецедентных феноменов благодаря эпизоду из средневековой истории: в 1077 г. император Священной римской империи Генрих IV вымаливал в Каноссе прощение у папы Григория VII.

Прецедентный топоним *Каносса* функционирует в дискурсе в составе фразеологизма *идти в Каноссу* (*andare a Canossa*). Основной инвариант восприятия данного топонима – унижение, которое сопровождается отказом от прежних позиций, покорность в негативном смысле слова.

В итальянских СМИ данный фразеологизм используется в контексте политической борьбы: например, в ситуации, когда глава партии «Вперед, Италия!» Сильвио Берлускони пошел на примирение с лидером партии «Братья Италии» Джорджей Мелони после разразившегося между ними скандала и взаимных обвинений – статья называется «Berlusconi è andato a Canossa nella sede di FdI ma nessuno sa quanto può durare la pace»³. Еще один интересный заголовок – «Elon Musk va a Canossa»⁴: в статье говорится о том, как Илон Маск, чтобы снять с себя обвинения в антисемитизме, посетил Освенцим, – автор статьи не только не делает акцент на унижении, но подчеркивает, что в Каноссу ходят исключительно сильные мира сего. Таким образом, изначально негативная аксиологическая окраска прецедентного топонима *Каносса* в контексте статьи может трансформироваться в крайне положительную: *хождение в Каноссу* может выступать синонимом совершения мудрого политического хода.

Капоретто – самый известный и широко употребляемый в итальянских СМИ прецедентный топоним, относящийся к национально-прецедентным феноменам. Он хранит память о Битве при Капоретто⁵ (24 октября 1917 г. – декабрь 1917 г.), которая считается самым крупным военным поражением в итальянской истории.

НДМП прецедентного топонима *Капоретто* – сокрушительное поражение, именно в этом значении он употребляется в итальянском медиадискурсе. Итальянские газеты активно используют слово

³URL: <https://www.italiaoggi.it/news/berlusconi-e-andato-a-canossa-nella-sede-di-fdi-ma-nessuno-sa-quanto-potra-durare-la-pace-2580606>

⁴URL: <https://comedonchisciotte.org/elon-musk-va-a-canossa/>

⁵Ныне город Кобарид на территории Словении. В период Первой мировой войны находился на территории, отвоеванной Италией у Австро-Венгрии.

Caporetto в заголовках статей, содержащих критику в адрес правительства: речь может идти о нерешенности миграционного вопроса – «La Caporetto dell’immigrazione»¹, о росте цен на коммунальные услуги – «Carburanti e bollette: la “Caporetto” del governo Meloni»². На первый план выходит аксиологическая составляющая: *Caporetto* оказывается риторическим инструментом в борьбе с политическими противниками, это особенно очевидно во втором из приведенных примеров: в издании *il Manifesto*, имеющее коммунистическую направленность, подвергается критике действия правительства правых. Прецедентный топоним *Caporetto* может применяться к любой масштабной неудаче, будь то поражение какой-либо партии на выборах – «Comunali Lazio, la Caporetto del Pd»³, неэффективность школьного образования – «Scuola valdostana nel caos, è una Caporetto»⁴, снижение объемов промышленного производства – «Produzione industriale in calo, una Caporetto»⁵. Происходит банализация изначальной прецедентной ситуации [Caffarelli, 2014, с. 22]: военное поражение низводится до уровня любой неудачи. Вместе с тем в отдельных примерах метафора функционирует максимально полно, например в статье «Il Covid è la nostra Caporetto»⁶: масштабность ковидной эпидемии в Италии позволяет сравнивать ее с самой настоящей войной, которая затрагивает всю нацию, Ковид – это враг, с которым нужно бороться, и эта борьба стоит многих жертв.

Сходным НДМП – сокрушительное поражение – обладает прецедентный топоним *Ватерлоо*. Так, в статье «La Waterloo dei servizi: Orvieto e la disfatta dei diritti di cittadinanza»⁷ повествуется о коллапсе предоставления муниципальных услуг в паспортном столе города Орвьето. Другой пример метафорического употребления данного топонима – статья, озаглавленная «Coltivazioni di pere prese di mira dalla cimice asiatica: “È una Waterloo”»⁸. В ней рассказывается о вреде, нанесенном азиатской блохой урожаю груш в области Венето: ситуация описывается как чрезвычайная (ключевое слово в основном тексте – *allarme*) и требующая

¹URL: <https://www.corrierenazionale.net/2023/09/14/la-caporetto-dell-immigrazione-il-disastro-dell'approccio-di-giorgia-meloni-allafrica/>

²URL: <https://ilmanifesto.it/carburanti-e-bollette-la-caporetto-del-governo-meloni>

³URL: <https://www.affaritaliani.it/roma/comunali-lazio-la-caporetto-del-pd-effetto-meloni-su-tutti-i-grandi-comuni-855359.html>

⁴URL: https://www.lastampa.it/aosta/2022/09/15/news/scuola_valdostana_nel_caos_e_una_caporetto-8671325/

⁵URL: <https://www.borse.it/news/unc-produzione-industriale-in-calo-una-caporetto>

⁶URL: https://www.quotidianosanita.it/lettere-al-direttore/articolo.php?articolo_id=89516

⁷URL: <https://www.orvietonews.it/opinioni/2024/03/07/la-waterloo-dei-servizi-orvieto-e-la-disfatta-dei-diritti-di-cittadinanza-107458.html>

⁸URL: <https://www.veronasera.it/economia/coltivazioni-pere-cimice-asiatica-7-agosto-2018.html>

вмешательства со стороны Итальянской конфедерации сельского хозяйства.

Таким образом, национально-прецедентный топоним *Caporetto* и его универсально-прецедентный аналог *Ватерлоо* имеют сходную прагматическую составляющую: авторы статей обозначают масштабную кризисную ситуацию и часто пытаются воздействовать на соответствующие инстанции, которые должны принять меры по ее устранению.

Помимо военных поражений в системе итальянских прецедентных топонимов нашли отражение также спортивные неудачи. Поражение в матче против северокорейской сборной на чемпионате мира в 1966 году стало настолько неожиданным и позорным, что закрепилось в языковом сознании футбольных болельщиков Италии и всего мира в виде прецедентного топонима *Корея*.

Используя прецедентный топоним *Корея*, итальянские СМИ остаются в рамках футбольной темы, тиражируя заголовки в духе «Для нас это вторая Корея» – например, при описании поражения футбольного клуба «Милан» против команды Ливерпуля в Лиге Чемпионов в 2005 году⁹ или разгромного матча в отборочном туре против Македонии, в результате которого Италия не попала на Чемпионат мира по футболу в 2022 году.¹⁰ НДМП прецедентного топонима *Корея* можно определить как «разгромное поражение в футболе на фоне прошлых успехов», как правило, в матче против изначально более слабого противника. *Корея* используется в спортивных изданиях как антономазия – эталон футбольного поражения. Если данный прецедентный топоним употребляется в отношении итальянской команды, события описываются в подчеркнута драматичных тонах, в тексте нагнетаются негативные эмоции игроков – боль, унижение, осознание трагичности ситуации.

Прецедентные топонимы входят не только в состав фразеологизмов, но и поговорок – к последним относится крылатая фраза *Христос остановился в Эболи*, ставшая прецедентным высказыванием. Данная поговорка была в ходу в южных регионах Италии в 20-е-30-е годы XX века и оказалась увековеченной в итальянской языковой картине мира благодаря прецедентному тексту – автобиографическому роману Карло Леви (*Cristo si è fermato a Eboli*, 1945). В романе описана тяжелая жизнь крестьян одной из самых бедных областей юга Италии – Базиликаты.

Поговорка *Христос остановился в Эболи* актуализирует прецедентный текст и связанное с ним НДМП. Основную коннотацию топонима *Эболи*

⁹URL: <https://www.ilgiornale.it/news/nostra-corea-dida-dov-era.html>

¹⁰URL: <https://www.sport-today.it/calcio/nazionale/nazionale-riecco-la-macedonia-la-nostra-nuova-corea.htm>

можно определить как «южный вопрос». В СМИ эта фраза чаще всего используется в роли заголовка, куда вместо *Эболи* подставляется другой топоним, не обязательно итальянский: как, например, в статье «Христос остановился в Алентежу»¹, рассказывающей об эксплуатации труда крестьян и заброшенности деревень юга Португалии. В итальянской языковой картине мира город Эболи символизирует предел цивилизации, за которым начинается хаос, жизнь в нечеловеческих условиях. Данная коннотация использована в названии статьи «Христос остановился в Гюмри»², посвященной теме геноцида армян. В обоих примерах заголовков аксиологически окрашен: фраза *Христос остановился в Эболи* в сознании носителей итальянского языка сигнализирует о какой-либо насущной проблеме.

МЕХАНИЗМЫ ТРОПЕИЗАЦИИ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ

Прецедентные топонимы, употребляясь в дискурсе СМИ, представляют собой особые стилистические средства, позволяющие передать информацию кратко и емко [Шаповалова, 2016].

Д. Б. Гудков указывает, что в интенциональном употреблении прецедентное имя всегда метафорично [Гудков, 2020]. Именно метафоризация способствует трансформации прецедентных топонимов в символы [Ибрагим, Мамонтов, 2022]. Э. М. Левина делает акцент на метонимическом переносе «место-событие» [Левина, 2016]. Э. Каффарелли, анализируя итальянские топонимы, ставшие театром военных действий, говорит об антономазии [Caffarelli, 2014] – этот троп предполагает замену нарицательного имени собственным на основании сходства или смежности (т. е. по сути предстает как разновидность метафоры или метонимии).

На основании изученных примеров можно сделать следующий вывод: все указанные тропы имеют отношение к прецедентным топонимам, однако активизируются на разных уровнях. На стадии перехода топонимов в категорию прецедентных имеет место метонимический перенос «место-событие»: например, *Капоретто* = поражение при Капоретто, *Каносса* = унижение в Каноссе и т. д. При дальнейшем употреблении в дискурсе основными являются механизмы метафоры и антономазии как частного случая метафоры. Вторичная номинация основана на подобии между описываемым явлением и культурным образом, который несет в себе данный прецедентный топоним: *Капоретто* обозначает кризис, *Корея* – спортивное поражение,

¹URL: <https://www.anordestdiche.com/cristo-si-e-fermato-anche-in-alentejo/>

²URL: <https://inchiostro.unipv.it/armeni/>

Рубикон – важный рубеж, *Эболи* – предел цивилизованности. Сочетания *le Caporetto degli altri* или заголовков «È la nostra Corea» – примеры антономазии. Использование образа вместо понятия привлекает внимание к проблеме, делает мысль автора более экспрессивной, а вместе с тем прозрачной, позволяет придать аксиологическую окраску происходящему (заведомо негативное восприятие событий, связанных с топонимами *Эболи*, *Капоретто*, *Корея*, и позитивное в случае с прецедентным топонимом *Рубикон*). Сочетание осязаемости, доступности для понимания и эмоциональности способствует более эффективному воздействию на адресата. Метафорическое употребление топонимов позволяет активировать интерпретативную деятельность реципиента: это своеобразная игра с читателем, основанная на идее «соучастия» [Гудков, 2020], причастности к одному культурному сообществу. Акцент на наличии общего культурного кода подспудно формирует в сознании читателя предпосылки для принятия позиции автора.

ДЕОНИМИЗАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТОПОНИМОВ В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Российские исследователи придерживаются убеждения, согласно которому прецедентные имена не могут считаться именами, перешедшими в категорию нарицательных, поскольку, несмотря на приобретенную понятийность, сохраняют связь с конкретным денотатом или ситуацией [Михайлова, Михайлов, 2017]. Гудков подчеркивает, что прецедентные имена отличаются от нарицательных имен, являющихся собственными по происхождению (таких как *меценат*, *мегера*, *гермафродит*, *ловелас* и т. д.), так как последние утратили связь с денотатом и не могут функционировать как свернутая метафора, в отличие от прецедентного имени [Гудков, 2020]. А. В. Терещенко указывает на промежуточное положение прецедентного имени между собственными и нарицательными, утверждая, что оно подвергается частичной апеллятивации [Терещенко, 2016].

Итальянские исследователи, напротив, говорят о нарицательности прецедентных имен [Caffarelli, 2014; D'Achille, 2019].

Прецедентный топоним *Капоретто*, будучи самым востребованным в дискурсе итальянских СМИ, позволяет разрешить поставленный вопрос. Э. Каффарелли, говоря о переходе топонима *Капоретто* в разряд имен нарицательных, обосновывает свою позицию такими формальными критериями, как наличие артикля, возможность употребления во множественном числе (*le Caporetto degli*

altri), наличие дериватов – *caporetiano*, *caporettaio*, *caporetlista* и т. д. Исследователь указывает на наличие слова *caporetto* (со строчной буквы) в итальянских толковых словарях. Мы считаем, что нельзя говорить о полной деонимизации данного топонима, подтверждением тому служат проанализированные газетные заголовки: во всех случаях *Caporetto* пишется с заглавной буквы, очень редко в итальянских источниках встречаются варианты написания со строчной, а в отдельных случаях *Caporetto* даже заключается в кавычки как культурная цитата. Это доказывает, что в сознании итальянского лингвокультурного сообщества связь с прецедентной ситуацией не потеряна: если бы это было так, то СМИ не эксплуатировали бы настолько широко данную метафору, топоним *Kanopetmo* просто утратил бы свой прагматический потенциал.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье проведен анализ системы прецедентных топонимов в итальянском языке, рассмотрены особенности их функционирования в дискурсе итальянских СМИ. Для каждого из топонимов выделено НДМП, показано, каким образом контекст статьи способен корректировать НДМП, подчеркивая те или иные его компоненты в зависимости от интенции автора статьи.

Прецедентные топонимы при употреблении в итальянском медиадискурсе всегда эмоционально окрашены, они используются для расстановки аксиологических акцентов. Употребление прецедентных топонимов делает рассматриваемое событие более рельефным и масштабным, позволяя автору газетной статьи навязывать свою оценку происходящего широкому кругу читателей. За счет привлечения внимания широкой общественности к поставленной проблеме прецедентные топонимы могут становиться рычагом воздействия, провоцируя определенную категорию реципиентов сообщения (например, политиков) на осуществление действий, принятие мер и т. д.

Прецедентные топонимы в языке итальянских СМИ рассматриваются как мощное образное средство, в основе их формирования и функционирования в дискурсе лежат метонимия, метафора, антономазия.

Рассмотрение вопроса о деонимизации прецедентных топонимов на материале итальянского языка показало, что данные топонимы сохраняют связь с прецедентной ситуацией и потому не могут считаться перешедшими в категорию нарицательных.

Перспективы исследования мы видим в рассмотрении системы прецедентных топонимов в итальянском языке с позиции культурологии – в качестве совокупности элементов, формирующих национальную идентичность итальянцев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Терещенко А. В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования. // Вестник ТПГУ. 2016. 11(176). С. 76–84.
2. Михайлова Ю. Л., Михайлов М. Р. Коннотативная окраска топонимов и особенности их функционирования в лексическом составе английского языка. // Гуманитарные исследования. 2017. №3. С. 69–71.
3. Левина Э. М. Может ли быть прецедентным топоним? // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58). Ч. 2. С. 115–119.
4. Ибрагим В. Ф., Мамонтов А. С. Метафоризация топонимов в русском и арабском языках: на материале российской и арабской прессы. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 536–553.
5. Шаповалова Е. О. Прецедентные имена собственных в итальянских медийных текстах как особые стилистические средства. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11 (65). Ч. 2. С. 164–167.
6. Caffarelli E. Lessicalizzazioni e transonimie nei toponimi teatri di battaglia. // Onomastica bellica Da Torino a Malta. – Msida: Malta University Publishing, 2014. P. 1–23.
7. Захарова А. Г. Специфика новых английских отпрецедентных имен с позиций концептуального подхода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 4 (885). С. 53–58.
8. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Едиториал УРСС, 2020.
9. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
10. D'Achille P. L'italiano contemporaneo. Bologna: Il Mulino, 2019.

REFERENCES

1. Tereshchenko, A. V. (2016). Precedentnye imena v sovremennom russkom i anglijskomazykah: status, semantika, osobennosti funkcionirovaniya = Precedent names in modern Russian and English languages: status, semantics, peculiarities of functioning. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 11(176), 76-84. (In Russ.)

2. Mihajlova, Yu. L., Mihajlov M. R. (2017). Konnotativnaya okraska toponimov i osobennosti ih funkcionirovaniya v leksicheskom sostave anglijskogo yazyka = Connotative coloring of toponyms and peculiarities of their functioning in the lexical composition of the English language. Humanitarian researches, 3, 69-71. (In Russ.)
3. Levina, E. M. (2016). Mozhet li byt' precedentnym toponim? = Can a toponym be precedent? Philology. Theory & Practice, 4 (58), part 2, 115-119. (In Russ.)
4. Ibragim, V. F., Mamontov, A. S. (2022). Metaforizaciya toponimov v rusском i arabском yazykah: na materiale rossijskoj i arabskoj pressy = Metaphorization of toponyms in Russian and Arabic languages: on the material of Russian and Arabic press. RUDN Journal of language studies, semiotics and semantics, vol. 13, 2, 536-553. (In Russ.)
5. Shapovalova, E. O. (2016). Precedentnye imena sobstvennye v ital'yanskih medijnyh tekstah kak osobyje stilisticheskie sredstva = Precedent proper names in Italian media texts as special stylistic means. // Philology. Theory & Practice, 11 (65), part 2, 164-167. (In Russ.)
6. Caffarelli, E. (2014). Lessicalizzazioni e transonimie nei toponimi teatri di battaglia. Onomastica bellica Da Torino a Malta. – Msida: Malta University Publishing, 1–23.
7. Zaharova, A. G. (2024). Specifika novyh anglijskih otprecedennyh imen s pozicij konceptual'nogo podhoda = Specificity of new English derivatives from precedent names from the standpoint of conceptual approach. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4 (885), 53-58. (In Russ.)
8. Gudkov, D. B. (2020). Precedentnoe imya i problemy precedentnosti = Precedent name and problems of precedence. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
9. Krasnyh, V. V. (2003). "Svoj" sredi "chuzhijh": mif ili real'nost'? = At home among strangers: myth or reality? Moscow: Gnozis. (In Russ.)
10. D'Achille P. (2019). L'italiano contemporaneo. Bologna: Il Mulino.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Муштанова Оксана Юрьевна

кандидат филологических наук
доцент кафедры романских языков имени Т. Э. Черданцевой
Московского государственного института международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

Иванова Агния Алексеевна

кандидат культурологии
старший преподаватель кафедры романских языков им. Т. Э. Черданцевой
Московского государственного института международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mushtanova Oxana Yurievna

PhD (Philology)
Associate professor at Romance Languages Department
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Ivanova Agniya Alekseevna

PhD (Cultural Studies)
Senior lecturer at Romance Languages Department
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	12.09.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	08.10.2024	
принята к публикации	21.10.2024	

Языковые средства описания внешности литературного героя: сопоставительный анализ на базе корпуса параллельных текстов

Д. В. Степанова¹, А. С. Яновская²

^{1,2}Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

¹daryastepanova79@gmail.com

²yanovska.nastya33@gmail.com

Аннотация. Цель настоящего исследования – выявить специфику построения моделей внешности литературного персонажа на основе сопоставительного анализа корпусов параллельных текстов. Основная цель осуществима при помощи современных методов обработки естественного языка. В качестве инструмента использовался самостоятельно разработанный авторами программный код на языке программирования Python, а также некоторые готовые программные решения, в частности, российский программный комплекс «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер». В результате разработана система признаков словесного портрета и выведена универсальная модель описания внешности литературного персонажа.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, корпус параллельных текстов, словесный портрет, детективный жанр, внешность литературного персонажа, сопоставительный анализ, русский язык, английский язык, испанский язык, белорусский язык

Для цитирования: Степанова Д. В., Яновская А. С. Языковые средства описания внешности литературного героя: сопоставительный анализ на базе корпуса параллельных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 112–120.

Original article

Linguistic Means of a Fictional Hero Appearance Description: a Comparative Analysis on the Basis of a Parallel Text Corpus

Darya V. Stepanova¹, Nastassia S. Yanovskaya²

^{1,2}Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

¹daryastepanova79@gmail.com

²yanovska.nastya33@gmail.com

Abstract. The present study aims to identify the specifics of constructing models of a fictional hero appearance based on a comparative analysis of parallel text corpora, which is achieved using modern methods of natural language processing. The tool used was a programming code developed by the authors in the Python programming language, as well as some ready-made software solutions, in particular, the Russian software package “Balanced Linguistic Corpus Generator and Corpus Manager”. As a result, a system of verbal portrait features was developed and a universal model for describing the appearance of a fictional hero was derived.

Keywords: corpus linguistics, corpus of parallel texts, verbal portrait, detective genre, appearance of a fictional hero, comparative analysis, Russian, English, Spanish, Belorussian

For citation: Stepanova, D. V., Yanovskaya, N. S. (2024). Linguistic means of describing the appearance of a literary hero: a comparative analysis on the basis of a parallel text corpus. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 112–120.

ВВЕДЕНИЕ

Интерпретация художественного текста с использованием лингвистических корпусов актуальна в наше время. Автоматизация процесса интерпретации художественного произведения способствует созданию более точных и объективных методов анализа литературных произведений, в частности, в отношении оценки качества его перевода и описания идиостиля автора [Баранов, Добровольский, 2024; Баранов, Добровольский, Фатеева, 2021; Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2022а; Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2022б].

В исследовании решаются следующие задачи:

- 1) отобрать программные решения для проведения автоматизированного сопоставительного анализа художественных текстов и определить основные этапы создания корпуса параллельных текстов;
- 2) выявить основные особенности создания словесного портрета героя в художественном произведении в рамках различных подходов;
- 3) разработать систему признаков описания внешности литературного персонажа на основе выявленных особенностей;
- 4) представить в формализованном виде исследовательский материал, осуществить выравнивание параллельных текстов с учетом структурных особенностей английского, испанского, русского и белорусского языков;
- 5) отобрать языковые единицы лексико-семантического поля «внешность человека» и распределить данные единицы по элементам системы признаков;
- 6) выявить сходства и различия в характеристиках моделей внешности литературного персонажа в тексте оригинала на английском языке и в текстах перевода на белорусский, русский и испанский языки.

Лингвистическим материалом исследования послужили художественные тексты: повесть Агаты Кристи «Dead Man's Mirror» (английский язык), ее переводы на русский («Последний из Чевеникс-Горов»), белорусский («Нябожчыкава люстэрка»), испанский («El espejo del muerto») языки. Тексты представлены в полном объеме. Создан лингвистический корпус объемом 86202 словоупотребления: 23646 – текст оригинала на английском языке; 19786 – текст перевода на русский язык; 20317 – текст перевода на белорусский язык; 22453 – текст перевода на испанский язык.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении корпусной методологии, а именно

в применении инструментов корпусной лингвистики для сравнительного анализа описания внешности литературного героя.

КОРПУС ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ТЕКСТА

Создание параллельного корпуса текстов представляет собой многоэтапный процесс, требующий тщательной и систематической обработки данных. Процесс создания параллельного корпуса начинается со сбора текстов на целевых языках. Тексты должны быть репрезентативными и разнообразными, чтобы обеспечить адекватное покрытие лексического и синтаксического разнообразия.

Повесть «Dead Man's Mirror» впервые была опубликована в сборнике «Murder in the Mews and Other Stories» в 1937 году как расширенная версия рассказа «The Second Gong», опубликованного в 1932 году в номере 499 журнала «Strand Magazine». Произведение входит в цикл «Эркюль Пуаро», относится к жанру классического английского детектива и переведено более чем на 30 языков. В созданный лингвистический корпус вошли следующие тексты переводов:

- русский язык: «Последний из Чевеникс-Горов» (1990 год, перевод В. Постникова);
- белорусский язык: «Нябожчыкава люстэрка» (1988 год, перевод П. Мартинович);
- испанский язык: «El espejo del muerto» (1962 год, перевод К. Перер дель Молино).

За сбором лингвистического материала следует этап выбора типа и объема исследуемого корпуса. На основе данного произведения создан *письменный литературный художественный статический многоязычный синхронический сбалансированный исследовательский лингвистический* корпус текстов. Для анализа художественной литературы часто используются сбалансированные корпуса, которые включают тексты всех или определенных произведений конкретного автора, либо даже работы писателей из одного литературного направления. Они позволяют проводить детальный анализ и интерпретацию художественных текстов, выявлять особенности стиля и тематики авторов, исследовать эволюцию их литературного творчества, а также анализировать характерные черты литературных направлений [Горожанов, Степанова, 2022].

Общий объем корпуса составил более 86 тыс. словоупотреблений, что, несомненно, затрудняет ручной анализ произведения и указывает на необходимость использования компьютерных технологий.

В нашем исследовании отдельным этапом выделен процесс фрагментации текста, т. е. разбиение

текста на отдельные блоки, в данном случае – предложения. Для иллюстрации возможностей существующих инструментов было принято решение использовать несколько приложений, предназначенных для работы с лингвистическими корпусами.

Одним из готовых продуктов такого типа является корпусный менеджер, основанный на модели реляционной базы данных для оперирования сбалансированным лингвистическим корпусом художественного произведения. Данный программный инструмент разработан в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета [Gorozhanov, Guseynova, Stepanova, 2024]. Корпусный менеджер выделил 2 тыс. 439 предложений в тексте оригинала и 2 тыс. 384 предложения в переводе на русский язык. Различие этих показателей несущественно.

Таким образом, был сделан вывод об относительной точности фрагментации текста корпусным менеджером. Наиболее существенной проблемой для данного программного инструмента стало выделение отдельных реплик диалога (в русскоязычном тексте) и прямой речи (в тексте оригинала) за счет пунктуационных различий в оформлении прямой речи в русском и английском языках (см. табл. 1):

Таблица 1

РАЗЛИЧИЯ ФРАГМЕНТАЦИИ ПРЯМОЙ РЕЧИ

id>0: [300] : “Gentlemen,” he said, “this door must be broken open immediately!”	id>0: [296] : – Джентльмены!
	id>0: [297] : – сказал он.
	id>0: [298] : – Нужно немедленно взломать дверь!

Указанная выше модель использует в качестве внутреннего инструмента библиотеку обработки естественного языка SpaCy. Не менее продуктивной платформой, используемой для разработки программ задач NLP на Python, является Natural Language Toolkit (NLTK). Она предоставляет простые в использовании интерфейсы к более чем 50 корпусам и лексическим ресурсам, таким как WordNet, а также набор библиотек обработки текста для классификации, токенизации, стемминга, тегирования, синтаксического анализа и семантических исследований, оболочки для профессиональных библиотек NLP и активный дискуссионный форум.

В качестве альтернативы готовому программному решению для решения задачи фрагментации текста можно использовать непосредственно библиотеку, например NLTK. Нами был написан программный код, соответствующий поставленной задаче, в ходе работы которого было выделено

2 тыс. 449, 2 тыс. 411, 2 тыс. 396, 2 тыс. 259 предложений в текстах оригинала, русского, белорусского и испанского языков соответственно. Такой подход позволяет легко обрабатывать текстовые файлы и разбивать их на предложения для дальнейшего анализа.

Выравнивание параллельных текстов

Важнейшим этапом создания корпуса является выравнивание текстов, где для каждой пары языков производится сопоставление текстовых фрагментов на уровне предложений. Этот этап является одним из наиболее трудоемких, поскольку требует учета различий в грамматике и структуре предложений между разными языками. Проведем обзор нескольких решений задачи выравнивания параллельных текстов.

В первую очередь, с целью сопоставительного анализа доступного программного обеспечения, предназначенного для работы с параллельными корпусами текста, использовано проприетарное (несвободное) программное обеспечение memoQ. Оно служит для автоматизированного перевода и предоставляет возможности использования терминологического словаря. С помощью означенной электронной программы можно также создавать корпус текстов в формате «исходник-перевод», работать со статистическими модулями сетевой базы данных, а также осуществлять перевод. (Он базируется на системе Translation Memory). Исходный документ и его перевод сегментируются на единицы перевода, а затем соответствующие единицы перевода сопоставляются с использованием статистических и лингвистических алгоритмов. Одной из функций программы является составление корпуса текстов, в том числе, параллельных, а также их автоматическое выравнивание (Text Aligning). Недостаток означенной системы проявляется, однако, в ограничении языков – таблиц соответствий составляется на основе только двух языков. В данном случае, таковыми являются английский и русский по причине их распространенности.

С помощью программы memoQ было выделено 2 тыс. 156 строк, результат ее работы оказался более несовершенным, нежели вывод корпусного менеджера. В приведенном ниже примере можно увидеть, насколько сильны несовершенства в соответствии предложений (рис. 2). MemoQ не справилась с выравниванием реплик диалога. Фрагментация проведена частично, границы составлены неверно, что нарушает смысловую целостность предложений.

Аналогичным программным обеспечением для выравнивания параллельных текстов на уровне

предложений является специализированный продукт LF Aligner. Он используется в переводческих и лингвистических исследованиях для создания выровненных корпусов текстов. Основные преимущества LF Aligner для нашего исследования – одновременная поддержка более чем двух языков и возможность вывода результата не только в формате TMX, но и стандартном файле XLS.

Исходя из вышеописанных подэтапов в выравнивании текстов, выделим некоторые сложности при работе с многоязычными корпусами текстов:

1. Тексты могут быть представлены в различных форматах как на этапе ввода, так и на этапе вывода результата выравнивания (.txt, .docx, .pdf и т.д.), что требует дополнительных усилий для их конвертации и нормализации.
2. Различные языки могут иметь различную структуру предложений, что затрудняет точное выравнивание.
3. Существующие алгоритмы выравнивания не всегда работают идеально, особенно для языков с сильно различающимися грамматическими структурами.
4. Для некоторых языков нет достаточного количества инструментов автоматической обработки текста (например, токенизаторов, лемматизаторов, теггеров POS) или качество существующих инструментов недостаточно высокое.

АНАЛИЗ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ВНЕШНОСТИ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

Одним из существенных этапов предобработки текста с целью последующей интерпретации является выделение непосредственных объектов анализа. В рамках данной работы было принято решение в пользу использования метода выделения именованных сущностей, Named-entity recognition (NER), – процесса идентификации в тексте слов или их сочетаний, которые обозначают объекты или явления некоторой категории, такие как названия организаций, имена людей и т. д. [Petasis et al., 2001; Красикова, 2024; Чжу, Митрофанова, 2024]. В данном случае под выделением именных сущностей будем подразумевать выделение персоналий.

В пределах поставленной задачи по автоматизированному выделению основных персонажей литературного произведения были написаны несколько программных кодов на Python с использованием библиотек SpaCy, NLTK, Stanza и Polyglot.

В первую очередь, следует проанализировать текст оригинала, представленный на английском

языке. С помощью библиотеки spaCy были получены списки ключевых персонажей повести:

1. Gervase Chevenix-Gore:	170
2. Hercule Poirot:	165
3. Ruth Chevenix-Gore (Lake):	69
4. Vanda Elizabeth Chevenix-Gore:	46
5. Riddle:	41
6. Miss Lingard:	36
7. Miss Cardwell:	34
8. Ogilvie Forbes:	31
9. Colonel Ned Bury:	14
10. Godfrey Burrows:	8
11. Captain John Lake:	9
12. Hugo Trent:	9
13. Mr Satterthwaite:	4

Исходя из списка частотности персонажей произведения, можно сделать следующие выводы:

1. Герои с наибольшей частотностью упоминаний, такие как Gervase Chevenix-Gore и Hercule Poirot, очевидно, являются главными персонажами и играют ключевую роль в сюжете, так как Gervase Chevenix-Gore – жертва убийства, Hercule Poirot – детектив.
2. Ruth Chevenix-Gore и Vanda Elizabeth Chevenix-Gore связаны сюжетом друг с другом, так как они являются приемными дочерью и матерью соответственно.
3. Персонажи, у которых относительно низкая частотность упоминаний, такие как Colonel Ned Bury и Godfrey Burrows, могут играть менее значительные роли в сюжете или вступают в него на определенных этапах.
4. Некоторые персонажи, например, Riddle и Miss Lingard, могут быть важными для развития сюжета, учитывая относительно высокую частотность их упоминаний.
5. Встречающиеся реже персонажи, такие как Captain John Lake и Mr Satterthwaite, могут быть связаны с определенными ключевыми моментами сюжета или представлять определенные аспекты истории, но, вероятнее всего, не влияют на финальную разгадку.

Для работы с белорусским, русским и испанским языками были использованы библиотеки и Polyglot, NLTK и Stanza соответственно. Так, обнаружилось, что особенностью библиотеки Stanza является то, что при выводе результатов кроме непосредственных имен персонажей выдается также их титулы, должностные характеристики и вежливые обращения: *inspector, señorita, señor, señora, lord, mademoiselle, coronel*. Также было отмечено, что Stanza выделяет повелительное наклонение в качестве именованной сущности, если оно стоит

в начале предложения и, соответственно, пишется с заглавной буквы: *Oiga, Vamos, Llévense, Créame*.

Особенностью библиотеки Polyglot, являющейся решающей при отборе программных инструментов для белорусского языка, является актуализация множества редких языков, которые не всегда поддерживаются в других библиотеках для NLP. NLTK может работать медленнее, нежели другие современные библиотеки, такие как spaCy. Для работы многих функций NLTK необходимо загружать дополнительные ресурсы и корпуса, что может быть неудобно. Именно поэтому данная библиотека используется для обработки текста на русском языке, где не требуется подключение дополнительных модулей.

Получив списки на выводе из программ, разработанных для русского и белорусского языков,

сопоставив их с имеющимися списками имен литературных персонажей, получим языковые соответствия именованных сущностей – основных персоналий произведения (см. табл. 2).

В ходе анализа литературных произведений и изучения образов героев одной из важных задач является выделение лексических единиц, описывающих их внешность. Отбор таких лексических единиц играет ключевую роль в создании живого и наглядного образа литературного героя.

В первую очередь, вручную был проведен отбор словоупотреблений и коллокаций, служащих для описания каждого литературного героя по отдельности. Фрагменты распределения лексических единиц по каждому персонажу представлены ниже (см. табл. 3).

Таблица 2

ЯЗЫКОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ ПОВЕСТИ

Английский язык	Испанский язык	Русский язык	Белорусский язык
Gervase Chevenix-Gore	Gervasio Chevenix-Gore	Джервас Чевеникс-Гор	Гервазы Шэвені-Гарэ
Hercule Poirot	Hércules Poirot	Эркюль Пуаро	Эркюль Пуаро
Ruth Chevenix-Gore	Ruth Chevenix-Gore	Рут Чевеникс-Гор	Рут Шэвені-Гарэ
Vanda Elizabeth Chevenix-Gore	Vanda Chevenix-Gore	Ванда Джервас Чевеникс-Гор	Ванда Шэвені-Гарэ
Major Riddle	Mayor Riddle	Майор Ридл	Маёр Рыдл
Miss Lingard	señorita Lingard	мисс Лингар	міс Лінгард
Susan Cardwell	Susana Cardwell	Сюзан Кардуэлл	Сьюзен Кардвэл
Ogilvie Forbes	Oswaldo Forbes	Освальд Форбс	Освальд Фобз
Colonel Bury	coronel Bury	полковник Бэри	палкоўнік Бэры
Godfrey Burrows	Godfrey Burrows	Годфри Бэрроус	Годфры Бараўз
John Lake	John Lake	Джон Лейк	Джон Лэйк
Hugo Trent	Hugo Trent	Хьюго Трент	Хьюга Трэнт
Mr Satterthwaite	señor Satterthwaite	мистер Сэттертуэйт	містэр Сэтазвэйт
Snell	Snell	Снелл	Снэл

Таблица 3

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ПЕРСОНАЖАМ

Персонаж	Английский язык	Испанский язык	Русский язык	Белорусский язык
Vanda Chevenix-Gore	quite a handsome woman	una mujer atractiva	довольно красивая женщина	прыгожая жанчына
	frightfully vague	terriblemente incierta	ужасно рассетшая	
	wears amulets and scarabs	lleva amuletos y escarabajos	носит амулеты скарабеев	носіць амулеты і скарабеяў
	tall woman	una mujer alta	высокая женщина	высокая жанчына
	dark hair was threaded with gray	cabellos oscuros con hebras de plata	темные волосы были подернуты сединой	сіваватая
	flattish, indeterminate features	las facciones imprecisas	плоские мягкие черты	дробныя, невыразныя рысы
	She was wearing an oriental-looking garment of purple and orange silk wound tightly round her body.	Vestía una túnica de aspecto oriental de seda morada y naranja, ceñida alrededor de su cuerpo.	Ее тело плотно облегло восточное с виду одеяние из пурпурно-оранжевого шелка.	Яна была апранута ў нейкі ўсходні ўбор пурпурова-аранжавага шоўку, які туга аблягаў яе цела.
	Her face was serene and her manner collected and calm.	Su rostro estaba sereno y sus ademanes eran quietos y pausados.	На лице – безмятежное выражение, манеры – спокойные, собранные.	Твар яе быў спакойны, і ўся яна была спакойная і засяроджаная.

Исходя из полученных характеристик, можно сделать следующие выводы:

- 1) внешность персонажей женского пола проработана гораздо четче, что указывает на создание образов сильных женских персонажей;
- 2) некоторые описательные элементы, не являющиеся типичными и присутствующие в тексте оригинала, упускаются переводчиками: *intelligent eyes, egg-shaped head*;
- 3) описание внешности жертвы значительно выделяется на фоне «живых» персонажей. Джерваса Чевеникс-Гора Агата Кристи описывает подобно объекту, а не литературному персонажу;
- 4) описание внешности убийцы отличается недостаточным количеством оценочных элементов вопреки выдвинутой гипотезе. Однако, автор, как и в случае с жертвой, пренебрежительно объективизирует личность персонажа посредством описания внешности: *funny old thing*;
- 5) главные участники фабулы «расследование» (*Hercule Poirot, Major Riddle*) не имеют развернутого словесного портрета, в отличие от персонажей фабулы «преступление».

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ, ОПИСЫВАЮЩИЕ КАТЕГОРИЮ ВНЕШНОСТИ

Значимый аспект анализа словесного портрета заключается в исследовании лингвистических средств, содействующих успешному формированию целостного образа персонажа. Так, И. Я. Чернухина выделяет категорию персонажа в качестве «универсальной смысловой категории художественного текста» [Чернухина, 1987], а его языковую реализацию – одной из задач лингвистики текста. Литературного героя целесообразно поделить на следующие категории:

- элементы неотъемлемой идентичности персонажа – черты лица, части тела, позы, жесты, мимика, движения и возраст;
- одежда и ее описания [Галанов, 1967].

Совокупность лексических категорий создания словесного портрета характеризуется как лексико-семантическое поле «внешность человека». Оно включает в себе отдельные семантические микрополя: черты лица, части тела, одежда и т. д. Из числа наиболее распространенных частей речи, участвующих в формировании поля внешности выделяются существительные (*face, hair, mouth, lips, cheeks, jaw, body, posture, built, etc*), прилагательные (*tall, short, slim, muscular, pale, green, rough, pink, charming*),

глаголы (*to be, to be painted, to wear, to gaze, to radiate, to decorate*) и наречия (*darkly, heavily, constantly*) [Малетина, 2007].

На основе полученных данных обнаруживаются следующие признаки, являющиеся микрополями и подкатегориями в общем словесном портрете:

1. Элементы неотъемлемой идентичности персонажа: черты лица, части тела, волосы, возраст, рост, телосложение, отличительные черты внешности, общая оценка образа.
2. Одежда и ее атрибуты.

Отметим, что данная структура лексико-семантического поля внешности разработана на фактическом материале, что ни в коей мере не противоречит общепринятым теоретическим аспектам, а только дополняет существующие положения в контексте избранного литературного произведения.

На основе полученных результатов, были сделаны следующие выводы:

1. В английском и русском языках описания могут быть более детализированными и содержать дополнительные художественные элементы, тогда как в испанском и белорусском такие описания могут быть более сжатыми.
2. Описания в русском языке могут содержать неформальные элементы, например, *старушенция*, что придает тексту разговорный оттенок.
3. Многие термины имеют прямые переводы на все четыре языка, что делает описание внешности интуитивно понятным независимо от языка, например: *tall – alta – высокая – высокая*.
4. Описания черт лица имеют различный стилистический окрас. В английском языке – *flattish, indeterminate, serene, well-chiseled nose, aquiline* – используются лексемы, нетипичные для данного контекста, в русском и белорусском языках используются более нейтральные и типичные характеристики – *плоские, мягкие, безмятежное, точеный, орлиный нос – дробная, невыразная, спакойны, вытачаны, арліны нос*.

Сделанные выводы подчеркивают важность сопоставительного анализа описаний внешности литературных героев на разных языках и раскрывают разнообразие языковых и культурных особенностей в описании персонажей.

Более того, детальные описания внешности создают определенное впечатление о персонаже и могут влиять на восприятие читателем его характера. Например, описание *пожилой человек маленького*

роста создает образ некоего скромного и неприемлемого, в то время как *очаровательная девушка в современном стиле* может сформировать позитивный отклик и повлиять на целостное восприятие персонажа.

Учитывая все вышеизложенное, созданы многоязычные словесные портреты основных персонажей. На основе их обобщения и созданной системы признаков разработана универсальная модель описания внешности литературного героя, представленная в виде формулы.

- [Имя героя] – [возрастная категория], [общая оценочная характеристика].
- [Рост], [телосложение], [цвет волос], [прическа], [особенности лица]: [форма носа], [линия подбородка], [глаза (цвет, форма, выражение)].
- [Общий стиль одежды и аксессуары]: [тип одежды], [цвет одежды], [аксессуары].
- [Дополнительные особенности]: [уникальные черты], [особенности поведения], [общий стиль].

Формула описания внешности литературного героя может быть полезна для систематизации описания внешности героя, обеспечивая комплексный и детализированный портрет, который легко адаптировать к различным литературным персонажам. Ее использование позволяет поддерживать единый стиль и уровень детализации при описании различных персонажей, что способствует целостности и согласованности повествования. Более того, описания подобного рода могут быть использованы для создания визуальных образов персонажей, соответствующих авторскому замыслу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование продемонстрировало, что методы корпусной лингвистики и автоматизированного анализа текста обладают значительным потенциалом для решения задач лингвистического и литературного анализа. Они позволяют не только глубоко и всесторонне изучить тексты, но и автоматизировать процессы, которые ранее требовали значительных временных и человеческих ресурсов.

Существующие программные средства для создания параллельного корпуса текстов все еще несовершенны. К основным проблемам эксплуатации таких инструментов можно отнести качество автоматического выравнивания по причине различий в структуре, длине предложений, а также отсутствие данных и ресурсов для работы с непопулярными языками.

Описание внешности персонажей отражает социокультурный контекст произведения и эпохи, в котором они действуют. Все персонажи характеризуются в соответствии с их внешним видом, что позволяет читателям сформировать визуальное представление о них. В описаниях указывается возраст, особенности внешности (рост, форма головы, цвет волос и т. д.), а также некоторые дополнительные детали, такие как ношение украшений или отличительные черты характера.

Продолжение исследований в этой области может привести к еще более широкому внедрению технологий автоматизированного анализа текста в различных сферах гуманитарных наук, а также к оптимизации существующих инструментов обработки естественного языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Авторские особенности идиоматики в художественных текстах XIX века // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 1. С. 11–23. DOI: 10.31912/pvrl-2024.1.1. EDN JBETAS.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Фатеева Н. А. Идиостиль Ф. М. Достоевского: направления изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 374–389. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-2-374-389. EDN QGGQJP.
3. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Инструментарий автоматизированного анализа перевода художественного произведения // Вопросы прикладной лингвистики. 2022а. № 45. С. 62–89. DOI: 10.25076/vpl.45.03. EDN IWBHQI.
4. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смок и Малыш») // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2022б. № 4(119). С. 7–13. EDN PXAVUX.
5. Горожанов А. И., Степанова Д. В. Интерпретация художественного произведения: корпусный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 1. С. 203–208. EDN TCZLAF.
6. Gorozhanov A. I., Guseynova I. A., Stepanova D. V. Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 1. С. 195–210. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210. EDN FKVAOI.

7. Petasis G. et al. Using Machine Learning to Maintain Rule-based Named-Entity Recognition and Classification Systems // ACL '01: Proceedings of the 39th Annual Meeting on Association for Computational Linguistics. 2001. P. 426–433.
8. Красикова Е. А. Роль корпусного менеджера в анализе употребления имен собственных в текстах электронных СМИ (на примере англоязычного корпуса CNN) // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сборник научных трудов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 45–49. EDN JPRHAE.
9. Чжу Х., Митрофанова О. А. Автоматическое выделение именованных сущностей в китайско-русском корпусе параллельных и сопоставимых текстов политической тематики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 9. С. 3030–3042. DOI 10.30853/phil20240430. EDN GPIUBV.
10. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 1987.
11. Галанов Б. Е. Искусство портрета. М.: Просвещение, 1967.
12. Малетина О. А. Функционально-коммуникативный подход к изучению словесного портрета в художественном произведении // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2007. Вып. 6. С. 154–157. EDN KDNMKB.

REFERENCES

1. Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O. (2024). Specific features of author's idioms in Russian literary texts of the 19th century. Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute, 1, 11–23. 10.31912/pvrl-2024.1.1. EDN JBETAS. (In Russ.)
2. Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O., Fateeva, N. A. (2021). Individual style of Dostoevsky: dimensions of investigation. RUDN journal of language studies, semiotics and semantics, 12(2), 374–389. 10.22363/2313-2299-2021-12-2-374-389. EDN QGGOJP. (In Russ.)
3. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2022a). Tools for automated analysis of fiction work translation. Issues of applied linguistics, 45, 62–89. DOI: 10.25076/vpl.45.03. EDN IWBHQI. (In Russ.)
4. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2022b). Standardized procedure for obtaining statistical parameters of a text (on the material of the stories by J. London "Smoke Bellew. Smoke and Shorty"). Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology, 4(119), 7–13. EDN PXAVUX. (In Russ.)
5. Gorozhanov, A. I., Stepanova, D. V. (2022). Work of fiction interpretation: corpus approach. Philology. Theory & Practice, 1(15), 203–208. EDN TCZLAF. (In Russ.)
6. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2024). Natural Language Processing and Fiction Text: Basis for Corpus Research. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics, 15(1), 195–210. 10.22363/2313-2299-2024-15-1-195-210. EDN FKVAOI.
7. Petasis, G. et al. (2001). Using Machine Learning to Maintain Rule-based Named-Entity Recognition and Classification Systems. ACL '01 (pp. 426–433): Proceedings of the 39th Annual Meeting on Association for Computational Linguistics.
8. Krasikova, E. A. The role of the corpus manager in analyzing the use of proper names in electronic media texts (on the material of the English-speaking CNN corpus). Filologicheskie nauki v xxi veke: aktual'nost', mnogopolyarnost', perspektivy razvitiya = Philological sciences in the 21st century: relevance, multipolarity, development prospects (pp. 45–49). Conference papers. Krasnodar: Kuban State University. 2024. EDN JPRHAE.
9. Zhu, H., Mitrofanova, O. A. (2024). Automatic extraction of named entities in the Chinese-Russian corpus of parallel and comparable texts on political topics. Philology. Theory & Practice, 17(9), 3030–3042. 10.30853/phil20240430. EDN GPIUBV. (In Russ.)
10. Chernukhina, I. Y. (1987). Obshchie osobennosti poeticheskogo teksta = General features of a poetic text. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU. (In Russ.)
11. Galanov, B. E. (1967). Iskusstvo portreta = The art of the portrait. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
12. Maletina, O. A. (2007). Functional-communicative approach to the study of verbal portrait in a work of fiction. Volgograd State University Bulletin. Series 2. Yazykoznanie, 6, 154–157. EDN KDNMKB. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Степанова Дарья Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент

начальник учебно-методического управления Минского государственного лингвистического университета

Яновская Анастасия Сергеевна

преподаватель
кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Stepanova Darya Valeryevna

PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Educational and Methodological Department
Minsk State Linguistic University

Yanovskaya Anastassia Sergeevna

Lecturer
at the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	29.09.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.10.2024	
принята к публикации	21.10.2024	

Об англицизмах-прецедентных феноменах в заголовках статей (на материале современной французской прессы)

А.Н. Шумакова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ashumakova@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются заимствования из английского языка в современной французской прессе. Цель исследования – выявить особенности функционирования прецедентных феноменов-англицизмов в заголовке. На материале статей из журнала «L'Obs» рассматриваются виды прецедентных феноменов-англицизмов в заголовках, анализируются особенности их употребления и функции заголовков с заимствованиями. Применяются метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа и контекстуального анализа. Анализ показывает, что в заголовках наиболее распространены англицизмы-прецедентные высказывания. Заголовки с трансформированными прецедентными феноменами отличаются экспрессивностью и информативностью, что позволяет автору привлечь внимание читателя и более четко выразить свою мысль.

Ключевые слова: французский язык, «L'Obs», язык СМИ, заголовок, заимствование, англицизм, прецедентный феномен, окказиональная трансформация

Для цитирования: Шумакова А. Н. Об англицизмах-прецедентных феноменах в заголовках статей (на материале современной французской прессы) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 121–126.

Original article

On English Loanwords-precedent Phenomena in the Titles of Articles (Based on the Present-day French News Magazines)

Anastasiya N. Shumakova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ashumakova@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on the use of English loanwords in the titles of articles in the present-day French periodicals. The aim of the study is to examine functional features of English loanwords considered as precedent phenomena in the titles of articles. Based on articles from the magazine “L'Obs”, the types of English loanwords-precedent phenomena in titles are considered, the particularities of their use and the functions of titles with precedent phenomena are analyzed. The dictionary definition analysis, the component analysis and the contextual analysis methods are applied. The analysis shows that Anglicisms-precedent statements are most common in the titles of articles. The use of occasionally transformed precedent phenomena results in the expressiveness and increased informational value of titles that allows attracting readers' attention and expressing more clearly the author's point of view.

Keywords: French, L'Obs, media discourse, title, loanword, Anglicism, precedent phenomenon, occasional transformation

For citation: Shumakova, A. N. (2024). On English loanwords-precedent phenomena in the titles of articles (based on the present-day French news magazines). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 121–126. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Один из самых важных компонентов печатного текста в СМИ – это заголовок, так как именно с него начинается знакомство читателя с публикацией. Чтобы заинтересовать читателя, заголовок должен быть оригинальным. Это качество появляется у заголовка, в том числе, благодаря использованию экспрессивных лексических средств, среди которых – прецедентные феномены (далее – ПФ), т. е. «единицы, которые знакомы большинству представителей лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [Гудков, 1997, с. 102]. ПФ, среди которых выделяют прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена и прецедентные ситуации, называют лингвокультурным средством воздействия [прив. по: Ханина, 2016], так как они содержат культурный компонент. Обращение к ПФ позволяет актуализировать знания и представления, связанные с прошлым культурным опытом языкового сообщества. Для привлечения внимания аудитории часто используют ПФ, расшифровка которых доступна массовой аудитории, единицы, знакомые каждому носителю культуры. Именно благодаря интертекстуальности ПФ оказывают воздействие на эмоциональную сферу читателя.

При этом в современной французской прессе можно увидеть ПФ с необычным компонентным составом, связанным не только с французской культурой, но и с культурой англоязычных стран, а также общемировой. Речь идет о ПФ-англицизмах. Под англицизмом понимают «влияние английского языка на любом уровне языковой системы» [Candel, Humbley, 2017, с. 9], в данном случае – на лексическом уровне. Прагматический потенциал англицизмов связан с необычностью их звучания, ощущением новизны.

Учитывая сказанное выше, мы решили рассмотреть ПФ-англицизмы в заголовках французской прессы. Тема представляется актуальной, так как для языка современных французских СМИ характерно употребление англицизмов. Задачи исследования – определить виды ПФ-англицизмов в заголовках, рассмотреть особенности их использования, проанализировать функции заголовков с заимствованиями. Новизна исследования определяется тем, что анализ проведен на материале заголовков из еженедельного журнала «L'Obs» за 2017–2023 годы. В ходе анализа было рассмотрено более 100 заголовков с ПФ-англицизмами, отобранными методом сплошной выборки. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты можно применять на

практических занятиях по французскому языку и на занятиях по переводу в группах студентов лингвистических специальностей.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ-ПФ В ЗАГОЛОВКАХ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

Виды ПФ-англицизмов в заголовках статей

Как показал проведенный анализ, в большинстве случаев речь идет о прямых заимствованиях, т. е. ПФ-англицизм употребляется на английском языке. Например, «Love me tender» (песня Э. Пресли). К ПФ-англицизмам также можно отнести заимствования-кальки: «Trois hommes et un canot» (исходная фраза – «Three men in a boat», название произведения К. Джерома, «La case de l'oncle Trump» (исходная фраза – «Uncle Tom's Cabin», название произведения Г. Бичер-Стоу).

Как показал собранный материал, подавляющее большинство ПФ-англицизмов составляют прецедентные высказывания (ПВ). ПВ – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности»; оно «неоднократно воспроизводится в речи носителей языка» [Гудков, 2003, с. 107]. Это достаточно широкое понятие, включающее цитаты из текстов разного типа, афоризмы, названия произведений художественной литературы, песен и др.

Можно выделить ПВ следующих групп:

- названия песен («It's only rock'n'roll» – название песни М. Джаггера, «Goa rhapsodie» – обращение к песне Ф. Меркьюри «Bohemian rhapsodie»);
- цитаты из песен («God bless America» – обращение к первой строке гимна Великобритании «God save the Queen», «Hello, Dolly»);
- названия фильмов («Out of Africa» – фильм С. Поллака, телесериал «Orange is the new black»);
- устойчивые словосочетания (*Dream team* – команда мечты, *game over* – игра окончена).

Использование ПФ-англицизмов в заголовках в узуальной форме

Анализ показывает, что англицизмы-ПФ используются в заголовках как в узуальной, так и в измененной форме. Например, в заметке, озаглавленной «Show must go on», можно увидеть крылатую фразу, пришедшую из шоу-бизнеса, которая стала известной благодаря одноименной песне Ф. Меркьюри. Эта фраза означает, что шоу должно продолжаться для ожидающих зрителей, что бы ни случилось, жизнь должна идти дальше. Заголовок связан с содержанием заметки, где говорится о книге Т. Вермеша

(Timur Vermes) «Les affamés et les rassasiés», героиня которой, ведущая немецкого реалити-шоу, оказывается в Африке, в большом лагере беженцев, где у нее начинается роман с одним из поселенцев. Рейтинги передачи резко растут, а избранник ведущей понимает, что может выбраться из лагеря, если воспользуется моментом и привлечет к себе внимание. С этой целью вместе с 150 тысячами беженцев он организует поход в Германию, который будет освещаться в реалити-шоу. По мере того, как беженцы приближаются к своей цели, страсти накаляются. Можно предположить, что заголовок отражает не только реалии шоу-бизнеса (шоу должно продолжаться в любой ситуации), но также показывает решительность персонажей книги.

Статья под заголовком «Hello, Dolly!» (*L'Obs.* 16.11.2023) посвящена новому альбому знаменитой американской кантри-певицы Долли Партон (Dolly Parton). Автор отмечает, что Д. Партон очень популярна в США, и перечисляет многочисленные заслуги певицы. Например, именно она впервые исполнила песню «I Will Always Love You», которая впоследствии принесла известность У. Хьюстон. При этом во Франции творчество Д. Партон не слишком известно, и автор статьи полагает, что данную ситуацию необходимо изменить (*Il est temps que ça change!*). Вынесенная в заголовок известная фраза «Hello, Dolly!» (букв. 'Привет, Долли!') – название песни, написанной Джерри Херманом в 1963 году для одноименного мюзикла. Композиция получила мировую известность после ее исполнения Луи Армстронгом (1964), поэтому фраза достаточно популярна. С помощью этой фразы, выражающей неформальное приветствие, автор статьи символически приглашает певицу во Францию, показывая, что французы готовы познакомиться с ее творчеством. Дополнительный эффект достигается благодаря тому, что у певицы то же имя, что и во фразе (*Dolly*).

Трансформация ПФ-англицизмов в заголовках

При этом ПФ-англицизмы используются не только в исходной форме. Они часто подвергаются окказиональным преобразованиям. Самым распространенным способом преобразования оказалась замена компонента. В собранном материале этот вид преобразования чаще всего наблюдался у фразы *God save the Queen* – *Боже, храни королеву!* Это первая строка гимна Великобритании выражает желание здоровья и благополучия; она хорошо известна, поэтому даже при замене одного из компонентов легко восстановить ее смысл. Часто заменяется последний компонент фразы, благодаря чему заглавие точнее отражает смысл статьи:

- *God save Posy* (*L'Obs.* 16/11/2023). Posy Simmonds – известный британский иллюстратор, автор комиксов.
- *God save the Queens* (*L'Obs.* 07.09.2017). В данном случае обыгрывается компонент *queen* – *королева* и название музыкальной группы «Queens of the Stone Age», новому альбому которой посвящена заметка. Автор рецензии отмечает плюсы и минусы альбома и в целом оценивает его положительно, что видно из контекста, например, музыкального продюсера альбома Марка Ронсона он называет *le sorcier des studios* – *волшебник студий*, подчеркивая его мастерство. Выбор заголовка с положительной коннотацией позволяет четче выразить мнение автора.

В основе заголовка «Orange is the new color» (*L'Obs.* 06.07.2023) лежит название популярного американского телесериала «Orange is the new black». В заметке говорится о новом виде вина – оранжевом вине. Термин «оранжевое вино» появился в 2004 году, этот напиток определяют как вино из белых сортов винограда, сделанное по технологии красного. Оранжевый цвет у напитка создается благодаря особой технологии производства. Чтобы познакомить читателя с новинкой, автор заметки использует название известного сериала. Отметим, что в английском фраза *is the new black* используется в области моды, чтобы обозначить новую модную тенденцию или новый цвет. В результате замены компонента *black* на элемент *color* фраза приобретает новый смысл (букв. 'оранжевый – новый модный цвет'). С ее помощью автор сообщает, что к традиционным цветовым категориям (красные, белые, розовые вина) добавилась еще одна – оранжевое вино. Замена компонента позволяет показать, что оранжевое вино становится популярным. Эта мысль поясняется подзаголовком:

...ce blanc de macération a désormais toute sa place dans les repas estivaux – ...у этого вина отныне законное место в летнем меню.

Таким образом, обращение к названию популярного сериала позволяет привлечь внимание читателя, а с помощью замены компонента автор информирует читателя о новинках в области напитков.

В результате замены компонента часто возникают заголовки, состоящие из английских и французских слов: *Back to the passé* (*L'Obs.* 04.04.2019). В данном случае можно увидеть ПФ-название фильма американского режиссера Роберта Земекиса «Назад в будущее» – «Back to the future». Заметка посвящена роману «Le petit paradis» писательницы Джойс Кэрол Оатс. Это фантастический

роман, действие которого происходит в вымышленной Америке, при этом главная героиня вынуждена отправиться в прошлое. Благодаря использованию в заголовке прецедентного феномена-названия фильма «Back to the future» можно еще до знакомства с заметкой понять, что речь пойдет о чем-то, связанном с фантастикой, о перемещениях во времени. Приведенный ассоциативный ряд связан с американским фильмом. Замена компонента *future* – будущее на *passé* – прошлое делает заголовок необычным, потому что в одной фразе сочетаются слова разных языков, и уточняет смысл заголовка, так как героине предстоит вернуться в прошлое. Отметим также, что в трансформированном заголовке подчеркивается идея о возвращении в прошлое, потому что английское слово *back* – назад и французское слово *passé* – прошлое предполагают обращение к прошлому.

Замена компонента в некоторых случаях приводит к игре слов, при этом иногда эта игра основана на сходстве двух английских заимствований. Так, заметка о новом альбоме американской рок-певицы Лиз Фэр озаглавлена «My Phair Lady» (*L'Obs.* 10.06.2021). Заголовок отсылает к названию мюзикла «My fair lady» («Моя прекрасная леди») по произведению Б. Шоу «Пигмалион». Автор обыгрывает схожие по звучанию англицизмы *fair* – прекрасный и *Phair* – фамилию певицы, благодаря чему заголовок привлекает внимание читателя. В некоторых работах отмечается, что игра с прецедентными феноменами позволяет выразить оценку, адресованную персонажам публикации [Ханина, 2016]. В рассматриваемом примере также можно увидеть авторскую оценку. Лиз Фэр – представительница феминизма в музыке (*un coup de pied dans la fourmilière male du rock*), что выражается в слове *lady*. При этом, на наш взгляд, в заголовке чувствуется ирония автора, потому что, в отличие от героини мюзикла, которую учили правильной речи и манерам поведения в высшем обществе, для Лиз Фэр характерны смелые высказывания и действия, о чем свидетельствует контекст (*sa langue crue, sa sincérité brute, des provoccs, une audace*). Таким образом, благодаря игре слов с участием прецедентного феномена заглавие привлекает внимание, а также является средством выражения авторской оценки.

Другой способ окказиональной трансформации прецедентных феноменов – добавление компонента. Так, в заголовке «To be or not to be Amleth?» (*L'Obs.* 12.05.2022) можно увидеть знаменитый риторический вопрос из трагедии У. Шекспира «Гамлет» – «Быть или не быть?» Заметка опубликована в разделе, посвященном новым кинофильмам, в рубрике «Débat» – «Обсуждение». В этой рубрике представлены рецензии с положительной и

отрицательной оценкой нового фильма режиссера Роберта Эггерса (Robert Eggers) «The Northman». Фильм основан на легенде о принце по имени Amleth, история которого в свое время вдохновила У. Шекспира на создание «Гамлета». Однако режиссер перенес действие в эпоху викингов, что вызвало противоречивые мнения у критиков. Некоторые задаются вопросом, нужно ли было снимать такой фильм. Это отражено в заголовке с помощью прецедентного высказывания «To be or not to be», дополненного именем главного героя фильма Amleth. В преобразованном заголовке читатель без труда сможет определить фразу из произведения У. Шекспира, чему способствует и добавленный элемент Amleth, созвучный названию трагедии «Hamlet». Таким образом, с помощью прецедентного высказывания, вызывающего ассоциации с литературным произведением, автор приглашает читателя к размышлениям о новом фильме, а добавленный элемент отражает содержание фильма. Также благодаря трансформированному прецедентному феномену можно предположить, о чем пойдет речь, до знакомства с заметкой.

Заголовки с калькированными прецедентными феноменами

Как мы писали выше, кроме прямых заимствований, в заголовках используются кальки английских выражений. Например, в заголовке «Une Frenchie à New York» (*L'Obs.* 13.06.2019) можно увидеть кальку названия известной песни Стинга «Englishman in New York». Напомним, что персонаж песни – англичанин, оказавшийся в Нью-Йорке. У него хорошие манеры, он стильно одет, однако при этом он сильно отличается от местных жителей. Благодаря ассоциациям с песней, герой которой – англичанин, оказавшийся в Нью-Йорке, заголовок позволяет понять, что действие разворачивается в Нью-Йорке. Статья посвящена книге французской писательницы Шанталь Тома (Chantal Thomas). Шанталь Тома, автор исторических романов, описывает современный Нью-Йорк, который, как отмечает автор заметки, она посетила впервые во времена божественной юности. Как и персонаж песни Стинга, Шанталь Тома оказалась в городе, где для нее всё необычно (*évidemment, tout a changé*), но она пытается оживить свои воспоминания. Автор заметки подчеркивает, что писательница делает это с присущим ей стилем (*l'exercice de style où elle excelle*), это сближает ее с персонажем песни Стинга. Форма *Frenchie* – французенка, носящая в английском языке разговорный характер, показывает симпатию автора к Ш. Тома и ее творчеству. Таким образом, в данном случае благодаря трансформации прецедентный феномен-англицизм

позволяет передать не только настроение героя публикации, но и служит средством авторской оценки.

В публикации под названием «Certains l'aiment chaud» (*L'Obs.* 23.12.2021) говорится о горячих напитках, которые набирают популярность зимой. В заголовке можно увидеть калькированное название известного американского фильма «Some like it hot» (1959, реж. Б. Уайлдер, в советском прокате – «В джазе только девушки»). В оригинале компонент *hot* (*горячий, энергичный*) употреблен в переносном значении и характеризует джаз, который исполняла в фильме музыкальная группа. Напомним, что этот фильм был очень популярен, участие в нем принесло славу актрисе Мэрилин Монро. Прилагательное *chaud* во французском употребляется в значениях «горячий (от повышенной температуры)» и «страстный, увлеченный». Можно предположить, что до знакомства с заметкой читатель обратит внимание именно на переносное значение прилагательного, потому что заголовок вызовет ассоциации с американским фильмом. Однако уже из подзаголовка («A vos shakers, les “hot drinks” sont de retour!») становится ясно, что компонент *chaud* употреблен в своем прямом значении – горячий. Такое обыгрывание исходной английской фразы создает иронию. Кроме этого, многие из напитков, о которых говорится в заметке, – пунш, эггног, коктейли на основе виски и др. – появились в англоязычных странах, поэтому заимствование передает местный колорит.

В статье «Faut-il sauver le soldat Atos?» (*L'Obs.* 07.09.2023) говорится о сложном положении французской компании «Atos», которая представляет услуги в области информационных технологий. Как следует из статьи, это единственный изготовитель суперкомпьютеров в Европе. Однако из-за долгов, скачков акций на бирже у компании возникли значительные трудности. Автор статьи подробно рассказывает о них и поясняет возможные варианты решения. В заголовке можно увидеть отсылку к названию фильма С. Спилберга «Saving Private Ryan» (1998), в русском варианте – «Спасти рядового Райана», во французском – «Il faut sauver le soldat Ryan». Напомним, что действие фильма происходит во время Второй мировой войны, в период высадки в Нормандии. Группа солдат во главе с капитаном получает задание найти и вернуть в целостности и сохранности

рядового Райана, чьи братья погибли на войне. Эта задача была выполнена, но участники событий подверглись серьезным испытаниям. Фильм С. Спилберга получил широкую известность как один из выдающихся фильмов на военную тему, а его название стало широко известным, часто цитируемым, поэтому его можно отнести к прецедентным феноменам. В заголовке употреблено калькированное название фильма, преобразованное с помощью нескольких трансформаций. Так, благодаря замене компонента *Ryan* на название компании *Atos* заголовок отражает содержание статьи, потому что речь идет о данной компании. Кроме этого, изменена синтаксическая структура исходной фразы: вместо утвердительного предложения используется риторический вопрос. С помощью этого стилистического приема автор приглашает читателей задуматься над тем, нужно ли прилагать усилия для спасения компании. Также можно предположить, что выбор заголовка, вызывающего ассоциации с фильмом о войне, связан со сферой деятельности компании, которая также занимается оборудованием для военной отрасли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что ПФ-англицизмы достаточно часто используются в заголовках. С их помощью появляются необычные заголовки, привлекающие внимание читателя. Большинство проанализированных ПФ относится к прецедентным высказываниям. Отметим, что многие из рассмотренных заимствований использовались в рубриках, посвященных событиям из сферы культуры. Авторы ориентировались на публику, интересующуюся искусством и способную расшифровать культурную информацию, заложенную в ПФ.

Прагматический потенциал ПФ-англицизмов увеличивается при окказиональной трансформации, самый распространенный способ которой – замена компонента. Благодаря окказионально трансформированным ПФ-заимствованиям заголовки становятся более информативными, позволяют заинтриговать читателя, выразить оттенки смысла, настроение героя публикации, авторское отношение к изложенным в статье фактам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гудков Д. Б. [и др.]. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 1997. № 4. С.106–118.
2. Ханина Е. А. Использование игры с прецедентными феноменами в немецком политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 1 (383). С. 142–149.
3. Candel D., Humbley J. Les anglicismes: entre réalité linguistique et fait culturel. P.: Ed. Garnier, 2017.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003.

REFERENCES

1. Gudkov, D. B. et al. (1997). Nekotorye osobennosti funkcionirovanija precedentnyh vyskazyvanij = Some features of the functioning of precedent statements. *Moscow University Bulletin*. 4, 106–118. (In Russ.)
2. Khanina, E. A. (2016). Use of the game with precedent phenomena in German political discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1(383), 142–149. (In Russ.)
3. Candel, D., Humbley, J. (2017). *Les anglicismes: entre réalité linguistique et fait culturel*. Paris: Editions Garnier.
4. Gudkov, D. B. (2003). *Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii = Theory and practice of intercultural communication*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шумакова Анастасия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры лексикологии и стилистики французского языка

факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shumakova Anastasiya Nikolaevna

PhD (Philology), Associate Professor

Department of Lexicology and Stylistics of the French Language

Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

09.09.2024
15.10.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Триггер смены авторской установки в пенталогии Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»

А. П. Бондарев

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
prosaika@yandex.ru*

Аннотация. Статья представляет познавательный интерес, поскольку она содержит экспликацию взаимодействия внутренних и внешних – субъективно-креативных и объективно-деконструктивных – обстоятельств, побуждающих автора корректировать первоначальный замысел. Выстроенная автором художественная картина мира переосмысливается им по мере того, как структура избранного для художественной объективации конфликта предстает более сложной системой внутри- и вне-текстовых корреляций, не предусмотренных исходной авторской установкой. Экспансия темы женитьбы Панурга, выходя за пределы когнитивного потенциала гротеска, выступает триггером, обозначившим переход от изображения природно-социального мира как карнавала к объективации социально-исторического человека как философско-антропологической проблемы.

Ключевые слова: установка, замысел, воплощение, гротеск, циклическое время, линейная история

Для цитирования: Бондарев А. П. Триггер смены авторской установки в пенталогии Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2024. Гуманитарные науки. Вып. 13 (894). С. 127–133.

Original article

The Trigger for a Change in Author's Mindset in Francois Rabelais' Pentalogy "Gargantua and Pantagruel"

Alexandre P. Bondarev

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
prosaika@yandex.ru*

Abstract. The cognitive interest of the article is aimed at explicating the plot-forming interaction of internal and external – subjectively creative and objectively deconstructive – circumstances that prompt the author to correct the original idea. The artistic picture of the world constructed by the author is rethought by him as the structure of the conflict chosen for artistic objectification is revealed by a fan of intra- and extra-textual correlations not envisaged by the original author's intention. The expansion of the theme of Panurge's marriage, going beyond the cognitive potential of the grotesque, acted as a trigger that marked the transition from the perception of the natural-social world as a carnival to the perception of socio-historical man as a philosophical-anthropological problem.

Keywords: author's mindset, concept, implementation, grotesque, cyclical time, linear history

For citation: Bondarev, A. P. (2024). The trigger for a change in the author's mindset in François Rabelais' pentalogy "Gargantua and Pantagruel". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 127–133. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи заключается в том, чтобы на примере анализа нарративной структуры пенталогии Ф. Рабле эксплицировать механизм трансформации, претерпеваемый замыслом под воздействием новых исторических фактов, модифицирующих когнитивную модель авторского сознания.

Задача статьи заключается в том, чтобы обосновать историческую необходимость эволюции средневековой литературы от описания карнавальной цикличности природных процессов к экспликации причинно-следственных связей между главами-эпизодами, выстраивающимися в линейную повествовательную структуру.

ЭНТЕЛЕХИЯ ЗАМЫСЛА И СЛУЧАЙНОСТЬ ВОПЛОЩЕНИЯ

Аристотелевский термин энтелехия (*entelecheia* – действительность, деятельность, осуществление) описывает движение от стартового импульса к преднаходимой цели как *возвращение* витального порыва к своему истоку: «Все становящееся движется к какому-то началу, т. е. к какой-то цели (ибо начало вещи – это то, ради чего она есть, а становление – ради цели» [Аристотель, 1976, с. 246].

В сфере художественного творчества аристотелевская энтелехия аналогична труду воплощения замысла, тогда как посещающие автора *случайные* озарения выводят из равновесия его взволнованное бессознательное. Дорожащий выстроенной картиной мира традиционалистский автор склонен «аннулировать» деконструирующее воздействие алеаторических провокаций, непрестанно генерируемых беспокойной историей.

В отличие от преднамеренности *природной* энтелехии, непреднамеренность *исторического* становления, проявляющаяся в «случайном стечении обстоятельств», прерывает цикл органического процесса: «А стечение обстоятельств бывает, когда что-то из этого (преднамеренного. – А. Б.) произошло случайно» [Аристотель, 1984, с. 288]. Случайность, порождающая стечение непредвиденных обстоятельств, подменяет биогенетическую *регрессию* в прошлое социально-исторической *прогрессией* в будущее.

Пенталогия Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», которая складывалась на переходе от Средневековья к Новому времени, эпохально масштабна. Она являет собой яркий пример восприимчивости к изменениям культурного ландшафта. Реагируя на них, автор расширяет диапазон своей рецептивной установки и перерастает сам себя.

Сюжетообразующие отношения между произведением и его эпохой вербализуются в познавательном диалоге автора и героя. Если авторский замысел стремится удерживать героя под своим контролем, апофатическая реакция героя на провоцирующие его алеаторические события побуждает автора интегрировать в свой проект и сюжетно перерабатывать усложняемую неожиданными историческими фактами картину мира. Авторский интерес к усилиям героя различить в лихорадке жизни управляющий ею ноуменальный проект возвышает произведение до уровня *классического*, снимающего антиномию вневременной нормативности и преходящей случайности [Гадамер, 1988].

Промежуточное положение пенталогии Рабле между эсхатологической дедукцией Данте и исторической индукцией Сервантеса облекло ее в форму *гротеска*, который свел в диалоге *аллегорическое подчинение* единичного всеобщему [Шеллинг, 1966], определившее вертикальную иерархию «Божественной комедии», с установлением *метафорических отношений* между родовыми и видовыми категориями [Аристотель, 1984], породившими эпистемологическую поэтику «Дон Кихота».

Сведение в гротескных образах аллегоризма Данте с метафорикой Сервантеса актуализировало *моменты продуктивного перехода* от аллегорического мышления априори к метафорическому мышлению апостериори и обратно. «Гротескный образ, – разъясняет свои наблюдения М. М. Бахтин, – характеризует явление в состоянии изменения, незавершенной еще метаморфозы...» [Бахтин, 1965, с. 30].

Если в свете теологической дедукции Данте человеческая жизнь как часть управляется Божьей волей, а в свете эмпирической индукции Сервантеса человеческое общество как целое флуктуирует в конфликте эгоистических интересов, гротескная этиология Рабле воспринимает существование как *взаимобусловленность* части и целого – индивида и мироздания.

Вселенский масштаб гротескного мировидения Рабле позволил М. М. Бахтину провести аналогию между человеческим телом и космосом: «Гротескное тело космично и универсально: оно отражает в себе космическую иерархию», – вербализует М. Бахтин космогоническую интуицию Рабле в главе «Гротескный образ тела у Рабле и его источники» [Бахтин, 1965, с. 345]. Гротескных персонажей Рабле подготавливают сказочные сюжеты о великанах и пародийные образы героев ренессансных ироикомических эпопей: Пульчи («Большой Моргант»), Боярдо («Влюбленный Роланд»), Ариосто («Неистовый Роланд»), Фоленго («Бальдус»).

Энтелехия природной преднамеренности позволяла Грангузье, Гаргантюа и Пантагрюэлю пребывать вечно длящемся «здесь и теперь» (*hic et nunc*), доверяясь циклам произрастающей, цветущей и плодоносящей природы. Фольклорные великаны и царственные особы, отмеченные беспримерным по земным меркам могуществом, вальяжно пребывают в состоянии вечного «да» природного мира, который со своей стороны самоосуществляется в них по законам органической регуляции (*Глава XXXVIII. О том, как Гаргантюа вместе с салатом проглотил шестерых паломников*).

Раблезианский гротеск образно опредметил процесс метаболизма – взаимообусловленность ассимиляции и диссимиляции. Переносу метаболических процессов на социальную историю способствовал врачебный профессионализм Рабле, подтвержденный в 1537 году присуждением ему в Монпелье степени доктора медицины. Пенталогия Рабле поэтизирует закон органической регуляции как природную феноменологию, объемлющую своим космоизмом преходящие социальные формы жизнеустройства. Согласно интерпретирующей творчество Рабле концепции М. М. Бахтина, метаболизм феноменологизируется в карнавальном действе. Восприятие природной диалектики как единства и борьбы противоположностей позволило Рабле проникнуться глубоким мировоззренческим смыслом карнавальной культуры. В книге «Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» природная диалектика рождения и смерти описывается М. М. Бахтиным в образах карнавала, кульминация которого выливается в бурлескное коронование шута и травестийное развенчание короля.

ПРОБЛЕМА ЖЕНИТЬБЫ ПАНУРГА: ПОЛЕМИКА НЕПРЕДНАМЕРЕННОСТИ ИСТОРИИ С ПРЕДНАМЕРЕННОСТЬЮ ПРИРОДЫ

Имя Панург переводится с греческого как *хитрец, ловкач*. Он – узнаваемый герой испанской пикарески, французского «roman bourgeois» и европейского авантюрно-бытового романа. Типологически к нему примыкают гуманист Понократ, гедонист Эвдемон, ловкий ратоборец Гимнаст, пограсстрига брат Жан Зубодробитель, философствующий интеллигент Эпистемон, Эвсфен, Эвдемон, Карпалим и некоторые другие эпизодические персонажи. Они – бесосновные герои-рассказчики, функции которых восходят к слушателям, заинтересованно обсуждающим проблемные сюжеты тематически организованных новеллистических

сборников типа «Декамерона» Д. Боккаччо, «Кентерберийских рассказов» Д. Чосера, «Новеллино» Г. Мазуччо, «Гептамерона» М. Наваррской и др.

Плутовство Панурга – защитная реакция его психики на агрессивную жестокость большого авантюрного мира – способ выживания в *непредсказуемом* по своим последствиям конфликте между природными и социальными императивами. Необходимость уклониться от роли жертвы их драматического столкновения развивает его прогностическую аналитику, благодаря которой он перерастает отведенную ему замыслом роль эпизодического персонажа. Панурга выделяет из ряда живущих в *надежном настоящем* друзей Пантагрюэля желание обрести в *ненадежном будущем* семейное благополучие с любящей, верной и заботливой супругой.

Осознание запутанности гендерных отношений возвышает Панурга до протагониста, оттесняющего на второй план социально беспроblemных Пантагрюэля и его жизнерадостное окружение. Пробудившаяся в Панурге историческая интуиция как механизм психической защиты подсказывает ему, что законный брак являет собой уязвимый компромисс между законами природы и доктринальной моралью.

Череда безучастных – равно поощряющих и предостерегающих – реплик Пантагрюэля, возрождающих жанр средневековых «рикошетных песен», исключает определенность прогноза семейного будущего Панурга.

В «Разговорах запросто, или Домашних беседах» Эразма Роттердамского у Эха нет собственного мнения, и оно репризой откликается на последнее слова формулируемых Юношей вопросов:

Юноша. А мне какую идти в жизни дорогой?

Эхо. Строгой.

Юноша. Не жениться ли, благослови боже?

Эхо. Позже.

И т. д. и т. п.

Настороженное ожидание каверз со стороны зыбкого будущего превратило Панурга в аналитического посредника между двусмысленными рекомендациями советчиков, не ведающих о генезисе и культурно-исторических перипетиях растянувшегося с 9-го до 7-го тысячелетия до н. э. перехода от матриархата к патриархату (В. Райх). Успешно воплощаемый в первой, второй и в начале третьей книгах ироничный по отношению к преходящим социальным институтам замысел изображения матриархального мироустройства (мира как «Матери природы» в образе Гаргамеллы), проблематизировался вторжением «отцовского права» (мира как Истории), навязавшего «материнскому праву» (Л. Морган, Я. Баховен,

Ф. Энгельс) религиозно-этический нормативизм первородства – возрастного и имущественного наследования.

Восстановление хронологического (биографического) континуума сюжетного дискурса, который Рабле считал нужным соблюсти, поместив вторую книгу о Гаргантюа перед опубликованной ранее книгой о Пантагрюэле, симптоматизировало эволюцию автора от насмешливых пародий на генеалогические *поколенные росписи* к выявлению причинно-следственных связей между историческими событиями. Интерес автора к порождающему линейную историю взаимодействию личной инициативы и невозмутимой самостоятельности объективного мира повлек за собой постепенный отказ от калейдоскопической композиции в пользу линейного сюжета.

ОТ ЦИКЛИЧНОСТИ ПРИРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ К НЕПРЕДСКАЗУЕМОЙ СОБЫТИЙНОСТИ ЛИНЕЙНОЙ ИСТОРИИ

Невовлеченность Пантагрюэля и его друзей в дела исторического мира обуславливает произвольное чередование фабульных тем. Синтагматика флуктуирующих эпизодов не управляется цепным, тематическим, параллельным, лучевым или ассоциативным типами связи. Лишь обнажившая свою внутреннюю проблемность шутовская дискуссия о браке, завязавшаяся в главе IX третьей Книги, нарушает принцип коллажного сочетания самозарождающихся эпизодов. Проект раблезианской пенталогии корректируется по мере того, как выстроенная замыслом картина «мира как природы» усложняется проблематизирующей ее картиной «мира как истории».

Вплоть до девятой главы третьей книги теологические, философские, педагогические и социальные коллизии, формировавшие проблемное ядро автономных эпизодов, легко разрешались даже внутри таких линейных сюжетов, как воспитание и образование Гаргантюа, война Грангузье с Пикрохолом (Picrochole) и утопия Телемского аббатства.

Гротеск обесценивал схоластическую педагогику Тубала Олоферна так же эффективно, как последняя – гуманистическую методику Понократа. Их корреляция, «намечая оба полюса изменения», феноменологизировала *взаимообусловленность* традиции и новаторства. Обучение Гаргантюа учителями-собронниками, непомерно растянутое во времени и игнорирующее насущные требования жизни, травестировалось в формально практическую, но содержательно столь же консервативную педагогику Понократа. Гротескное сближение телесного и

духовного обесценивает серьезность ренессансного гуманизма: самонадеянно возводя себя в принцип, он легко срывается в догматизм. Поработившая разумную волю Понократа компульсивность трансформировала его врожденное здравомыслие в тот упрямый консерватизм, которому он сам же объявил войну. Бескомпромиссно отвергнув школу (scola) собронников, Понократ не считал нужным отметить *преemptивную* связь гуманистического новаторства со схоластической традицией, обогатившей гуманитарную науку *спорами об универсалиях* – полемикой номиналистов с реалистами, прояснению сути которой способствовал Уильям Оккам, отделивший светскую философию от богословия.

Экзистенциальная проблема войны и мира, объемлющая междоусобицу Грангузье с Пикрохолом, так же легко разрешается возведением к гиперболе – крайней форме гротескного преувеличения – самоубийственной амбициозности Пикрохола. Великолепному Грангузье, вольному жителю мира плодоносящей природы и необъятного космоса, чужды невротические амбиции Пикрохола, узника социального микрокосма.

Главы, посвященные Телемскому аббатству, пародируют как средневековые монастырские нравы, так и ренессансные утопии Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы, настаивавшие на строгой регламентации образовательной, трудовой и семейной жизни. Пенталогия Рабле альтернативно-монологически противопоставляет им утопическую модель *анархического коллективизма*.

Онтологические интуиции Рабле предвосхищают некоторые принципиальные положения учения о либеральных свободах, сформулированные в трактате Монтескье «Дух законов». Однако универсальное понимание регулятивного принципа природной этиологии делает для Рабле излишней постановку вопроса о *гарантиях* государственной и социальной стабильности. Она обеспечивается всеобщим признанием законодательной роли метафизически и этически понимаемого *блага* (эйдоса), обоснованию которого уделяется важное место в трактате Платона «Государство». Инерция гротескного мировидения руководствуется вневременной мудростью вселенского процесса органической регуляции.

Принудительной строгости монастырского аскетизма Рабле противопоставляет великодушную снисходительность Телемского гедонизма. Прибегая к «доказательству от противного» (contradictio in contrarium) – опровержению отрицания – брат Жан отвергает монастырский уклад, чтобы возродить его же на комичных принципах *естественного*, но уже *гуманистического отбора*.

На этом анархо-коллективистском фоне вопрос о причинах возможных конфликтных отношений

между супругами неожиданно для участников дискуссии вырастает в большую историческую проблему, которую не по силам разрешить веселому гротескному сближению исторических, этических, эстетических, культурных, социальных, гендерных и психофизических форм, конституирующих функционирование семьи. Каждая из этих форм ретроспективно и проспективно обнаруживала свою амбивалентность, исключая надежный прогноз даже в границах ее собственной компетенции, не говоря уже о перспективах того симбиотического целого, которое они в совокупности образовывали.

В этой точке бифуркации единичного и всеобщего непреднамеренность истории вовлекалась в полемику с преднамеренностью природы. Если энтелехия направлялась биогенетической наследственностью, технический прогресс создавал невозможные в природе комбинации органического и механического, радикально преобразовавшие способы и формы человеческого существования. Углубление всемирно-исторического конфликта между природой и обществом породилось спонтанной логикой научных открытий.

В статье «Рабле и его роман. Опыт генетического объяснения» А. Н. Веселовский объясняет причину растянувшейся на годы переориентации Рабле с поэтики гротеска на поэтику истории: «Необходимо заметить, что роман Рабле писался долго, в течение почти 20-ти лет, и на больших расстояниях: между 2-й и 3-й книгой прошло около 14-ти лет; последняя, пятая, книга вышла лишь по смерти автора. В это долгое время пережито было многое и французским обществом, и кружком людей Возрождения, и самим Рабле: изменились точки зрения, поубавилось надежды; те “высокие и страшные таинства”, которые он приглашал искать в первой книге своего романа, должны были утратить свое значение, потому что жизнь и собственный опыт поставили новые требования, новые таинства – для разгадки» [Веселовский, 1939, с. 401].

Необходимость разгадывать «новые (исторические) таинства жизни» и осмысливать трудно различимый в их непрозрачной глубине «собственный (биографический) опыт» побуждала Рабле вникать в перспективы взаимодействия цикличности «вечного возвращения» с каузальностью вечной изменчивости.

ПЕРЕНОС ОТВЕТСТВЕННОСТИ И АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ИСТОРИИ

Архаичный человек вверялся океаническому потоку природной энтелехии, проецируя на свою судьбу объясняющие ее этиологические мифы.

Принимающая формы плутовства адаптационная психическая функция Панурга выступала защитной реакцией вынужденного выживать в социальной истории безосновного индивида.

Перенос ответственности, к которому по инерции прибегает Панург, мотивируется его желанием не совершить ошибочного выбора. Гадания по Гомеру, Вергилию, по снам, расшифровка видений Панзуской сивиллы, выпытывания советов у брата Жана, Немого, Несдекабра (*Nez de cabre* – Козий нос), френолога и оккультиста Герр-Триппы (Генриха Корнелия Агриппы Неттесгеймского), богослова Гиппофадея, лекаря Рондибилиса, апелляция к символике чисел, толкование «лебединой песни» поэта Раминогробиса и т. д. и т. п. – с гносеологической точки зрения представляют собой намерение Панурга рассеять темноту своего будущего направив на него объясняющий свет мифологических архетипов. Согласно К. Г. Юнгу, мифологема, «которые всем хорошо известны, <...> далеки от окончательного оформления и продолжают служить материалом для нового творчества. Мифология есть движение этого материала: это нечто застывшее и мобильное, субстанциональное и все же не статичное, способное к трансформации» [Юнг, 1996, с. 13].

Однако историческая типологема, подобно роману Нового времени, в русле которого самоосуществляется наррация пенталогии Рабле, автономна и восходит к собственному, не выводимому из мифа генетическому коду. Если понимание В. Н. Топоровым исторического события как «максимального удаления от сферы сакрального и, в частности, от мифа» справедливо [Топоров, 1980, с. 573], эзотерические откровения, доводимые до смертных оракулами, прорицателями и пророками, корректируются тем радикальнее, чем дальше требующее контекстуальной дефиниции беспрецедентное историческое событие удаляется от ядра мифа: такое надмирное, еще не начавшее сбываться событие ничего не ведает ни о себе, ни тем более – о той роли, которую уготовляет ему всегда революционное будущее. Устанавливая преемственность настоящего с прошлым, типологема вступает в диалог с мифологическим архетипом, обогащая его своей конкретикой, а перерабатывающий новое историческое содержание архетип возводит типологему до статуса своей аподиктичности [Бондарев, 2023].

Расплывчатость прогнозов толкователей и советчиков, обусловленная запутанностью дискуссионного феномена, подтверждает беспокоящее Панурга опасение не выстоять в агрессивной конкурентной среде. Если закон естественного отбора обрекал организмы на межвидовую борьбу,

борьба за самоактуализацию необходимо облекалась в формы социального дарвинизма. Утрата олимпийскими богами атрибутов всеведения и всемогущества провоцировала в позднеантичном человеке недоверие к ним, а страх перед будущим побуждал культивировать в себе прометеевское предвидение.

Многозначительность эхоподобных ответов, перекладывая на Панурга ответственность за последствия принятого решения, иносказательно призывала его не страшиться истории, но, руководствуясь осваиваемым жизненным опытом, добиваться реализации оптимистического варианта двусмысленного прогноза. Если энтелехия *даровалась* архаическому человеку его бытием в природе, требование становления *задавалось* историческому человеку его бытием в культуре.

Гадания, сны и их толкования, эти посланцы минувшего, возвращали мысль Панурга в уже изжитое им прошлое. «Сны ваши, – резюмирует Пантагрюэль, – лишь подтверждают гадания по Вергилию: быть вам рогатым, быть вам битым, быть вам обобраным» (Ф. Рабле. *Гаргантюа и Пантагрюэль*).

Однако вызывавшая страх архаичного человека (М. Элиаде) инерция непредсказуемости воспринималась «максимально удаленным от мифа» историческим человеком как более эвристическая, чем неисчерпаемый на выдумки гротеск: «Наоборот, – с наивным юношеским оптимизмом парирует Панург прогноз Пантагрюэля, – стих указывает на то, что жена будет любить меня любовью совершенною» (Ф. Рабле. *Гаргантюа и Пантагрюэль*).

ОТ МИФА О ВЕЧНОМ ВОЗВРАЩЕНИИ К МИФУ О ВЕЧНОМ СТАНОВЛЕНИИ

Осознание Пантагрюэлем и его спутниками необходимости разобраться в диалектике конфликта между природной свободой и социальной необходимостью побуждает их пуститься в эпистемологическое странствие за достоверным знанием к Бакбук, оракулу божественной бутылки (*l'oracle de la dive bouteille*). Цель хронотопического путешествия, обнажившего перед ними *время* как жизненный *путь*, а жизненный путь как понимание направления его хода, преобразовала гротескную установку Рабле в когнитивную. Напутственный монолог Бакбук концептуально обрисовал перспективу перехода природного «мифа о вечном возвращении» (Ф. Ницше) к историческому мифу о вечном становлении: «И вот когда ваши философы... всецело отдадутся тщательным изысканиям и исследованиям... они постигнут, насколько прав был мудрец Фалес, который на вопрос

египетского царя Амазиса, что на свете разумнее всего, ответил “Время”, ибо только время открывало и будет открывать все сокровенное, и вот почему древние называли Сатурна, то есть Время, отцом Истины, Истину же – дочью Времени» (Ф. Рабле. *Гаргантюа и Пантагрюэль*).

Креативное своеобразие истории, подобно гетевскому Мефистофелю, вечно желает зла мифологическому человеку и вечно одаривает новыми знаниями взыскующего смысла исторического индивида, направляя его поиски к результатам, превосходящим первоначальные ожидания. И. В. Гёте, автор романа «Ученические года Вильгельма Мейстера», приглашал И. Эккермана «обратить внимание на слова Фридриха, обращенные в конце к нашему герою: “Ты похож на Саула, сына Киса, который вышел, чтобы искать ослиц своего отца и нашел царство”» [Эккерман, 1934, с. 268].

Четвертая и Пятая книги пенталогии Рабле деконструируют жанры религиозных паломничеств и морских путешествий. Эвристический потенциал хронотопа увенчивает паломничества к святым мощам внезапными духовными озарениями, а поиски кратчайших торговых путей – великими географическими открытиями, воспетыми Л. де Камозншем в поэме «Лузиады». Курьезы экзотических форм жизни островных государств – Прокурации, Каремпренана, Колбас, Папеманов, Папифигов, Пушистых котов, Звонкого острова – обнажали перед путешественниками удручающе знакомое: религиозный фанатизм, судебное крючкотворство, корыстное лицемерие, нечестную борьбу за привилегии, бесчеловечную жестокость, прямой обман и другие порождаемые душевной низостью и умственной неразвитостью пороки. Иносказательно отвечая на вопрос о женитьбе Панурга, социально-историческое содержание которого далеко выходит за границы семейных отношений, определяя при этом их внутреннюю диалектику, Бакбук призвала паломников пуститься в обратный путь к самообретению в свободном познании свободного от догматов божьего мира: «Идите, друзья мои, и да хранит вас та интеллектуальная сфера, центр которой везде, а окружность нигде, и которую мы называем Богом» (Ф. Рабле. *Гаргантюа и Пантагрюэль*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Труд воплощения вовлекал Рабле в анализ порождающего и направляющего линейную историю конфликта между борющимся за свою свободу от природы духом и отстаивающей свою независимость от духа природой. Экспансия темы

женитьбы Панурга, выходя за пределы когнитивного потенциала гротеска, выступила триггером, обозначившим переход от изображения

природно-социального мира как карнавала к объективации социально-исторического человека как философско-антропологической проблемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения : в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988.
3. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М.: Мысль, 1966.
4. Аристотель. Поэтика // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965.
6. Веселовский А. Н. Раблэ и его роман. Опыт генетического объяснения // Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л.: Государственное издательство «Художественная литература», 1939. С. 398–464.
7. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. Киев, 1996.
8. Топоров В. Н. История и Мифы // Мифы народов мира: в 2 т. М.: Советская Энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 572–574.
9. Бондарев А. П. Мифологемы мифа и типологемы истории // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 114–122.
10. Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.–Л.: Academia, 1934.

REFERENCES

1. Aristotel' (1976). Metafizika = Metaphysics. In Sochineniya (vol. 1): in 4 vols. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
2. Gadamer, H.-G. (1988). Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki = Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics. Moscow: Progress. (In Russ.)
3. Shelling, F. V. (1966). Filosofiya iskusstva = Philosophy of Art. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
4. Aristotel' (1984). Poetika = Poetics. In Sochineniya (vol. 4): in 4 vols. (In Russ.)
5. Bakhtin, M. M. (1965). Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renessansa = The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
6. Veselovskij, A. N. (1939). Rable i ego roman. Opyt geneticheskogo ob'yasneniya = Rabelais and his novel. The experience of genetic explanation. In Izbrannye stat'i (pp. 398–464). Moscow: Leningrad: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
7. Yung, K. G. (1996). Dusha i mif: shest' arhetipov = Soul and Myth: Six Archetypes. Kiev. (In Russ.)
8. Toporov, V. H. (1980). Istoriya i Mify = History and Myths. In Mify narodov mira (vol. 1, pp. 572–574): in 2 vols. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
9. Bondarev, A. P. (2023). Mythologems of myth and typologems of history. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 13(881), 114–122. (In Russ.)
10. Ekkerman, I. P. (1934). Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni = Conversations with Goethe in the last years of his life. Moscow – Leningrad: Academia. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарев Александр Петрович

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bondarev Alexandre Petrovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.09.2024
28.09.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Остоженка, 38 в «московском тексте» Ф. М. Достоевского

В. В. Борисова^{1,2}

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,

²Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля

(Музейный центр «Московский дом Достоевского») Москва, Россия

vvb1604@gmail.com

Аннотация: Цель исследования – выявить в истории МГЛУ связь с неизвестными страницами жизни и творчества Достоевского. Это реалии, лица, события из московского периода жизни писателя: прежде всего знаменитое здание на Остоженке, 38, в котором располагалось Московское коммерческое училище. Оно было создано императрицей Марией Федоровной, ставшей попечительницей и Мариинской больницы для бедных, где родился Достоевский. Попечителями училища были и богатые московские купцы Куманины, сыгравшие огромную роль в жизни писателя. Также в статье рассматривается криминальная деятельность одного из выпускников коммерческого училища, «червонного валета» А. Т. Неофитова, образ которого присутствует в романах «Преступление и наказание» и «Подросток».

Ключевые слова: Остоженка, 38, Достоевский, Московское коммерческое училище, императрица Мария Федоровна, Куманины, «червонные валеты»

Для цитирования: Борисова В. В. Остоженка, 38 в «московском тексте» Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 134–140.

Original article

Ostozhenka, 38 in the “Moscow Text” of F. M. Dostoevsky

Valentina V. Borisova^{1,2}

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

²Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature (Dostoevsky’s House-Museum), Moscow, Russia

vvb1604@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to reveal the connection with unknown pages of Dostoevsky’s life and work in the history of Moscow State Linguistic University. These are realities, persons and events from the Moscow period of the writer’s life: first of all, the famous building at 38 Ostozhenka Street, which housed the Moscow Commercial School, established by Empress Maria Fyodorovna, who became a trustee of the Mariinsky Hospital for the Poor, where Dostoevsky was born. The trustees of the school were wealthy Moscow merchants Kumanins, who played a huge role in the life of the writer. The article also considers the criminal activity of one of the graduates of the commercial school, the “Jacks of hearts” A. T. Neofitov, whose image is reflected in the works of Dostoyevsky.

Keywords: 38 Ostozhenka Street, Dostoevsky, Moscow Commercial School, The Empress Maria Fyodorovna, Kumanins, “jacks of hearts”

For citation: Borisova, V. V. (2024). Ostozhenka, 38 in the “Moscow text” of F. M. Dostoevsky. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 134–140. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье комплексно реализуются историко-биографический, историко-литературный методы исследования наряду с методологией фронта, позволяющей рассмотреть культурный опыт освоения «места» с точки зрения *roesia loci*. Материал исследования – тематически и типологически связанные факты из истории «московского текста» Достоевского. Это круг реалий, лиц, событий, имеющих отношение к так называемому «московскому тексту» Достоевского в его связях с преемственной историей знаменитого дома Еропкина. Соответственно актуальность, научная новизна и практическая ценность статьи обусловлены тем, что в ней впервые выявлены и прокомментированы неизвестные ранее факты биографии и творчества Достоевского в их соотносительности с историей МГЛУ, главный корпус которого располагается в старинном здании по адресу: улица Остоженка, 38.

По рождению москвич, с 1821 по 1837 годы Достоевский жил в первопрестольной. Именно здесь прошли его детские и отроческие годы. Москву писатель хорошо знал, любил, в конце жизни мечтал вернуться в родной город. Его двоюродный дед со стороны матери, Василий Михайлович Котельницкий, профессор Московского университета был большим знатоком истории и культуры Москвы и часто возил детей Достоевских по ее окрестностям, рассказывал о московских святынях. «Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным» [Достоевский, 1980, с. 134], – вспоминал писатель. Несомненно, корни его жизни и творчества уходят в московскую почву, а самые «сильные впечатления, пережитые сердцем» [Достоевский, 1976, с. 10], связаны с памятными местами, которых много на карте Москвы.

Одно из них – дом на Остоженке, 38. В нем с 1806 года располагалось Московское коммерческое училище, с которого начинается история учебных заведений в этом здании. В статье даются ответы на целый ряд вопросов. Какое отношение это училище имеет к жизни и творчеству Достоевского? Какие перипетии из жизни его попечителей московских купцов Куманиных преломились в произведениях Достоевского? Кто из знаменитых «червонных валетов» был связан с этим училищем?

МОСКОВСКОЕ КОММЕРЧЕСКОЕ УЧИЛИЩЕ И МАРИИНСКАЯ БОЛЬНИЦА В БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ

Данный вопрос раскрывается с учетом современных исследований и архивных источников. Прежде

всего, это книга, вышедшая в 1919 году в издательстве МГЛУ [Храм Марии Магдалины Московского государственного лингвистического университета ... 2019], в которой с целью сохранения культурно-исторической памяти об отечественном духовном наследии подробно освещается история домовая церковь МГЛУ и другие факты.

Другой важный историко-литературный источник – это коллективная монография «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского», написанная на основе изучения архивных и рукописных материалов [Борисова, Шаулов, Юхнович, 2021]. Также учтен ряд исторических и биографических источников, к примеру, труд П. А. Бурышкина «Москва купеческая», свод документов по Уголовному процессу XIX века «Клуб червонных валетов», мемуарная книга младшего брата писателя [Бурышкин, 1990; Клуб червонных валетов, 1877; Достоевский, 1992] и др.

Московское коммерческое училище, созданное в 1806 году, приняла под свое покровительство вдовствующая императрица Мария Федоровна (1759–1828). Ей в 1797 году Павел I передал управление благотворительными учреждениями в России. Фактически ее можно считать главной основательницей Московского коммерческого училища, которое она не оставляла без своего попечения на протяжении всей жизни. «Ежегодно она жертвовала из своей собственной казны по 3 тысячи рублей»¹ [Храм Марии Магдалины ... 2019, с. 14].

Как известно, само здание для нужд училища перестроил архитектор Джованни Жиларди. В этом же монументальном стиле русского классицизма он построил знаменитую Мариинскую больницу для бедных (названную в честь Марии Федоровны как главной благотворительницы) на Божедомке, улице, получившей свое название от кладбища («убогого дома»), на котором хоронили безродных людей. В одном из флигелей этой больницы Достоевский родился. Так Божедомка стала его «малой родиной», а церковь святых Петра и Павла – первым приходским храмом. Аналогичная домовая церковь святой равноапостольной Марии Магдалины – небесной покровительницы императрицы была и в Московском коммерческом училище. После реставрации храм до сих пор является действующим. И в больнице, в которой служил отец Достоевского, и в Коммерческом училище висел огромный портрет августейшей покровительницы, запомнившийся будущему писателю с детства.

¹Сегодня это больше 3 млн рублей.

Рис. 1. Э. Виге-Лебрэн. Большой парадный портрет имп. Марии Фёдоровны. 1799

Ее благотворительная деятельность стала для Достоевского примером великого сострадания и милосердия, поскольку, по свидетельству современников, она действительно «была просвещенной покровительницей всех сословий и матерью всем несчастным и неимущим»¹.

Московское коммерческое училище, которое с полным правом можно назвать Мариинским, в дореволюционной России имело репутацию лучшего учебного заведения. Его попечителями были видные представители московского купечества, которые понимали важность профессионального образования и культуры: «...Выросла иная порода людей купеческой семьи, с иными потребностями, иными стремлениями, людей, у которых, невзирая

¹Мария Федоровна – императрица, которая пережила великую трагедию и нашла утешение в благотворительности. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/mariya-fedorovna-imperatricza-kotoraya-perezihlavelikuyu-tragediyu-i-nashla-uteshenie-v-blagotvoritelnosti/> (дата обращения: 25.08.2024).

Особое отношение Достоевского к ее личности, судя по всему, объяснялось тем, что так звали и мать писателя, аналогично получившую свое имя в честь святой Марии Магдалины. К тому же в 1880 году он познакомился с другой Марией Федоровной, будущей императрицей, которая стала почитательницей его таланта и приняла доброе участие в жизни Достоевского. Встреча с ней имела для писателя символическое значение (см. об этом: [Волгин, 1998]). Вторая Мария Федоровна, как и ее предшественница, носившая имя святой, на протяжении всей жизни активно занималась благотворительной деятельностью, возглавляя Российское общество Красного Креста, создавая воспитательные дома, приюты для детей, богадельни, женские училища для бедных девушек, также названные в ее честь Мариинскими.

на богатство, было мало охоты до пиров, прожигания жизни, до всякого рода журиства, но у которых была великая потребность в жизни интеллектуальной, было влечение ко всему научному и художественному... И всегда, во всем стоит у них на первом месте общественное благо, забота о пользе всему народу...» [Бурышкин, 1990, с. 112]. В аналогичном духе высказался Достоевский, в родственном окружении которого было много московских купцов: «Можно указать и у нас на купцов, отличавшихся европейским образованием и доблестными гражданскими подвигами» [Достоевский, 1981, с. 158].

К этому новому типу купечества принадлежала династия Куманиных, занимавшая первое место в московском купеческом родословии по числу его членов. Они пожертвовали около 100 тыс. рублей на библиотеку и учебные кабинеты коммерческого училища. Заслуженно Александр Алексеевич Куманин, муж тетки писателя Александры Федоровны был почетным членом его Совета с 1839 года.

МОСКОВСКИЕ КУПЦЫ КУМАНИНЫ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ДОСТОЕВСКОГО

Видный исследователь биографии и творчества писателя В. С. Нечаева одной из первых отметила «значительную роль <Куманиных> в жизни всей семьи Достоевских и самого писателя» [Нечаева, 1979, с. 20], которые по сути заменили осиротевшим детям родителей, умерших друг за другом в 1837 и 1839 годах. Тетушка, будучи крестной матерью всех братьев и сестер Достоевских, выполнила свой христианский долг идеально, став для них вместе с мужем благодетельницей навеки.

Рис. 2. Портреты А. А. Куманина и А. Ф. Куманиной. Художник К. Н. Воронов. Акварель. 1842 (сегодня репродукции этих портретов находятся в Московском доме Достоевского)

К сожалению, в истории Московского коммерческого училища заметный след оставили не только такие истинные благодетели и меценаты как

Куманины, но и люди, запятнавшие себя неблагоприятными делами. Таким оказался Александр Тимофеевич Неофитов (1833–1894), любимый крестник Александра Алексеевича Куманина, сын его двоюродной племянницы и воспитанницы Елизаветы Егоровны Куманиной, выросшей в доме дяди. По замужестве она получила от него большое приданое: «капиталь и имѣніе было по меньшей мѣрѣ тысячъ во сто!» [Достоевский, 1992, с. 54]. Поэтому нужды Неофитов не знал. Тем не менее как первый душеприказчик А. Ф. Куманиной, которая получила огромное наследство от своего мужа и отца Ф. Т. Нечаева, купца 3-й гильдии, он оказался мошенником и, по словам среднего брата писателя Андрея Михайловича Достоевского, «негодяем» [Достоевский, 1992, с. 54]. Неофитов получил хорошее образование в Московском коммерческом училище и в Московской практической академии коммерческих наук, во многом благодаря купцам Куманиным как главным попечителям этих учебных заведений. Став профессором академии, Неофитов преподавал в ней всеобщую историю (см. об этом: [Столетие Московской практической академии коммерческих наук, 1910, с. 731]).

Однако свою alma mater он опозорил. В 1865 году Неофитов «сидѣлъ уже въ Острогѣ за поддѣлку 5-ти Государственныхъ Банковыхъ билетовъ» [Достоевский, 1992, с. 54]. Как писалось в «Московских ведомостях», «...из частных лиц более всего пострадала купчиха Куманина, у которой г. Неофитов занял 15000 руб. под залог трех переделанных свидетельств в 5000 рублей каждое»¹. Удивительно, что, находясь в Бутырской тюрьме, фальшивомонетчик Неофитов оставался одним из главных участников московского преступного сообщества «червонных валетов». Так называли себя представители российской «золотой молодежи» того времени (см. об этом: [Борисова, Шаулов, 2020, с. 149–165]).

«ЧЕРВОННЫЕ ВАЛЕТЫ» В ИСТОРИИ МОСКВЫ

Примечательно, что крылатое русское выражение «червонный валет» имеет французские корни. В буквальном смысле это название игровой карты. Переносное значение оно приобрело благодаря литературному произведению. Это был популярный в середине XIX века перевод одного из знаменитых романов Понсона дю Террайля «Клуб червонных валетов». В нем рассказывается о парижских преступниках, которыми руководил неуловимый герой Рокамболь. Его образ увлек

русских читателей, с большим любопытством следивших тогда за знаменитым процессом над «Клубом червонных валетов», организованном в Москве. На заседании суда обвинитель Н. В. Муравьев выразительно обыграл двойную семантику крылатого выражения, имея в виду под червонным валетом знатного мошенника и авантюриста: «Это преступник, обладающий изящными манерами, хорошо воспитанный, занимающий видное общественное положение, имеющий благородное, нередко аристократическое происхождение» [цит. по: Борисова, 2020, с. 162]. Из приведенной цитаты следует, что московские «червонные валеты» восприняли знаменитый французский роман как модель жизни, олицетворяя собой тип «русского Рокамболя» (см. об этом: [Лукашкин, 2019, с. 121–139]). К нему принадлежал и Неофитов.

За громким судебным процессом по «Делу о “червонных валетах”», который начался в Москве 8 февраля 1877 года, писатель, конечно, тоже внимательно следил, поскольку в нем фигурировали знакомые фамилии Куманиных и Неофитовых. Билеты на заседания Московского окружного суда раскупались как на премьеру в Большой театр. На самом почетном месте сидел московский губернатор. И не случайно: ведь червонные валеты в результате блестяще проведенной махинации продали его огромный особняк простаку-англичанину. Разгневанный князь В. А. Долгоруков приказал их «изловить и законопатить».

«МОСКОВСКИЙ ТЕКСТ ДОСТОЕВСКОГО»: РЕАЛИИ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Прогрессивнее на всю Россию уголовное дело с участием выпускника Московского коммерческого училища Неофитова отразилось, в первую очередь, в романе Достоевского «Преступление и наказание», содержащем узнаваемые черты криминалистики. Так, Лужин, хотя и не знает идейной подоплеки преступления Раскольникова, отмечает, что преступниками становятся образованные люди: «...там передовые, по общественному своему положению, люди фальшивые бумажки делают; там, в Москве, ловят целую компанию подделывателей билетов последнего займа с лотереей, – и в главных участниках один лектор всемирной истории» [Достоевский, 1973, с. 117–118].

О том, что со всеми обстоятельствами таких преступлений писатель был знаком не понаслышке, свидетельствует другой газетный факт: «– Нынче много этих мошенничеств развелось, – сказал Заметов. – Вот недавно еще я читал в “Московских ведомостях”, что в Москве целую шайку

¹Московские ведомости. 1865. 10 сентября. № 197. С. 10.

фальшивых монетчиков изловили. Целое общество было. Поддельвали билеты» [Достоевский, 1973, с. 126]. Подключаясь к обсуждению этой газетной новости, Раскольников иронически высказывается о преступниках: «Это дети, бланбеки, а не мошенники!» <...> и разменять-то не умели: стал в конторе менять, получил пять тысяч, и руки дрогнули. Четыре пересчитал, а пятую принял не считая, на веру, чтобы только в карман да убежать поскорее. Ну, и возбудил подозрение» [Достоевский, 1973, с. 126]. При этом герой также ссылается на газету: «О, это уже давно! Я еще месяц назад читал» [там же]. Действительно, в «Московских ведомостях» от 10 сентября 1865 года (№ 197) писалось: «19 мая в контору для размена разных кредитных бумаг <...> явился молодой человек, назвавший себя Виноградовым, не окончившим студенческого курса в здешнем университете. Виноградов предложил конторе купить у него свидетельство государственного с выигрыша займа в 5000 р., и когда занимающийся в конторе господин Сырейчиков выдал ему следующие деньги, то Виноградов, при счете денег, смутился, положил их поспешно в карман и ушел из конторы. Указанное обстоятельство возбудило подозрение...» [цит. по: Тихомиров, 2016, с. 237]. Этого студента использовали в своих целях фальшивомонетчики, к которым относился Неофитов, сидевший к тому времени в Бутырской тюрьме, но и там продолжавший заниматься подделкой денежных документов (см. об этом: [Борисова, 2020]).

Раскольников, словно подражая «червонным валам», хладнокровно говорит: «Я бы не так сделал начал он издалека. – Я бы вот как стал менять: пересчитал бы первую тысячу, этак раза четыре со всех концов, в каждую бумажку всматриваясь, и принялся бы за другую тысячу; начал бы ее считать, досчитал бы до середины, да и вынул бы какую-нибудь пятидесятирублевую, да на свет, да перевернул бы ее и опять на свет – не фальшивая ли? “Я, дескать, боюсь: у меня родственница одна двадцать пять рублей таким образом наемни потеряла”; и историю бы тут рассказал. А как стал бы третью тысячу считать – нет, позвольте: я, кажется, там, во второй тысяче, седьмую сотню неверно сосчитал, сомнение берет, да бросил бы третью, да опять за вторую, – да этак бы все-то пять. А как кончил бы, из пятой да из второй вынул бы по кредитке, да опять на свет, да опять сомнительно, “перемените, пожалуйста”, – да до седьмого поту конторщика бы довел, так что он меня как и с рук-то сбить уж не знал бы! Кончил бы всё наконец, пошел, двери бы отворил – да нет, извините, опять воротился, спросить о чем-нибудь, объяснение какое-нибудь получить, – вот я бы как сделал!» [Достоевский, 1973, с. 127].

Однако несмотря на хладнокровное поведение и Неофитов, и Раскольников оказались на каторге.

Ключевые факты преступной деятельности «червонных валетов» преломились и в романе «Подросток», в частности, в описании взаимоотношений таких его персонажей, как Аркадий Долгоруков и Ламберт: «Шайка, в которой участвовал Ламберт, завелась еще в Москве и уже надлала там довольно проказ (впоследствии она была отчасти обнаружена). Я слышал потом, что в Москве у них, некоторое время, был чрезвычайно опытный и неглупый руководитель и уже пожилой человек. Пускались они в свои предприятия и всю шайкою и по частям. Производили же, рядом с самыми грязненькими и нецензурными вещами (о которых, впрочем, известия уже являлись в газетах), – и довольно сложные и даже хитрые предприятия под руководством их шефа. Об некоторых я потом узнал, но не буду передавать подробностей» [Достоевский, 1975, с. 322].

В этом описании примечательно то, что «характеристика руководителя шайки («чрезвычайно опытный и неглупый руководитель и уже пожилой человек») <...> перекликается с судебным описанием облика Неофитова: «Неофитов человек более чем средних лет, с продолговатой физиономией, окаймленной черною, местами с проседью бородою, с гладко зачесанными волосами, с спокойными глазами, с степенными манерами. Кажется серьезным человеком, как и подобает быть тюремному старожилу. В его физиономии есть нечто сдержанное» [Клуб червонных валетов, 1877, с. 163].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в истории МГЛУ есть факты, переплетающиеся с биографией и произведениями Достоевского. К ним относится Московское коммерческое училище, располагавшееся на Остоженке, 38. Его попечительницей, также как и Мариинской больницы для бедных, во флигеле которой родился будущий писатель, была вдовствующая императрица Мария Федоровна. Ее портреты висели в обоих зданиях, там же находились домовые церкви: святой равноапостольной Марии Магдалины и церковь святых Петра и Павла.

Эстафету от Марии Федоровны приняли другие попечители коммерческого училища, в том числе московские купцы Куманины, ближайшие родственники Достоевского, сыгравшие чрезвычайную роль в его жизни. Не менее значимой для писателя стала фигура воспитанника и крестника А. А. Куманина, мошенника и «червонного валета» А. Т. Неофитова, из-за которого «дело о куманинском

наследстве» оказалось «несчастливым», криминальным и роковым (см. об этом: [Борисова, Шаулов, Юхнович, 2021, с. 102–119]). В результате «сильные впечатления», связанные с перипетиями из жизни Куманиных и их окружения, оставшимися в истории учебного заведения по адресу Остоженка, 38, творчески преломились в послекаторжных произведениях Достоевского.

Изучение «московского текста» Достоевского в его многогранных связях с университетской историей может и должно быть продолжено. В архивах МГЛУ и Москвы немало интересных документов, требующих целенаправленного осмысления. Ведь история Alma Mater – это перекресток, где сходятся самые разные сюжеты и смыслы, которые должны передаваться из поколения в поколение. Она тесно связана с людьми, давшими

мощный толчок развитию культуры, науки и просвещения, и может изучаться в специфическом научном жанре «университетской истории», или научного дискурса «университетского исследования», который стал развиваться в последнее время (см.: [Репина, 2017, с. 142]).

Знание истории нынешнего МГЛУ необходимо для сохранения вековой вузовской традиции в контексте «большой истории». «Terra Universitatis» не должна оставаться «Terra Incognita». К тому же университетская история – это тоже значимый феномен мемориальной культуры. В перспективе прошлого, настоящего и будущего времени (*longue duree*) она актуализируется, способствуя единению профессоров и студентов разных поколений, утверждению высокой миссии университета в обществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / ИРЛИ. Л.: Наука, 1980. Т. 21.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / ИРЛИ. Л.: Наука, 1976. Т. 16.
3. Храм Марии Магдалины Московского государственного лингвистического университета: страницы истории и современность. М., 2019.
4. Борисова В. В., Шаулов С. С., Юхнович Ю. В. «Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского. Уфа: Печатник, 2021.
5. Бурыйшкін П. А. Москва купеческая. М.: Столица, 1990.
6. Клуб червонных валетов. Уголовный процесс. М., 1877.
7. Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992.
8. Волгин И. Л. Колеблясь над бездной. Достоевский и русский императорский дом. М.: Центр гуманитарного образования, 1998.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23.
10. Нечаева В. С. Ранний Достоевский. 1821–1849. М.: Наука, 1979.
11. Столетие Московской практической академии коммерческих наук. М.: тип. И. Д. Сытина, 1910.
12. Борисова В. В., Шаулов С. С. «Клуб червонных валетов» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 149–165.
13. Борисова В. В. «Червонный валет» А. Т. Неофитов из окружения Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2020. № 1. С. 156–167.
14. Лукашкин А. С. «Рокамболь, государственный человек»: фигура И. М. Манасевича-Мануйлова в предреволюционной России // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 121–139.
15. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / ИРЛИ. Л.: Наука, 1973. Т. 6.
16. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016.
17. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / ИРЛИ. Л.: Наука, 1975. Т. 13.
18. Репина Л. П. Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии // Диалог со временем. 2017. Вып. 60. С. 142–152.

REFERENCES

1. Dostoevsky, F. M. (1980). *Polnoe sobranie sochinenij* = Complete works (vol. 21): in 30 vols. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
2. Dostoevsky, F. M. (1976). *Polnoe sobranie sochinenij* = Complete works (vol. 16): in 30 vols. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
3. Hram Marii Magdaliny Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. *Stranicy istorii i sovremennost'* (2019) = The Church of Mary Magdalene of the Moscow State Linguistic University: pages of history and modernity. Moscow: MSLU. (In Russ.)
4. Borisova, V. V., Shaulov, S. S., Yukhnovich, Yu. V. (2021). «Delo o kumaninskom nasledstve» v zhizni i tvorchestve F. M. Dostoevskogo. = "The case of the Kumanin inheritance" in the life and work of F. M. Dostoevsky. Ufa. (In Russ.)

5. Buryshkin, P. A. (1990). Moskva kupecheskaya = Moscow merchant. Moscow. (In Russ.)
6. Klub chervonnyh valetov. Ugolovnyj process (1877) = Club of Jacks of Hearts. Criminal proceedings. Moscow. (In Russ.)
7. Dostoevsky, A. M. (1992). Vospominaniya = Memoirs. St. Petersburg. (In Russ.)
8. Volgin, I. L. (1998). Koleblyas' nad bezdnoj. Dostoevskij i russkij imperatorskij dom = Hesitating over the abyss. Dostoevsky and the Russian Imperial House. Moscow: Center for Humanitarian Education. (In Russ.)
9. Dostoevsky, F. M. (1981). Polnoe sobranie sochinenij = Complete works (vol. 23): in 30 vols. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
10. Nechaeva, V. S. (1979). Rannij Dostoevskij = Early Dostoevsky. 1821–1849. Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Stoletie Moskovskoj prakticheskoj akademii kommercheskih nauk (1910) = Centenary of the Moscow Practical Academy of Commercial Sciences. Moscow. (In Russ.)
12. Borisova, V. V., Shaulov, S. S. (2020). "The Jack of Hearts Club" in F. M. Dostoevsky's Novel "The Raw Youth". The Unknown Dostoevsky, 3, 149–165. (In Russ.)
13. Borisova, V. V. (2020). "Jack of Hearts" A. T. Neofitov from the Circle of F. M. Dostoevsky. The Unknown Dostoevsky, 1, 156–167. (In Russ.)
14. Lukashkin, A. C. (2019). "Rocambole, state man": the figure of I. M. Manasevich-Manuilov in pre-revolutionary Russia. Imagology and Comparativism, 11, 121–139. (In Russ.)
15. Dostoevsky, F. M. (1973). Polnoe sobranie sochinenij = Complete works (vol. 6): in 30 vols. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
16. Tikhomirov B. N. (2016). «Lazar'! gryadi von». Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie v sovremennom prochtenii: kniga-kommentarij = "Lazarus! Ridge Over There". Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment" in Modern Interpretation: The Commentary]. (In Russ.)
17. Dostoevsky, F. M. (1975). Polnoe sobranie sochinenij = Complete works (vol. 13): in 30 vols. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
18. Repina L. P. (2017). Jubilee histories of universities as a genre of modern Russian historiography. Dialogue with Time, 60, 142–152. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Борисова Валентина Васильевна

доктор филологических наук

профессор кафедры русского языка и теории словесности переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

ведущий научный сотрудник Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля

(Музейного центра «Московский дом Достоевского»)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Borisova Valentina Vasiljevna

PhD (Philology)

Professor of the Department of Russian Language and Theory of Literature

Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Leading Researcher, V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature

(Museum Center "Moscow House of Dostoevsky")

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

11.09.2024
10.10.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Современная постколониальная литература Великобритании: драма или новая реальность?

С. П. Толкачев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
stolkachov@yandex.ru

Аннотация. Современная британская постколониальная литература представляет собой пеструю панораму творений, созданных писателями с различными небританскими этнокультурными корнями – индийскими, африканскими, карибскими и т. д. Крайне актуальна тематика этих произведений: строительство пространства, которое можно было бы назвать новым домом, влияние истории на человеческую судьбу, противоречивые процессы социальных перемен и зарождение новых полиэтнических диаспор.

Ключевые слова: постколониальная литература, мультикультурализм, постколониальное пространство, гибридная идентичность, миграция, этнокультурная амбивалентность

Для цитирования: Толкачев С. П. Современная постколониальная литературе Великобритании: драма или новая реальность? // Вестник Московского гуманитарного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (894). С. 141–147.

Original article

Modern Postcolonial Literature of Great Britain: Drama or New Reality?

Sergey P. Tolkachev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
stolkachov@yandex.ru

Abstract. Modern British postcolonial literature is a motley panorama of works created by writers with various non-British ethno-cultural roots – Indian, African, Caribbean, etc. The themes of these works are extremely relevant: the construction of a space that could be called a new home, the influence of history on human destiny, contradictory processes of social change and the emergence of new multiethnic diasporas.

Keywords: postcolonial literature, multiculturalism, postcolonial space, hybrid identity, migration, ethno-cultural ambivalence

For citation: Tolkachev, S. P. (2024). Modern Postcolonial Literature of Great Britain: Drama or New Reality? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 141–147. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Говоря о Великобритании как о постколониальном пространстве с столицей Лондоном, представляющим собой мультикультурный мегаполис, мы имеем в виду именно форму общественного разнообразия. После распада Британской империи оно стало следствием миграции жителей бывших британских колоний в ранее существовавший имперский центр. С одной стороны, такая перспектива не включает в себя этнокультурное разнообразие Лондона до ухода англичан из колоний. С другой стороны, такое описание мультикультурализма в постколониальном мире несколько устарело. Однако невозможно отрицать, что послевоенная миграция из бывших британских колоний в некогда могущественный имперский центр является основной исторической причиной, лежащей в основе замечательного этнического и культурного разнообразия, которое наблюдается сегодня в туманном Альбионе. Следовательно, можно говорить о современной британской прозе, поэзии, драматургии как о постколониальной литературе мультикультурного пространства. Данное исследование актуально в силу того, что мультикультурный контекст современной британской (а также и американской, канадской, южноафриканской и т. д.) литературы представляет собой сравнительно новую парадигму в развитии беллетристики на английском языке. Многочисленные авторы пытаются осмыслить сложные кризисные процессы, связанные с миграцией, с формированием новых гибридных идентичностей, с проблемами социального статуса граждан, прибывающих в метрополию из бывших колоний. Научная новизна статьи обусловлена тем, что в ней в качестве материала рассматриваются как произведения, известные отечественным критикам и читателям, так и совершенно новые творения изящной словесности, не ставшие пока объектом интереса в отечественном литературоведении.

Как известно, переосмыслением постколониальной теории и литературы занимались такие авторитетные исследователи, как Х. Бхаба, Э. Саид, Б. Эшкрофт, Г. Гриффитс, Х. Тиффин и др. [Bhabha, 1994; Said, 1993; Ashcroft, Griffiths, Tiffin, 1989]. В то же время на Западе развивается концепция собственно мультикультурности и кросс-культурной литературы, проблемам которой посвящают свои исследования такие ученые, как Я. Алибхай-Браун, Т. Модуд, М. Перфект, С. Саад Кармель и др. [Alibhai-Brown, 2000; Modood, 2007; Perfect, 2014; Saad, 2012]. Они фиксируют стадии формирования современного мультикультурного эпоса, посвященного жизни мигрантов из бывших колонизованных

стран, а также – из частей света, которые никогда не входили в Британскую империю. Формирование мультикультурного дискурса современной британской литературы связано с повествованиями о жизни мигрантов на британских островах, об их детях, рожденных в Великобритании, о жителях европейских государств, переехавших в Англию и создающих своего рода «белые» мигрантские сообщества, о чернокожих британцах, выходцах из стран Ближнего и Дальнего Востока и т. д.

МУЛЬТИКУЛЬТУРНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИМЕНА ИЗВЕСТНЫЕ И НОВЫЕ

Начиная с середины XX века в Великобританию стали иммигрировать жители Карибских островов. Они получали новое гражданство, что неизбежно приводило к изменениям в структуре британского общества. Совокупность этих процессов, в свою очередь, усложнялась смешением традиций исконных жителей Карибских островов, прибывших на новую территорию, с традициями переселенцев из Индии, Африки и других регионов мира. В результате Британия переживала серьезные преобразования во второй половине XX века, такие как полный распад империи, крупномасштабная иммиграция из бывших колоний и превращение традиционного британского сообщества в мультикультурное. Тексты, порожденные этой ситуацией, отмечены крайней степенью неоднородности, которая почти не поддается определению. Они включают произведения писателей с африканскими, южно-азиатскими, индо-карибскими и африкано-карибскими корнями. К этой же этнокультурной группе примыкают литераторы, принадлежащие к разным поколениям и социальным стратам общества и проживающие в различных регионах Великобритании. Корпус мультикультурных произведений включает также тексты, написанные на разных вариантах английского языка, которые возникли в результате взаимодействия между различными языковыми сообществами в Великобритании и за рубежом. Этот слой мультикультурной британской литературы значительно вырос с середины XX века и особенно интенсивно развивается на протяжении последних двух десятилетий.

Таким образом, дискурс современной постколониальной литературы сосредоточен в первую очередь на произведениях о мигрантах, которые прибывали из бывших британских колоний в метрополию и их детях, рожденных в Великобритании. Конечно, европейские и другие «белые» иммигрантские сообщества в Лондоне – и, более того, другие «небелые» кланы переселенцев – следует

рассматривать как различные и взаимосвязанные составляющие мультикультурности города в более широком смысле. В результате появилось множество талантливых художественных произведений, которые, безусловно, можно считать образцами литературных произведений о полиэтнических Лондоне и Великобритании. Они выходят за рамки этого проекта.

В своем переосмыслении разнообразия в первые десятилетия XXI века исследователь Кенан Малик подходит к мультикультурализму, раскрывая два его основных значения, первое из них – мультикультурность как «живой опыт разнообразия». Исследователь также полагает, что люди, которые переживали жизнь в более интегрированной, жизнерадостной и культурно разнообразной среде, склонны проявлять положительную корреляцию между своим опытом и воспринимаемыми преимуществами культурного разнообразия их новой среды обитания, включая повышенную толерантность к иммигрантам, политику открытых границ и снижение препятствий для групп меньшинств [Malik, 2013]. В этом смысле постколониальный дискурс описывает набор социальных стратегий, цель которых – управлять разнообразием и официально признавать его, определять индивидуальные потребности людей и человеческие права, на основании практики развития мультикультурного общества. Она служит формированию государственной политики. Речь идет не только об открытых границах и новом общественном сознании, но и об охране границ, физических, культурных или творческих.

Значительный пласт британской литературы отображает проблемы мультикультурного общества. Они неизбежно сопровождают процессы формирования личности. Эти процессы, в свою очередь, проходят под воздействием социальных, семейных и других факторов. Их совокупность приводит к тому, что современная британская проза прямо или косвенно продолжает традиции европейского романа воспитания (Bildungsroman). Эта жанровая разновидность словесного творчества прошла длительный процесс формирования. В связи с этим целесообразно вспомнить о более ранних произведениях «черных британцев», которые предвосхищали появление данной темы в будущем (Олауда Эквиано, аболиционист и первый англоязычный чернокожий писатель) или находились под влиянием жанра романа воспитания (Сэм Селвон, Камала Маркандая, Видиа Найпол и т. д.). Благодаря этим и многим другим литераторам роман о трансформации героя превращается в доминирующую разновидность прозы в постколониальной британской литературе. Исследуя критические моменты в произведениях «черных британцев» – официальный термин,

закрепившийся в постколониальной критике – мы рассматриваем генеалогию литературы трансформации. Она не только отображает формирование главных героев, но также воздействует на способы повествования и раскрывает преобразующий потенциал, которым обладают главные герои.

Не менее значимой темой мультикультурного британского романа становятся метаморфозы британского общества и его культурных институтов. При этом исследование трансформации мультикультурного героя неотделимо от постколониальной теории и практики изучения культуры чернокожих представителей человеческой цивилизации. При исследовании этого пласта словесного творчества необходимо принимать во внимание концепцию британского историка Пола Гилроя о пространстве так называемой «Черной Атлантики», соединяющей Африку, Америку и Европу [Gilroy, 1996, с. 5]. В то же время полиэтническая англоязычная литература, безусловно, во многом близка по духу корневой британской беллетристике и продолжает ее традиции.

Постколониальная британская литература, по-видимому, связана с европейской разновидностью этой парадигмы, но в то же время относится и к другим культурным территориями по ту сторону «Черной Атлантики» и за ее пределами. С исторической точки зрения Британия долгое время подвергалась процессам культурной трансформации, вызванным не только иммиграцией, но и аннексией чужих территорий и присвоением инородных культурных ценностей. Именно поэтому, по мнению П. Гилроя, эту страну нельзя считать автохтонным обществом «чистокровных англичан», высокомерие которых высмеял в своей одноименной сатире Даниэль Дефо.

Такие парадигмы мультикультурного дискурса, как синкретизм, амбивалентность, мимикрия, гибридность, выдвинутые постколониальной теорией, основаны на предположении, что интенсивные взаимодействия между британской культурой, с одной стороны, и локальными постколониальными культурами, с другой, становятся темами научных конференций и семинаров за пределами бывшей метрополии. Но в отношении своей «контактной зоны» [Pratt, 1992, с. 11] мультикультурная Британия отличается от других постколониальных цивилизаций, поскольку претендует на создание нового вида пространства в центре современной картины мира [Representation: Cultural Representations and Signifying Practices, 1997].

Среди сравнительно недавних ярких примеров произведений на мультикультурные темы можно назвать именитых авторов, увенчанных авторитетными литературными премиями, в том числе Нобелевской и Букеровской (С. Рушди, В. Найпол,

К. Исигуро, А. Гурна и т.д.) и признанные мировым литературным сообществом и широкими читательскими кругами, но и сравнительно новые имена мультикультурных писателей, только вступающих на путь признания и известности.

Всё больше исследователей обращаются к творчеству новых авторов. Среди них британский писатель Сэм Норт, получивший известность за свой роман «Без номера» (2004), повествующий об отношениях между молодым греческим иммигрантом, проживающим в Лондоне, и румынской беженкой. Заметным событием в литературной среде стала публикация романа «Дорога домой» (2007) Роуз Тремейн о жизненных испытаниях польского иммигранта, решившего искать убежище в столице Великобритании. Писательница в конце XX века была признана лучшим англоязычным автором по опросу авторитетного литературного журнала «Гранта». По ее собственному признанию на нее чрезвычайно сильно повлияло творчество Уильяма Голдинга и Габриэля Гарсия Маркеса. Она приобрела известность после того, как ее научно-фантастический роман «Сила» в 2017 году получил Женскую премию за художественную литературу (*Women's Prize for Fiction*).

В жанре романа-хроники написано произведение «Непослушание» (2007) Наоми Олдерман об ортодоксальной общине выходцев с Ближнего Востока, проживающей в северо-западном Лондоне. Густо населен мир романа «Капитал» (2012) Джона Ланчестера, герои которого со своими жизненными испытаниями и маленькими радостями обитают на одной улице в некоем южном районе столицы бывшей империи.

Несомненно, все эти и другие книги посвящены литературным репрезентациям этнического и культурного разнообразия современного Лондона в самом широком смысле. Но есть и произведения, в которых показано, как сам Лондон изменился в результате нескольких волн массовой миграции из бывших британских колоний в некогда несокрушимый имперский центр.

Известное в России литературное произведение Зэди Смит «Белые зубы» (2000) году, получило широкое признание за свой новаторский статус в качестве британского романа на полиэтническую тематику нового тысячелетия, освещающего исторический контекста XX века, в частности крушению колониальной системы и так называемой «реактивной колонизации» [Толкачев, 2021, с. 50], когда жители бывшей империи начали активно переселяться в бывшие метрополии. Следуя по стопам Шекспира, «Буря» которого сегодня рассматривается многими исследователями едва ли не как первое творение на постколониальную тематику

[Kawachi, 2004], английская писательница в своем романе ставит вопросы о том, как история интерпретируется в интересах власти, каким образом она может повлиять на взросление молодых британцев – популяции, которая, с одной стороны, заинтересована в познании своих исторических корней, а с другой – зачастую забывает о них.

В романе «Белые зубы» автор с юмором и наблюдательностью рассказывает о судьбах мультикультурных героев в современном обществе Великобритании. Основное внимание уделено трем британским семьям, связанным с Индией, Бангладеш и странами Карибского бассейна, а также с Восточной Европой в контексте Второй мировой войны, Италией и т.д. Однако в целом состоятельные Чалфены являют собой респектабельное семейство, представляющее средний класс, Маркус Чалфен принадлежит к несколько иному поколению, а его сын предстает в романе как продукт «перекрестного опыления» традиций и культур, произрастающих из католицизма, феминизма и интеллектуализма. Семья Чалфена иммигрирует в Великобританию раньше, чем туда переезжают Джонсы из Карибского бассейна и Икбалы из Бангладеш. Все три фамилии представляют собой новый мультикультурный Лондон с его социальными и культурными примесями и постоянными метаморфозами идентичности. Эти герои создают пространство, в котором люди с разным цветом кожи и этнокультурными корнями одинаково интересны и замысловатые, зачастую не по-английски звучащие имена и фамилии отражают смешение исторических, культурных и религиозных парадигм.

В произведении Зэди Смит воспет мегаполис, в котором все друг другу на первый взгляд чужие, но эти же люди вполне комфортно чувствуют себя под крышей нового дома, живут в гармонии с окружением в новом полиэтническом пространстве, где возможно взаимное обогащение различными культурными традициями и историческим наследием, будь то столица Англии, семейный круг или личная сфера каждого человека. В романе обрисован мир, в котором определения «индеец» или «англичанин» не относятся к эссенциальной идентичности как форме осознания человеком себя и своего существования в контексте бытия и где на самом деле «больше всего похожи на настоящих англичан индийцы, а на индийцев – англичане» (З. Смит. *Белые зубы*). Такая мультикультурная гибридность не лишена некоторого оттенка напряженности, которая определяет достаточно реалистический социальный фон действия романа и вообще всегда сопровождает процесс конструирования новых идентичностей, а даже порой приобретает коннотации ксенофобии и расизма.

Мультикультурная британская литература повествует не только о положении выходцев из бывших колоний и их потомков, но и о сообществе, которое они открыли и продолжают формировать на рубеже столетий. Главный герой романа Ханифа Курейши «Будда пригорода» (1990) Карим Амир на первой странице произведения говорит о себе как о «почти англичанине», родившемся и выросшем на туманном Альбионе. Эта лаконичная пометка «почти» подчеркивает состояние амбивалентного этнокультурного сознания человека, который, будучи в статусе инсайдера, одновременно осознает себя аутсайдером. «Будда из пригорода» изображает процесс формирования мультикультурного героя, однако произведение – не только о взрослении Карима, но и о трансформации его окружения. Используя амбивалентную природу культурной сущности своего героя, Ханиф Курейши создает роман о трансформации человеческой сущности на фоне коренных перемен в британском социуме под влиянием «внутренних аутсайдеров», каковым главный герой и является.

Такие произведения объединены в многочисленные сборники и антологии (проза Куртия Ньюланда, Кадиджи Сесай, Кэрила Филлипса), переведены на язык кино (фильмы по произведениям Салмана Рушди, Миры Сайал, Ханифа Курейши и Зэди Смит). Этому также способствовали литературные премии, как общепризнанные, к ним относится, например, Букеровская, так и новые – «САГА» гильдии киноактеров США и премия Кейна за лучшее африканское литературное произведение (*The Caine Prize for African Writing*). Некоторые британские мультикультурные писатели получили не только национальное, но и международное признание, став лауреатами Нобелевской премии. Кроме упомянутых выше Видиа Найпола, Кадзуо Исигуро, Абдулразака Гурны ее обладателем стал англоязычный южноафриканский прозаик Джозеф Кутзее, который в свое время получил гражданство Австралии. Тематика его произведений связана с мультикультурным пространством.

Существуют и примеры творческих достижений писателей, идентичность которых еще более сложна, однако их творчество представляет относительно оптимистичную версию переосмысления постколониальной истории Британии. Так, в романе английской писательницы нигерийско-немецкого происхождения «Когда мы говорим ни о чем» (2017) говорится о судьбе двух чернокожих мальчиков, чья дружба подвергается испытаниям, включая расистские нападки, травлю и нестабильный политический климат. В романе Сунджива Сахоты «Китайская комната», номинированном на Букеровскую премию 2021 года, переплетаются истории

девушки, живущей в пенджабской деревне 1920-х годов, и ее правнука, родившегося и выросшего в Великобритании, который решает возвратиться на свою малую родину в конце XX века.

Перу британской писательницы Наташи Соломонс – внучки иммигрантов, бежавших из Берлина под угрозой интернирования в Освенцим, принадлежат такие романы, как «Золотой дом», «Галерея исчезнувших мужей», «Дом в Тайнфорде» и т. д. Получили признание роман «Брачные материалы» (2013) индо-британского писателя Сатнама Сангеры, а также его историко-публицистическое сочинение «Украденная история: правда о Британской империи и о том, как она сформировала нас» («*Stolen History: the Truth About the British Empire and How It Shaped Us*», 2023).

Более драматичные или даже трагические постколониальные сюжеты мы находим в творчестве Никиты Лалвани, романиста, родившегося в индийском штате Раджастан и выросшего в столице Уэллса Кардиффе. В романе Лалвани «Одаренный» (2007) художественно раскрыты такие сложные темы, как миграция, отчуждение от корневой культуры, память как психологическая травма, мучительные изломы транснациональной идентичности. Не менее острые переживания постколониального опыта являет в своем романе «Краткий китайско-английский словарь для влюбленных» (2007) Сяолу Го, британская романистка, мемуарист и режиссер, предки которой – выходцы из юго-восточного региона.

Так что же представляет собой судьба мультикультурного героя – драму или новую реальность? Во многом это риторический вопрос, который, вероятно, не требует прямого ответа. Это и драма, потому что любая трансформация и переход на новый уровень для человека всегда сложен, потому что зачастую происходит достаточно болезненно. Это и новая реальность, ведь мультикультурный герой и произведения о нем свидетельствуют о рождении новой площадки, на которой будут происходить переговоры по переходу от эпохи конфликтов, войн и межнациональных, политических и религиозных распрей к содержательному и глубокому диалогу, что является непременным условием формирования нового пространства взаимопонимания между народами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Британская постколониальная литература может проделать важную работу в сложный и порой зачастую беспощадный век этнокультурного разнообразия. Другими словами, общественное

благо такой литературы связано с ее способностью помочь читателям понять и осмыслить растущую социальную сложность и, возможно, проявлять сочувствие к людям, принадлежащим ко взаимно удаленным культурам, и вырабатывать эмпатию читателя к героям, непохожим на него.

Рассуждая о силе и общественном благе литературы, Кэрил Филлипс подчеркивает свою страстную веру в моральную способность художественной литературы вырвать людей из идеологических нор и заставить взаимодействовать с миром, который пусть порой неуклюже, но меняется к лучшему, превращаясь в полиэтничное пространство, где люди учатся говорить на новом языке взаимопонимания. Пока у человечества есть литература как оплот борьбы против нетерпимости и как созидаящая сила, шанс спасти мир не упущен. Миру нужны писатели, чтобы объяснять сложность этого перехода к мультикультурности, поскольку литература – это множественность в действии. Она тематически охватывает и ценностно отображает пространства, где отсутствуют универсальные дидактические истины и где каждый имеет право быть понятым.

В свою очередь Ханиф Курейши размышляет об общественном благе литературы и силе искусства

в целом, называя загадочным пространство мультикультурности, в котором народы в разной степени смешаны и запутаны. И поскольку политики заведомо ограничены в своих публичных заявлениях, для решения этой проблемы нужны художники слова, интеллектуалы и ученые. Они существуют с тем, чтобы поддерживать культурный диалог и помогать представителям различных цивилизаций ориентироваться в современном мире.

Основываясь на комментариях таких талантливых писателей, как Филлипс и Курейши, теоретиков мультикультурализма и постколониализма, логично утверждать следующее: посредством процессов переосмысления этнокультурного разнообразия литература, о которой шла речь в настоящей статье, побуждает читателей переосмысливать дискурсы того, что Б. Парек называет «мультикультурные навыки» [Парех, 2006, с. 24], К. Э. Аппиа – космополитическим любопытством и этосом, изначальный смысл которого – «совместное жилище» [Аппиа, 2018, с. 96], а по словам Курейши, постколониальная литература может содействовать в составлении глобальной ментальной карты мультикультурализма Великобритании и, возможно, всего мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bhabha H. *The Location of Culture*. London & New York: Routledge, 1994.
2. Said E. W. *Culture and Imperialism*. New York: Knopf, 1993.
3. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *The Empire Writes Back*. London & New York: Routledge, 1989.
4. Alibhai-Brown Y. *After Multiculturalism*. London: The Foreign Policy Centre, 2000.
5. Modood T. *Multiculturalism, Citizenship and National Identity*. *Open-Democracy*. 2007. May 16. URL: https://www.opendemocracy.net/faith-europe_islam/multiculturalism_4627.
6. Perfect M. *Contemporary Fictions of Multiculturalism. Diversity and the Millennial London Novel*. London: Palgrave Macmillan, 2014.
7. Saad C. S. et al. *Multiculturalism and Creativity: Effects of Cultural Context, Bicultural Identity, and Ideational Fluency // Social Psychological and Personality Science*. 2012. Vol. 4 (3). P. 369–375.
8. Malik K. *Multiculturalism and Its Discontents: Rethinking Diversity after 9/11*. London: Seagull, 2013.
9. Gilroy P. *The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness*. Cambridge: Harvard University Press, 1996.
10. Pratt M. L. *Imperial Eyes: Travel Writing and Politics*. London & New York: Routledge, 1992.
11. *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices* / ed. by S. Hall. London & Thousand Oaks, California: Sage, 1997.
12. Толкачев С. П. *Мультикультурная литература: Новые горизонты XXI века: монография*. М.: Кнорус, 2021.
13. Kawachi Y., Kujawińska-Courtney K. *Multicultural Shakespeare: Translation, Appropriation and Performance*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2004.
14. Parekh B. *Rethinking Multiculturalism. Cultural Diversity and Political Theory*. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan, 2006.
15. Appiah K. A. *The Lies that Bind. Rethinking Identity*. London: Profile Books, 2018.

REFERENCES

1. Bhabha, H. (1994). *The Location of Culture*. London & New York: Routledge.

2. Said, E. W. (1993). Culture and Imperialism. New York: Knopf.
3. Ashcroft, B., Griffiths, G., Tiffin, H. (1989). The Empire Writes Back. London & New York: Routledge.
4. Alibhai-Brown, Y. (2000). After Multiculturalism. London: The Foreign Policy Centre.
5. Modood, T. (2007). Multiculturalism, Citizenship and National Identity. Open-Democracy. May 16. https://www.opendemocracy.net/faith-europe_islam/multiculturalism_4627.
6. Perfect, M. (2014). Contemporary Fictions of Multiculturalism. Diversity and the Millennial London Novel. London: Palgrave Macmillan.
7. Saad, C. S., et al. (2012). Multiculturalism and Creativity: Effects of Cultural Context, Bicultural Identity, and Ideational Fluency. Social Psychological and Personality Science, 4(3), 369–375.
8. Malik, K. (2013). Multiculturalism and Its Discontents: Rethinking Diversity after 9/11. London: Seagull.
9. Gilroy, P. (1996). The Black Atlantic: Modernity and Double Consciousness. Cambridge: Harvard University Press.
10. Pratt, M. L. (1992). Imperial Eyes: Travel Writing and Politics. London & New York: Routledge.
11. Hall, S. (Ed.). (1997). Cultural Representations and Signifying Practices. London & Thousand Oaks, California: Sage.
12. Tolkachev, S. P. (2021). Mul'tikul'turnaya literatura: Novye gorizonty XXI veka: monograph. Moscow: Knorus. (In Russ.)
13. Kawachi, Y., Kujawińska-Courtney, K. (2004). Multicultural Shakespeare: Translation, Appropriation and Performance. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego.
14. Parekh, B. (2006). Rethinking Multiculturalism. Cultural Diversity and Political Theory. 2nd ed. London: Palgrave Macmillan.
15. Appiah, K. A. (2018). The Lies that Bind. Rethinking Identity. London: Profile Books.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Толкачев Сергей Петрович

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tolkachev Sergey Petrovich

Doctor of Philology, Professor

Professor of the Department of Russian and Foreign Literature

Faculty of Translation, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	29.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	11.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	21.10.2024	accepted for publication

Научная статья
УДК 316.4.06

Проблематика формирования множественной идентичности у спортивных легионеров

М. В. Аверина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
m-averina@list.ru

Аннотация. В современном глобальном социуме миграционные процессы приобрели колоссальные масштабы. Часть мигрантов, в силу разных причин перемещающихся из стран исхода в страны-реципиенты или курсирующих между несколькими странами, получили название трансмигрантов. К этой группе с полным правом можно отнести спортивных легионеров (иностранных игроков), заключающих контракты со спортивными клубами разных стран, оставаясь при этом гражданами своих государств и членами зарубежных национальных сборных. В статье анализируется формирование множественной идентичности у данной группы, уточняется компонентный состав формируемой у них множественной идентичности. В качестве основной цели данного исследования выступает определение позитивных и негативных изменений, вносимых данной группой в цивилизационное развитие спорта.

Ключевые слова: спортивный легионер, трансмиграции, множественная идентичность, глобализация, спортивная миграция, спорт

Для цитирования: Аверина М. В. Проблематика формирования множественной идентичности у спортивных легионеров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 148–153.

Original article

The Issue of Formatting Multiple Identities among Sports Legionnaires

Marina V. Averina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
m-averina@list.ru

Abstracts. In today's global society, migration processes have reached enormous proportions. Some migrants, due to various reasons, relocating from their countries of origin to recipient countries or moving between multiple countries, are referred to as transmigrants. This group rightfully includes sports legionnaires (foreign players) who sign contracts with sports clubs in different countries while remaining citizens of their home states and members of their national teams. This article analyzes the formation of multiple identity within this group, clarifies the components of the multiple identity they develop. The main purpose of this study is to identify the positive and negative contributions this group makes to the civilizational development of sports.

Keywords: sports legionnaire, transmigration, multiple identity, globalization, sports migration, sports

For citation: Averina, M. V. (2024). The issue of formatting multiple identities among sports legionnaires. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 148–153. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Процессы глобализации определили быстрое развитие мировой индустрии профессионального спорта, что повлекло транснациональные и трансконтинентальные потоки спортсменов высокого уровня в спортивные клубы разных стран – от Уругвая до Японии и от Бельгии до Австралии. Помимо реализации бизнес-целей, отвечающих потребностям мирового капитала, спортивные легионеры выступили в качестве миссионеров глобального распространения и обмена содержанием спортивных культур, технологиями тренировочного процесса и т. п. Необходимость мягкой социокультурной адаптации иностранных спортсменов (спортивных легионеров), их быстрой и максимальной включенности в практикуемый вид спорта, демонстрации своей результативности, реализации достиженческих амбиций определила ряд исследовательских задач. К кругу этих задач относятся изучение факторов, возможностей, практик, позволяющих облегчить процессы погружения в повседневную среду инокультурного общества, освоение новых социальных норм, создание условий для презентации себя в различных социокультурных средах принимающего социума, описание механизма такого конструктивного погружения, в качестве которого рассматривается формирование множественной (гибридной) идентичности, анализ флагманской роли спортивных легионеров как носителей спортивной динамики.

МНОЖЕСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ТРАНСМИГРАЦИЙ

Трансммиграции, подразумевающие частые перемещения границ регионов, стран, континентов, благодаря современным информационным технологиям позволяют сохранять, поддерживать старые и развивать новые социальные, политические, экономические, культурные, символические и другие отношения одновременно в ряде мест.

Ожидаемое взаимопроникновение культурных обычаев и социокультурных практик при трансмиграциях населения способствует выработке двух и более идентичностей, затрагивающих индивидуально-личностный, социально-групповой и социально-массовый уровни взаимодействия, что дает возможность выстраивания своих жизненных стратегий с ориентацией на несколько мест: страны исхода, страны-транзита, страны прибытия.

А. Гидденс обращает внимание на затруднительность нахождения стабильных «точек опоры» для самоидентификации в современном социуме,

соответственно, индивид должен постоянно конструировать свою идентичность как реакцию на неопределенность и способ справиться с ней для поддержания регулярного взаимодействия с окружающими [Giddens, 1991].

С. Хантингтон, исследуя процесс формирования идентичности, указывает на неизбежность воздействия ряда источников: естественных (аскриптивных), территориальных, экономических, политических, культурных и социальных. Они могут как дополнять друг друга, так и вступать в конфликт. Под источниками подразумеваются группы влияния, в которые включается человек в процессе жизни и деятельности. Поскольку при миграции группы влияния ожидаемо меняются, их количество может увеличиваться или уменьшаться. Соответственно, запускаются процессы изменения идентичности: накопления и появления новых связей, забвения старых или их сохранения при необходимости и встраивания их в систему самосознания индивида. Всё перечисленное позволяет говорить о формировании множественной идентичности [Хантингтон, 2004].

Г. Хоренчик, И. Ясинская-Лахти, Д. Л. Сэм, П. Веддер, М. Капельс отмечают, что в эпоху глобальных миграций изменяется отношение к пониманию идентичности: в сообществе «незнакомцев» в любом данном месте и времени индивид вынужден поддерживать определенный статус в целях приспособления к данному сообществу, а не использовать статус им унаследованный, ему приписываемый или им достигнутый [Horenczyk et al., 2013; Castells, 2015].

М. М. Дусерен, при определении механизма конструирования идентичности индивида выделяет такие его составляющие как динамика личностных ценностных ориентиров, национального менталитета и ценностей более широкой новой социальной среды принимающих сообществ. Процесс конструирования идентичности может быть болезненным в силу деконструкции глубоко укоренившихся предположений и определять его отношения с группой [Doucerain, 2018].

С. Уорд, С. Нг Цзюнг-Вонг, А. Сабо, Т. Кумсея, У. Бховон предлагают бикультурный взгляд на идентичность. Мультикультурный контекст социальных реалий мигрантов, проявляющийся в поведении, языке, религии, социальных взаимодействиях, ценностях, привычках употребления пищи, алкоголя и т. п. способствует формированию гибридных и чередующихся идентичностей в качестве обязательного условия для социальной интеграции [Ward et al., 2018].

Е. Мелонаши делает акцент на роли социальных сетей в сохранении баланса новых и старых

идентичностей, поскольку соцсети помогают оставаться близкими со своими родными путем постоянной переписки, а также возможности живого онлайн участия в фестивалях, встречах и других культурных активностях, оставшихся в другом месте [Melonashi, 2017].

Благодаря современным коммуникационным технологиям становится возможным выстраивание симбиотических культурных, экономических, социальных и другого рода связей трансмигрантами в силу разных причин перемещающихся из стран исхода в страны-реципиенты, либо курсирующих между несколькими странами, через создание как виртуальных, так и реальных жизненных пространств, что продуцирует формирование множественной идентичности, позволяющей успешно интегрироваться в различные сообщества.

ФОРМИРОВАНИЕ МНОЖЕСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У СПОРТИВНЫХ ЛЕГИОНЕРОВ КАК ТРАНСМИГРАНТОВ

К категории трансмигрантов исследователи обычно относят иностранных менеджеров различных бизнес-структур, часто переезжающих гастарбайтеров, цифровых кочевников. В связи с интенсивным развитием мировой индустрии профессионального спорта, повлекшей восприятие спортивного зрелища как товара и с целью усиления эмоционального эффекта от наблюдения за выступлениями лучших спортсменов, сформировалась практика трансфера игроков в спортивные клубы разных стран, усилилась миграционная мобильность спортсменов высокого и не очень уровня как внутри стран, так и наладилась транснациональные и трансконтинентальные потоки. Соответственно, в группу трансмигрантов представляется правомерным включить спортивных легионеров и спортивных мигрантов (сменивших спортивное гражданство).

Напомним, что под легионерами в спорте подразумевают иностранных игроков, заключающих контракты, например, с клубами России или любой другой страны, оставаясь при этом гражданами своих государств и членами зарубежных национальных сборных. К спортивным мигрантам (сменившим спортивное гражданство) относятся спортсмены, вынужденные приобретать гражданство другой страны из-за наложенных санкций на страну происхождения и запрет на выступления в международных соревнованиях под флагом этой страны. В качестве известных на весь мир спортивных легионеров выступают Лионель Месси, Криштиану Роналдо, Килиан Мбаппе и др. (футбол), Яо Мин,

Пау Газоль, Тони Паркер, Ману Жинобили (баскетбол), Яромир Ягр, Патрик Торесен, Ян Коварж (хоккей) и т. п. Наибольшее количество легионеров по миру составляют также китайские теннисисты (настольный теннис) и кенийские бегуны.

Трансммиграции спортивных легионеров вносят существенный позитивный вклад во внедрение различных спортивных культур (концепции, стили тренировок и др.) в клубы стран-реципиентов, реализуют возможности раскрытия спортивных талантов (из-за высокой конкуренции в стране исхода). Означенная практика трансмиграции как повышает уровень национальных спортивных соревнований, так и увеличивает шансы на победу страны на международной спортивной арене, усиливающие международное влияние, в глобальном масштабе спортивные легионеры способствуют развитию и продвижению культурных особенностей разных стран мира.

Формирование множественной идентичности у спортивных легионеров выступает зачастую комплексным продуктом, обусловленным спецификой их деятельности. Иностранцы спортсмены рассматриваются как товар и для оправдания затрат на свою покупку и получения высоких гонораров формально мотивированы к ускоренной интеграции в социум страны реципиента. Р. Сана, В. Дебора выделяют типичные трудности спортсменов в процессе миграции, такие как: различия в жизненном укладе и привычках, климате и окружающей среде, проблемы межличностного общения и трудности, порождаемые языковым барьером, столкновение полярных точек зрения и взаимно не совместимых ценностей, культурный шок, трудности, вызываемые налаживанием отношений между иностранными спортсменами, тренерами и членами команды в командных видах спорта и т. д. [Sana, Deborah, 2004]. В силу трудностей первоначальной адаптации и возможного отсутствия планов длительного пребывания в стране прибытия сохраняется насущная потребность выстраивания своих жизненных стратегий с ориентацией и на место исхода, и на новое место жительства, что стало технически реализуемым благодаря современным телекоммуникационным технологиям и поспособствовало созданию и поддержке существования онлайн пространств коммуникации с различными социальными группами. Включение в такое множество контекстов порождает необходимость формирования соответствующих идентичностей для эффективного взаимодействия как онлайн, так и офлайн.

Обращаясь к анализу структуры множественной (гибридной, транснациональной) идентичности в исследованиях зарубежных и российских

авторов, можно выделить региональный уровень, связанный со смешением территориально-географических и этнических локаций; культурный, обуславливающий взаимодействие традиций, верований, обычаев, языков; социальный, подразумевающий смешение социальных практик в механизмах идентификации; гендерный, направленный на восприятие смены ролей, а также политический, экономический, психолингвистический, идентичности в социальных сетях и виртуальных комьюнити в виде смешения культур офлайн и онлайн [Волков, Курбатов, 2022]. Следует особо подчеркнуть необходимость учета национальной идентичности именно для спортивных легионеров, поскольку национальное государство считается одним из важнейших агентов идентификации [Brubaker, Cooper, 2000]. Р. Брубейкер, Ф. Купер в своем исследовании приходят к выводу, что национальные государства в спорте высших достижений по-прежнему являются «мощными идентификаторами». Нарративы национальной идентичности становятся объектом общественного интереса, когда спортивным легионерам приходится выбирать между двумя нациями (натурализация), что часто становится темой обсуждения в СМИ [Ward, 2009].

РОЛЬ МНОЖЕСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СПОРТИВНЫХ ЛЕГИОНЕРОВ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ РАЗВИТИИ СПОРТА

Представители Бирмингемской школы культурных исследований, обсуждая проблематику возникновения множественной идентичности приходят к выводу, что она является позитивным следствием процессов самоидентификации, динамизма информационного общества и нестабильности глобальных процессов [Hall, 1980]. В условиях ускорения и упрощения информационного обмена знаниями, технологиями, практиками принципиально не может быть устойчивым набор ценностей, установок, культурных паттернов и стереотипов поведения, отвечающих за формирование идентичности. Соответственно, формирование идентичности – принципиально незавершенный процесс, в рамках которого идет перестановка акцентов с исследования устойчивых «картин мира» на осмысление взаимодействия различных «жизненных миров». Именно множественная идентичность позволяет индивиду адаптироваться не через традицию, а автономно через возрастание роли личной ответственности, актуальности решений, мотивированных разнообразными личными потребностями, а не искусственно навязанными

традиционными социальными институтами и стереотипными формами поведения. Таким образом, в современной теории культуры множественная идентичность рассматривается как модель коммуникативной рациональности, позволяющая расширять степень свободы индивида в культуре, что необратимо влечет за собой целый комплекс социокультурных изменений. Они задают вектор эволюции информационного общества. Ю. Хабермас отмечает, что формирование целостной множественной идентичности как коммуникативного типа рациональности возможно только при понимании ценности культурных практик, ориентированных на открытость к созданию индивидуальных смыслов и выработке совместных норм путем преодоления разногласий [Хабермас, 2001, с. 92].

Сфера спорта является неотъемлемой составляющей практически всех известных цивилизаций, не случайно у каждого этноса есть свои культурные практики спортивной активности, имеющие глубокие исторические корни. Функционирование спорта в современном глобальном информационном социуме строго подчиняется общим тенденциям общецивилизационного развития, имеющим как позитивные, так и негативные стороны. Причем негативные тенденции порой более информативны и полезны для анализа динамики, нежели позитивные.

Запуск процессов транслокальной (внутренней), транснациональной и трансконтинентальной мобильности спортсменов (получивших название спортивных легионеров), тренеров, агентов, обусловленный, в первую очередь, интересами глобального капитала, поспособствовал глобализации спортивных талантов, профессиональных клубов, организации международных соревнований, обмену концепциями локальных спортивных культур, паттернами повседневного эффективного поведения и паттернами игровых тактик. Глобализация трансферных практик спортивных легионеров поспособствовала привлечению и увеличению инвестиций в страны исхода и прибытия, созданию новых рабочих мест, улучшению инфраструктуры и обновлению городской среды, развитию туризма и торгового сектора, развитию толерантности населения, пониманию ими международных различий, культурному обмену, укреплению дружеских взаимоотношений между представителями разных государств.

18-летний Марио Фигейра Фернандес, бразилец по происхождению, стал гражданином России в 2016 году и официально выступал за сборную России в 2017 году. Вместе с ЦСКА Марио трижды выигрывал чемпионат России, один Кубок России и три Суперкубка страны. В интервью 2015 года он сказал, что во время пребывания в Ла Лиге у него было много вредных привычек, из-за которых он

часто пропускал тренировки, что провоцировало снижение конкурентоспособности. Однако в Москве он избавился от этих вредных привычек, и именно здесь нашел чувство принадлежности¹.

Формирование множественной идентичности в качестве коммуникативного типа рациональности у спортивных легионеров, благодаря чему и возможно внесение выше обозначенного позитивного вклада, зачастую дает сбой, что лишний раз подчеркивает ее значимость в цивилизационном развитии спортивных практик.

Бум закупки иностранных игроков (легионеров) в российские клубы случился в начале 2000-х годов. В 2005 году в состав московского «Динамо» вошли обладатели Кубка чемпионов-2004 в составе «Порту»: Дерлей, Коштинья, Манише, Нуну и Тиаго Силва, стоимость которых обошлась клубу в 30 с лишним млн евро, но не принесла никакой пользы. Тиаго Силва заболел туберкулезом, поэтому не провел ни одной игры и вернулся на родину; Нуну остался резервным вратарем; Манише с Коштиньей практически не играли, активно выражали тоску по Португалии, скандалили с персоналом клуба. Лишь Дерлей время от времени забивал голы, но изначально приехал в «Динамо» с хронической травмой колена, из-за которой вскоре и завершил карьеру. В 2009 году Роберто Карлос, чемпион мира и трехкратный обладатель Кубка чемпионов, спустя два сезона работы в «Анжи» заявил, что был там «в общем-то, никем», что «зарплата Это'О вызывала недоумение в раздевалке»².

Опыт наблюдения за адаптацией спортивных легионеров (как одним из механизмов формирования множественной идентичности) показал, что сербы Неманья Видич, Милош Красич и Бронислав

Иванович очень быстро заиграли в московских клубах, за несколько месяцев заговорили по-русски и в дальнейшем были выгодно перепроданы в «МЮ», «Ювентус» и «Челси», а условные аргентинец Инсаурральде, бразилец Рамон и ганец Драмман в России себя так и не нашли и не проявили³.

Обобщая негативные последствия практики спортивного легионерства (трансфера иностранных игроков) в рамках отсутствия формирования ряда компонентов (уровней) множественной идентичности, невозможно не указать на появление барьеров для развития местных спортивных традиций и культурных особенностей. Такие барьеры приводят к потере национальной идентичности. К. Зайберт, А. Тиль и Дж. Джон отмечают, что международная карьера может даже уменьшать чувство принадлежности к нации, за которую играет спортсмен, в случае неудачных результатов выступлений [Seiberth, Thiel, John, 2022].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблематика формирования множественной идентичности спортивных легионеров выкристаллизовалась в процессе анализа их мигрантского опыта по освоению социальных норм инокультурного общества, важности презентации ими себя в различных средах принимающего социума и ценности сохранения социального присутствия в группах страны исхода, что повлекло осознание необходимости выделения новой группы трансмигрантов, определения значимости формирования множественной идентичности у данной группы, уточнения компонентного состава формируемой у них множественной идентичности и анализа позитивных и негативных изменений, вносимых данной группой в цивилизационное развитие спорта.

¹Сина // Натурализованные игроки вошли в историю России. 29.03.2019. URL: http://k.sina.com.cn/article6525348969_184f0e-c690010083id.html.

²Романцов Д. Иностранцы в России: жизнь и судьба легионеров в российском спорте. 2013. URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/167955-legionery?ysclid=m1n9zfir5487119134>.

³URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/167955-legionery?ysclid=m1n9zfir5487119134>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Giddens A. *Modernity and self-identity: self and society in the late modern age*. Stanford: Stanford University Press, 1991.
2. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004.
3. Horenczyk G. et al. Mutuality in acculturation / G. Horenczyk, I. Jasinskaja-Lahti, D. L. Sam, P. Z. Vedder // *Psychol.* 2013. Vol. 221 (4). P. 205–213.
4. Castells M. *Networks of outrage and hope: social movements in the internet age*. New York: Wiley, 2015.
5. Doucerain M M. Heritage acculturation is associated with contextual factors at four different levels of proximity // *Cross Cult Psychol.* 2018. Vol. 49 (10). P. 1539–1555.
6. Hybrid and alternating identity styles as strategies for managing multicultural identities / C. Ward, C. Ng Tseung-Wong, A. Szabo, T. Qumseya, U. Bhowon // *J. Cross Cult Psychol.* 2018. Vol. 49 (9). P. 1402–1439.

7. Melonashi E. Social media and identity // Research paradigms and contemporary perspectives on human-technology interaction / ed. by M. Anabela. M; Hershey: IGI Global. 2017. P. 6283.
8. Sana R., Deborah V. Guide to Cross-Cultural Communication. Upper Saddle River, N. J. Prentice Hall. 2004.
9. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий юга России. 2022. Т. 11(54). № 2. С.15–25.
10. Brubaker R., Cooper F. Beyond "identity" // Theory Soc. 2000. No. 29. P. 1–47. doi: 10.1023/A:1007068714468.
11. Ward T. Sport and national identity // Soccer Soc. 2009. No. 10. P. 518–531. doi: 10.1080/14660970902955455.
12. Hall S. Encoding and Decoding // Culture, Media, Language. London: Hutchinson, 1980. P. 128–139.
13. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001.
14. Seiberth K., Thiel A., John J. M. "It's My Country I'm Playing for" – A Biographical Study on National Identity Development of Youth Elite Football Players with Migrant Background // Front. Sports Act. Living. 2022. No. 4. P. 893019.

REFERENCES

1. Giddens, A. (1991). Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. Stanford: Stanford University Press.
2. Hantington, S. (2004) Kto my? Vy'zovy` amerikanskoj nacional'noj identichnosti. = Who are we? Challenges of American national identity. Moscow: TransitBook. (In Russ.)
3. Horenczyk, G., Jasinskaja-Lahti, I., Sam, D. L., Vedder, P. (2013). Mutuality in acculturation // Psychol., 221(4), 205–213.
4. Castells, M. (2015). Networks of outrage and hope: social movements in the internet age. New York: Wiley.
5. Doucerain, M. M. (2018) Heritage acculturation is associated with contextual factors at four different levels of proximity. Cross Cult Psychol., 49(10), 1539–1555.
6. Ward, C., Ng Tseung-Wong, C., Szabo, A., Qumseya, T., Bhowon, U. (2018). Hybrid and alternating identity styles as strategies for managing multicultural identities // J Cross Cult Psychol., 49(9), 1402–1439.
7. Melonashi, E. (2017). Social media and identity. In Anabela, M. (Ed.), Research paradigms and contemporary perspectives on human-technology interaction (p. 6283). Hershey: IGI Global.
8. Sana, R., Deborah, V. (2004). Guide to Cross-Cultural Communication. Upper Saddle River, N.J. Prentice Hall.
9. Volkov, Yu. G., Kurbatov, V. I. (2022). Hybrid identity: factors of formation and forms of manifestation. The Humanities of the South of Russia, 11(54)-2, 15–25. (In Russ.)
10. Brubaker, R., Cooper, F. (2000). Beyond «identity». Theory Soc., 29, 1–47. 10.1023/A:1007068714468.
11. Ward, T. (2009). Sport and national identity. Soccer Soc., 10, 518–531. 10.1080/14660970902955455.
12. Hall, S. (1980). Encoding and Decoding. Culture, Media, Language (pp. 128–139). London: Hutchinson.
13. Habermas, Yu. (2001). Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg: The science. (In Russ.)
14. Seiberth, K., Thiel, A., John, J. M. (2022). «It's My Country I'm Playing for» – A Biographical Study on National Identity Development of Youth Elite Football Players with Migrant Background. Front. Sports Act. Living, 4, 893019.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Марина Владимировна

доктор культурологии, доцент
профессор кафедры коммуникационных технологий
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Averina Marina Vladimirovna

Doctor of Cultural Anthropology, Associate Professor
Professor of Department of communication technology
Institute of International Relations and Social and Political Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	21.10.2024	accepted for publication

Концепт «культура соучастия» в трудах отечественных ученых

И. А. Купцова¹, А. В. Стальная²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹Московский педагогический государственный университет, Москва,

¹Россия Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

²Государственный музей-заповедник «Царицыно», Москва, Россия

¹ia.kupcova@mpgu.su, ²anastasiyabond428@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются труды отечественных мыслителей и ученых Н. Ф. Фёдорова, Д. С. Лихачёва, Г. С. Батищева, М. М. Бахтина с целью определения концепта «культура соучастия». В исследовании используются следующие методы работы: анализ, синтез, обобщение, метод интерпретации. Данные методы позволяют определить соучастие как код русской культуры, а также обозначить основания и специфику соучастия как формы открытости отношений, конституирующих бытие культуры. Подчеркивается ценность диалогического общения, необходимого для улучшения жизни человека, а также для эффективной организации совместных действий и культурных практик, которые могут оказать влияние на деятельность современных социокультурных институтов.

Ключевые слова: культура соучастия, глубинное общение, диалог, участное мышление, культурные практики, социокультурный институт, музей

Для цитирования: Купцова И. А., Стальная А. В. Концепт «культуры соучастия» в трудах отечественных ученых // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 154–159.

Original article

The Concept of a “Culture of Participation” in the Works of Domestic Scientists

Irina A. Kuptsova¹, Anastasiya V. Stalnaya²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPA), Moscow, Russia

²State Museum-Reserve “Tsaritsyno”, Moscow, Russia

¹ia.kupcova@mpgu.su, ²anastasiyabond428@gmail.com

Abstract. The article examines the works of Russian thinkers and scientists N. F. Fedorov, D. S. Likhachev, G. S. Batishchev, M. M. Bakhtin in order to define the concept of “culture of participation”. The following methods were used in the study: analysis, synthesis, generalization, and interpretation method. These methods helped to define the culture of participation as a code of Russian culture, as well as to identify the foundations and specifics of the culture of participation as a form of openness of relations that constitute the existence of culture. The value of dialogical communication is emphasized, which is necessary for improving human life, as well as for the effective organization of joint actions and cultural practices that can influence the activities of modern socio-cultural institutions.

Keywords: Culture of participation, deep communication, dialogue, participatory thinking, cultural practices, sociocultural institute, museum

For citation: Kuptsova, I. A., Stalnaya, A. V. (2024). The concept of “culture of participation” in the works of domestic scientists. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(894), 154–159. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Исследование концепта «культура соучастия» имеет **практическую значимость** в условиях неустойчивой социальности, при усложнении общественных отношений, в контексте глобализации и постглобализационных процессов. Задачей авторов статьи является поиск и актуализация культурных смыслов, рождающих духовные ценности, которые могут оказать положительное влияние на коммуникацию в обществе и деятельность социокультурных институтов. Эти факторы определяют интерес к «культуре соучастия».

Новизна исследования. Соучастие как выработанный веками код русской культуры определено как актуальная часть современной культуры, механизм ее развития, форма организации социокультурного пространства, объект теоретической рефлексии и практической реализации. Для культуры соучастия новый взгляд на социокультурную реальность имеет ретроспективное и перспективное значение. Принципиально важно, что тема культуры соучастия в измененных реалиях ищет новые импульсы для ее дальнейшего изучения. Особый интерес вызывает активизация внимания к инвариантным структурам культурных феноменов, которые, сохраняясь в коллективном бессознательном конкретного социума, формируют его культурный код. Культура соучастия осмысливается современными исследователями и практиками с позиций совместного дела, вовлечения людей в совместные проекты, объединения с целью реализации конкретной программы или плана.

Поэтому обращение к рассмотрению концепта «культура соучастия» как никогда актуально. Оно определяет перспективность направления исследования. Однако тема изучена еще далеко недостаточно. Трудности определения информационного содержания «культуры соучастия» обусловлены сложностью данного концепта как многокомпонентной познавательной и ментально-ценностной единицы. Эта ситуация определила конкретные задачи обращения к теоретическому наследию отечественных мыслителей, которое открывает более широкие горизонты для постижения сути «культуры соучастия», ее характеристик, динамики и перспектив развития.

Материалом и теоретической базой исследования послужили труды русских мыслителей: Н. Ф. Фёдорова, Д. С. Лихачёва, Г. С. Батищева, М. М. Бахтина. Рассмотрим более подробно концепции и подходы отечественных ученых и мыслителей в контексте обозначенных задач.

ТРАКТОВКА ИДЕИ СОУЧАСТИЯ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ И МЫСЛИТЕЛЕЙ

Само понятие соучастия как составной части русского культурного кода не может быть интерпретировано вне соотнесения его с контекстом отечественной интеллектуальной традиции. Принципы культуры соучастия были изначально присущи многим теориям и концепциям отечественных мыслителей и общественных деятелей. Их научная мысль выстраивалась на идеях культуры соучастия как совместной, общей деятельности, без использования специальной формулировки и непосредственного определения самого понятия. Необходимыми основаниями для раскрытия содержательных элементов, структурирующих понятие «культура соучастия», послужили идеи представителей отечественной мысли Н. Ф. Фёдорова, А. У. Зеленко, Д. С. Лихачёва, Г. С. Батищева, М. М. Бахтина.

Известный мыслитель-энциклопедист, книговед Н. Ф. Фёдоров в сочинении «Философия общего дела» утверждает много новых идей, которые впоследствии сконцентрируются в понятии «культура соучастия». Ученый выдвигает требование общего дела, трудовой активности человека, подчеркивает роль практики, формулирует идею единства теоретического и практического, призывает к оптимизму в творчестве. В достаточно отчетливом виде культура соучастия обнаруживается не только в теоретических изысканиях, но и в практических делах Н. Ф. Фёдорова. Он внес огромный вклад в реализацию своей идеи о научном и культурном развитии русской провинции. Под патронажем ученого в одном из русских городов был создан «культурный центр», метеорологическая станция, где можно было заниматься исследовательской работой. Он организовывал в провинциальных городах тематические выставки, создал систематический каталог книг Румянцевского музея. Важнейшей установкой его учения становится создание «проектов дела». «Проект – это способ действия <...> согласование этих действий, направленных к общей цели» [Фёдоров, 1982, с. 299]. Основой этих проектов являются понятия: «культ предков», «общее действие»; «долженствующее быть»; «любовь к отцам»; «нравственный долг сынов перед отцами»; «родственность-неродственность»; «братство-небратство». Особенно актуальными для содержательного определения культуры соучастия являются рассуждения мыслителя об эстетическом творчестве, архитектуре, храме как проекте должного мироздания, о регуляции природы, освоении космоса, борьбе со смертью и, естественно, о таком социокультурном институте, как музей. Ученый

пишет: «музей есть последний остаток культа предков; он – особый вид этого культа, который <...> восстанавливается в виде музеев <...> уничтожить музей нельзя: как тень, он сопровождает жизнь, как могила, стоит за всем живущим. Всякий человек носит в себе музей <...> ибо хранение – закон коренной, предшествовавший человеку, действовавший еще до него. Хранение есть свойство не только органической, но и неорганической природы» [Фёдоров, 1982, с. 576–578].

Н. Ф. Фёдоров справедливо отмечал: «чтобы иметь мир внутренний и лад душевный, без которого невозможен и мир внешний, нужно быть не врагами своих предков, а действительно благодарными их потомками; не достаточно ограничиваться поминовением только внутренним, культом лишь умерших; нужно, чтобы все живущие, объединились по-братски в храме предков или в музее» [Фёдоров, 1982, с. 585]. Хранение, собирание и восстановление – вот главные, по мнению мыслителя, тенденции социокультурной деятельности, которые должны быть дополнены исследованием, переходящим в общую совместную деятельность и воспитание всех в духе братства. Прозрения Н. Ф. Фёдорова оказали значительное влияние на дальнейшую интерпретацию культуры соучастия в России.

Обращаясь к осмыслению научного опыта отечественных ученых, следует обратить внимание на работы известных ученых-гуманитариев Д. С. Лихачёва, Г. С. Батищева, М. М. Бахтина в части идей культуры соучастия. Мыслители рассматривают данное понятие в контексте осмысления проблем человека и культуры, краеведения, общей эстетики, методологии, педагогики, философии языка, литературоведения. Основные труды, в которых высказываются идеи по поводу содержательных аспектов культуры соучастия, это – книги, избранные статьи, лекции. Ученые являются авторами следующих сочинений, затрагивающих рассматриваемую проблематику: Д. С. Лихачёв «Раздумья о России», «Человек в литературе древней Руси», «Краеведение не только наука, но и деятельность»; Г. С. Батищев «Особенности культуры глубинного общения», «Верность призванию: в со-творчестве наследуем и в наследовании со-творим», «От творчества в развитии к творчеству в совершенствовании»; М. М. Бахтин «Эстетика словесного творчества», «Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук», «К философии поступка». Трактовка идеи участия у названных авторов опирается на понимание необходимости совместной деятельности личности, ценностных измерений творчества, межличностного общения. Согласно их воззрениям, личности продуцируют активные позиции, соучаствуют в общем деле и выстраивают диалогические отношения.

Известный ученый, академик, автор фундаментальных работ по русской культуре и литературе Древней Руси Д. С. Лихачёв в статье «Краеведение не только наука, но и деятельность» рассматривает участие как совместное дело и соотносит её с такими понятиями, как собирание, восстановление, ответственность, воспитание. Свои идеи он подкрепляет размышлениями об особенностях краеведения как науки: «В ней нет «двух уровней». Одного уровня – для ученых-специалистов и другого – для «широкой публики». Краеведение само по себе популярно. Оно существует постольку, поскольку в его создании и его восприятии (потреблении) участвуют широкие массы» [Лихачёв, 2000, с. 159].

Ученый уверен, что «в собирании материалов для краеведения могут участвовать как высококвалифицированные учёные разных специальностей, так и ученики средних школ, собирающие различные данные по заданию более опытных исследователей, например, ведущие опрос населения, устанавливающие наличие тех или иных старинных предметов, валяющихся по чердакам или хранящихся в «бабушкиных сундуках», а также просматривающие старые газеты, регистрирующие мемориальные деревья и пр., и пр. Всего не перечислишь. Участие людей всех возрастов в таком собирании краеведческого материала имеет само по себе огромное воспитательное значение. Оно есть уже одна из акций патриотического характера, создающая в своем крае более высокий уровень духовной культуры» [Лихачёв, 2000, с. 160].

Такая позиция, имеющая в виду участие как совместную краеведческую деятельность, позволяет Д. С. Лихачёву уловить, на наш взгляд, подлинную суть и динамику культуры соучастия.

Укажем на некоторые важные аспекты понимания культуры соучастия, используя взгляды известного русского мыслителя Г. С. Батищева. Он показывает, что суть культуры участия во многом зависит от таких уровней коммуникации, которые он именуется «глубинным общением». По мнению ученого, глубинное общение основано на открытости другому и связано со способностью к саморазвитию, к восхождению в горизонте ответственности перед Универсумом. Г. С. Батищев пишет, что «в самом предварительном и скупом их абрисе универсалии культуры глубинного общения таковы: 1) мироутверждение как «предпочтение не себя – Универсуму, но Универсума – себе <...> 2) со-причастность: онтологическая, объективно не зависящая ни от какого сознания, ни от какой воли, ни от какого исторически преходящего общества, социальных ролей человека в нём, универсальная взаимная со-причастность каждого всем субъектам в Универсуме и всех – каждому <...> 3) «приоритет

безусловно-ценностного отношения к миру над любыми, сколь угодно важными, но условно-локальными и исторически ограниченными началами, целями, интересами и т. п.; приоритет абсолютного над относительным, высшего над низшим, более совершенного над менее совершенным» <...> 4) доминантность на всех Других: устремлённость человека каждым поступком и всею жизнью не к тому, чтобы сначала требовать от других и от всего мира убедительности для себя, надёжности для себя, заслуженности доверия к ним в своих глазах и т. п., но, совсем напротив, – именно к тому, чтобы начать с себя ради всех других <...> 5) «предваряющее утверждение достоинства каждого другого <...> 6) «творчество как свободный дар встречи, дар междусубъектности <...> 7) «со-творчество <...> дух полифонического сотрудничества» [Батищев, 1995, с. 126–129].

Центральная мысль Г. С. Батищева – нельзя разрушать ценностную иерархию бытия, поскольку это может привести к аксиологическому нигилизму и желанию поставить себя в центр мира. Мыслитель убежден, что в диалоге нужно всегда затрагивать свое проблемное «я» и рассматривать себя через призму абсолютных ценностей в горизонте личностной ответственности и нравственного совершенствования, духовного вертикального восхождения. Знаменательна идея ученого об открытости для другого бытия. Лишь в случае наличия открытости мы можем ожидать от глубинного общения, на котором выстроена вся совместная деятельность, содержательного обогащения внутреннего мира человека, которое затем будет проявляться в социальном поведении личности, позволит ей избежать досадных недоразумений в творческой деятельности.

О непростом характере диалогического общения, являющегося актуальным типом человеческого взаимодействия и одной из базовых основ культуры соучастия, пишет в своих трудах известный русский ученый М. М. Бахтин. Современных ученых и специалистов, ориентированных на теоретическое изучение культуры соучастия и на практическую реализацию этой идеи, привлекает опыт анализа проблем общения в его научных трудах. Обратим внимание на теоретические построения этого выдающегося мыслителя, отметим перспективность и эвристическую ценность его диалогической концепции.

Взгляды и позиция М. М. Бахтина стали известны после того, как вышли работы, в которых излагаются основы диалогического общения – «К философии поступка», «Проблемы поэтики Достоевского», «Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук», «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», «Эстетика словесного творчества».

Специалисты ценят М. М. Бахтина за провозглашение достоинства каждого человека, личного «голоса». Каждый «голос», по мысли ученого, уникален, неповторим, не уничтожим и не напрасен. Такое понимание обусловлено позицией «внеаходимости», когда участники взаимодействия исходят из понимания «другого» как индивидуальности, особой личности, которая не сливается со мной, а, напротив, дистанцируется от меня. Это позиция помогает погружаться (вживаться) в состояние другого и в тоже время не отождествляться с ним, сохранять свою позицию, обнаруживать духовные перспективы, которые «другой» не видит, обрести новые смыслы, открывать другую личность. М. М. Бахтин замечает: «Взглянув на себя глазами другого, мы в жизни снова всегда возвращаемся в самих себя» [Бахтин, 1986, с. 19–20]. «Внеаходимость» основана на бескорыстии, она исключает прагматическую заинтересованность в собеседнике, учит преодолевать эгоцентризм и верить в достоинство другой личности. В этой трактовке «внеаходимость» является предпосылкой становления культуры соучастия и развития диалогических отношений. Важно и другое: с помощью категории «внеаходимости» мыслитель подчеркивает значимость смысловой установки жизни личности. Смысл раскрывается через понятие ответственного поступка и участия.

М. М. Бахтин пишет: «ответственность поступка есть учет в нем всех факторов: и смысловой значимости, и фактического свершения во всей его конкретной историчности и индивидуальности; ответственность поступка знает единый план, единый контекст <...> поступок последний итог, всесторонний окончательный вывод <...> в поступке выход из только возможности в единственность раз и навсегда» [Бахтин, 2003, с. 10]. В категориях поступка можно не только помыслить о «единственной единственности бытия <...> но участно его пережить» [Бахтин, 2003, с. 7]. Следовательно, участность позволяет встретиться двум личностям, двум фундаментальным измерениям – меня и Другого. В какой мере связаны между собой участность, поступок и его продукт, зависит внутреннее смысловое единство жизни личности и культуры. Если между участностью, поступком и продуктом образуется дистанция, то жизнь личности и культуры разделяются на две независимые части (по аналогии с двуликим Янусом), происходит разрыв между словом и делом, мыслью и поступком, что, в конечном счете, приводит к кризису.

Важна еще одна бахтинская идея – идея открытости человека другому человеку. Человек, замкнутый в своей индивидуальности, ориентируется только на согласие с самим собой, он остается

глухим к голосам других. Самодовольную тождественность способен разрушить только Другой, не похожий на меня. Вот почему одной из высших форм диалога является дружба. Дружба предполагает самораскрытие и откровенность каждого перед другим как другом. Более того, «Я» должен услышать этого Другого, принять и полюбить его как конкретного ближнего, а не как абстрактного человека вообще. По убеждению М. М. Бахтина, любовь является главной движущей силой в диалогических отношениях между людьми. Ученый говорит также о важности оценки и понимания слова, текстов, вопросов и ответов. Понимание приобщает личность к особому кругозору понимающего и тем самым наполняет новыми ценностными смыслами слово и ответ, помогает отличить истинное от неистинного, обогатить разные точки зрения, дополнить культурные позиции, обрести духовную общность, усилить стремление к гармонии как единству многообразия. Именно при таком – собственно философско-культурологическом – понимании сопричастности человека другому человеку открывается значимость ценностного измерения диалогических отношений. Они являются основой культуры соучастия.

Показательно, что та или иная личностно оформленная смысловая позиция («голос») не одинока, ей непременно противостоят другие ценностные позиции («голоса»), с которыми она вступает в диалог. Многоголосные, разноплановые диалогические отношения между этими позициями («голосами») создают смысловую канву жизни личности и духовное пространство – культуру. По выражению М. М. Бахтина: «я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого; все ценности действительной жизни и культуры расположены вокруг этих основных архитектурных точек действительного мира поступка: научные ценности, эстетические, политические (включая и этические и социальные) и наконец, религиозные. Все пространственно-временные и содержательно-смысловые ценности и отношения стягиваются к этим эмоционально-волевым центральным моментам: я, другой и я для другого» [Бахтин, 2003, с. 17]. Это, пожалуй, классическая формула бахтинской идеи об отношении человека к другому человеку.

Размышления в указанном направлении являются иллюстрацией того, что диалогические отношения не только возможны, а просто необходимы для улучшения жизни человека, а также для эффективной организации совместных действий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Работы отечественных мыслителей и ученых Н. Ф. Фёдорова, Д. С. Лихачёва, Г. С. Батищева,

М. М. Бахтина содержат ряд плодотворных идей, которые перекликаются с рядом актуальных задач, стоящих перед современной культурой и обществом.

В наши дни такие идеи, как «общее дело», «культ предков», «музей как собор лиц», «проекты общего дела» (Н. Ф. Фёдоров); совместная деятельность как «собрание, восстановление, хранение» (Д. С. Лихачёв); «глубинное общение», «восходящий человек», «открытость другому», «со-творчество», «ценностная иерархия» (Г. С. Батищев); «достоинство личностного “голоса”», «участное мышление», «ответственный поступок» (М. М. Бахтин) могут повлиять на использование идеи участия в культурных практиках, оказать влияние на деятельность социокультурных институтов.

Если рассматривать культуру соучастия сквозь призму идей вышеназванных учёных, то следует отметить, что в процессе реализации этой идеи меняются роли участвующих. Участвующие становятся не просто субъектами, они привлекаются к активному сотрудничеству, к решению проблем формирования уважительного отношения к культуре, к сохранению её наследия. Сообразно вышеозначенным идеям «голос» каждого из участвующих рассматривается как «другой». Реализуется требование равноправности общающихся сторон. При встрече личностей конструируется событие бытия, формируется смысловое пространство, которое задается «Я» и «Ты». В этом пространстве создается архитектура поступка, ответственного поступка, позволяющего участвующим создавать событие, ориентироваться в мире, выражать качественное состояние самого бытия и творить самого себя. Нетрудно заметить, что соучастные отношения выражаются в дружбе, любви и взаимном уважении к личностям. Диалог и глубинное общение подталкивает к совместному творчеству и актуализирует потенциал деятельности как организации работы с текстами. Имеются основания полагать, что любая единица знания может быть представлена как текст. Это означает, что театральная постановка или, например, народная игрушка может быть понята и осмыслена как текст, который возникает в определенный исторический момент в социокультурной определенной среде и затрагивает тысячи диалогических нитей, сотканых «живым сознанием» уникальных личностей и культур. Понимание текста предполагает извлечение смыслов, выделение важного, выявление ценности текста. Здесь важна логика вопроса-ответа, дружба и любовь. Именно в этих активных началах созревает понимание. Данный факт важен для продуктивной работы во всех сферах культуры, поскольку ориентирует на особый мир личностей и культур, на различие и оригинальность позиций, на сотрудничество и взаимопонимание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фёдоров Н. Ф. Сочинения / вступ. ст., примеч. и сост. С. Г. Семеновой. М.: Мысль, 1982.
2. Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000.
3. Батищев Г. С. Особенности культуры глубинного общения // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 109–129.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
5. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2003. Т. 1.

REFERENCES

1. Fedorov, N. F. (1982). Works. Enter. article, note. and comp. S. G. Semenova. Moscow: Mysl. (In Russ.)
2. Likhachev, D. S. (2000). Russian culture. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
3. Batishchev, G. S. (1995). Features of the culture of deep communication. Questions of philosophy, 3, 109–129. (In Russ.)
4. Bakhtin, M. M. (1986). Aesthetics of verbal creativity. Notes by S. S. Averintsev, S. G. Bocharov. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
5. Bakhtin, M. M. (2003). Collected works (vol. 1): in 7 vols. Institute of World Literature. Moscow.: Russian dictionaries. Languages of Slavic culture. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Купцова Ирина Александровна

доктор культурологии, доцент
профессор кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета
заведующий кафедрой медиаобразования Московского педагогического государственного университета
эксперт НОЦ «Гражданское общество и социальные коммуникации» РАНХиГС

Стальная Анастасия Викторовна

аспирант кафедры мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета
методист отдела музейно-образовательных программ и экскурсионного обслуживания ГБУК г. Москвы «ГМЗ «Царицыно»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kuptsova Irina Alexandrovna

Doctor of Cultural Studies, Associate Professor
Professor of the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University
Head of the Department of Media Education, Moscow State Pedagogical University
Expert at Research and Education Centre "Civil Society and Social Communication" of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEPА)

Stalnaya Anastasia Viktorovna

Postgraduate student
of the Department of World Culture of the Institute of Humanities and Applied Sciences
Moscow State Linguistic University
Methodologist of the Department of Museum and Educational Programs and Excursion Services
of the State Budgetary Cultural Institution of Moscow "Tsaritsyno State Museum-Reserve"

Статья поступила в редакцию	19.09.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	21.10.2024	accepted for publication

Анализ концептов внешней культурной политики Китая на примере инициативы «Один пояс – один путь»

Е. И. Тарасова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tanchang93@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – выявление особенностей основных концептов внешней культурной политики Китая при Си Цзиньпине (начиная с ноября 2012 года) на примере проекта «Один пояс – один путь», анализируется их аксиологическая составляющая, проводится иероглифический анализ концептов. Были использованы аксиологический, структурный метод, а также иероглифический анализ концептов. Материалом исследования являются концепты, представленные в официальных программных документах, а также в некоторых значимых политических и внешнеполитических статьях, отражающих курс культурного внешнеполитического развития страны.

Ключевые слова: культура, культурная политика, аксиология, иероглифика, концепт, Россия, Китай

Для цитирования: Тарасова Е. И. Анализ концептов внешней культурной политики КНР на примере инициативы «Один пояс – один путь» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 13 (894). С. 160–165.

Original article

Analysis of the Concepts of China's Foreign Cultural Policy on the Example of the "One Belt, One Road" Initiative

E. I. Tarasova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
tanchang93@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study is to identify the features of the main concepts of China's foreign cultural policy since 2012 using the example of the "One Belt, One Road" initiative, their axiological component is analyzed, and a hieroglyphic analysis of the concepts is carried out. The axiological, structural method, as well as hieroglyphic analysis of concepts were used. The research material is the concepts presented in official policy documents, as well as in some significant political and foreign policy articles reflecting the course of cultural foreign policy development of the country.

Keywords: cultural policy, culture, hieroglyphics, axiology, concept, Russia, China

For citation: Tarasova, E. I. (2024). Analysis of the concepts of China's foreign cultural policy on the example of the "One Belt, One Road" initiative, 13(894), 160–165. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование ценностей внешней культурной политики Китая является комплексной задачей. На фоне укрепления позиций Китая в мировом сообществе исследование внешнеполитических культурных ценностей и их трансформации является актуальным для понимания культурной и международной стратегии Китая. А. Л. Оганесян отмечает, что «особую актуальность приобретает изучение китайской модели регионального и мирового порядка, основанной на традиционных китайских ценностях, транслируемых через внешнеполитические концепции за пределы традиционного ареала культурного и политического влияния Китая» [Оганесян, 2022, с. 4].

Актуальность исследования обусловлена: 1) повышением интереса к исследованию культурных ценностей Китая в современности; 2) необходимостью понимания особенностей культурной политики Китая на фоне развития российско-китайских отношений.

Новизна заключается в том, что ценности, представленные в концептах международных проектов и внешнеполитических текстов, представляют нам возможность более отчетливо проследить цели китайской внешней политики, а иероглифический анализ концептов позволяет раскрыть глубинный смысл и связь с традиционной культурой Китая.

Задачами данной работы являются: 1) Анализ внешней культурной политики КНР, её концептов; 2) Выделение связи внешней культурной политики КНР с традиционной культурой Китая; 3) Выявление новых ценностных составляющих во внешней культурной политике КНР.

Методы исследования:

1. Структурный метод (были рассмотрены ценности внешней культурной политики КНР как обладающая внутренним единством целостность, а также элементы культурной политики; таким образом исследуется взаимозависимость и взаимосвязь компонентов культурной политики, выявляется ее структура).
2. Аксиологический метод (благодаря данному методу мы выявляем внешние и внутренние связи между традиционными ценностями китайской культуры и аксиологической основой внешней культурной политики КНР).
3. Иероглифический анализ (позволяет прояснить глубинный анализ смысла ценностных концептов внешней культурной политики Китая (на примере проекта «Один пояс – один путь»).

При написании статьи использовалась литература авторов, исследующих культурную политику и внешнюю культурную политику КНР: Денисов И. Е., Зуенко И. Ю., Ломанов А. В., Грачиков Е. Н., Распертова С. Ю., Го Кайлан, Ли Сыци, Цзи Юэшэн, Оганесян А. Л. и др.; формированием ценностей и динамикой ценностей китайской культуры: Хань Чжэнь, Чжань Вэйвень, Ли Мин и др.; особенностей китайской культуры: Вяткин Р. В., Кобзев А. И., Малявин В. В., Кравцова М. Е. и др. В качестве первоисточников использовались статьи таких газет как Жэньминь жибао, а также официальные заявления политиков КНР. При проведении иероглифического анализа использовались словари: Синьхуа онлайн, Шовэнь цзецзы онлайн, Большой китайско-русский словарь онлайн.

КОНЦЕПТЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА КНР

Ценности инициативы «Один пояс, один путь» нацелены на устойчивое развитие. Китай предлагает «жизнеутверждающую и гуманную модель мирового развития и предпочитает усиливать свое влияние в мире без конфликтов» [Цзи Юэшэн, 2017, с. 150]. В свою очередь, Ли Сыци отмечает, что на данном этапе изучения развития внешнеполитического дискурса Китая важным направлением является выделение и исследование «китайских концептов» [Ли Сыци, 2022, с. 202].

«Один пояс, один путь» придерживается построения трех сообществ: «сообщества единой судьбы» (命运共同体 *mìngyùn gòngtóngtǐ*), «общности интересов» (利益共同体 *lìyì gòngtóngtǐ*), «общности ответственности» (责任共同体 *zérèn gòngtóngtǐ*). Основные концепты проекта: «мирное сотрудничество» (和平合作 *héping hézuò*), «открытость и толерантность» (开放包容 *kāifàng bāoróng*), «взаимовыгодные и взаимовыигрышные отношения» (互利共赢 *hùlì gòngyíng*), «богатство и процветание» (国家富强 *guójiā fùqiáng*), «взаимное обучение» (互学互鉴 *hùxué hùjiàn*).

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ

Концепт «мирного сотрудничества» (和平合作 *héping hézuò*) является одним из основных в проекте «Один пояс, один путь». Слово 和平 *héping* по словарю Синьхуа переводится как «мирный», «спокойный», «спокойствие», а также фразой, что данное слово «относится к состоянию отсутствия войны». Иероглиф 和 *hé* состоит из ключей

«зерно» 禾 и «рот» 口, обозначает «мир», «гармонию», также является союзом «и», соединяющим предложения и однородные члены предложения. По китайскому словарю «Шовэнь цзецзы» видно, что в древности иероглиф также состоял из указанных выше ключей – 𠂇. Иероглиф 平 обозначает «плоскость», «равнину», «мир», «упорядочивание», внешне по особенностям строения иероглифа мы также можем видеть его значение – уравнивание и упорядочивание. Кроме того, иероглиф 和 *hé* имеет еще одно традиционное написание: 𪛗¹ *hé*, где левый элемент может быть разбит на такие ключи как: бамбуковая флейта 𪛗 *yuè*, которую Большой китайско-русский словарь описывает, как «свирель, бамбуковая флейта (с тремя, шестью или семью отверстиями)»² и правый элемент 禾 *xé* *hé*, как «хлеб на корню». Таким образом, термины «гармония» и «спокойствие» неразрывно связаны в китайской культуре с борьбой за эти мир и гармонию. Только когда урожай «хлеба на корню» уже созрел, когда не надо бороться против насекомых, против жары и иссушения, против физических врагов – соседей и / или грабителей, только тогда крестьянин может расслабиться и поиграть на дудочке из бамбуковых палочек, любуясь на созревший урожай хлеба. Таким образом, термин 和平 *hé píng* – это не просто «ровная гармония», а это благоденствие, покрывающее всех, доставшееся трудом и потом.

Слово 合作 *hézuò* по словарю Синьхуа означает «разделение труда», «выполнение задачи вместе», «сотрудничать, чтобы сделать что-то вместе». По китайскому словарю «Шовэнь цзецзы» первая часть слова 合 *hé* содержит ключи «рот» и «крыша», в древности иероглиф выглядел следующим образом – 𠂇, практически также как в современности. Вторая часть слова 作 *zuò* состоит из ключа «человек» и «невзначай», «лучше», также относится к понятию «работа», «делать», в древности иероглиф выглядел следующим образом – 𠂇. Таким образом, по иероглифическому анализу мы можем говорить, что ценности концепта «мирного сотрудничества» (和平合 *hé píng hé zuò*) заключаются в гармоничном сотрудничестве, которое нацелено на равное вложение сил в работу и развитие проекта, достигающееся трудом и стараниями.

Концепт «открытости и толерантности» (开放包容 *kāifàng bāoróng*) является важным для КНР. Начиная с политики реформ и открытости Дэн Сяопина, понятие «открытости» (开放 *kāifàng*) заняло важное место в политике и культуре Китая.

¹ 𪛗 *xé hé* // Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E9%BE%A2>.

² 𪛗 *yuè* // Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E9%BE%A0>.

В Конфуцианстве – «человеколюбие» (仁 *rén*) есть та же толерантность. Конфуций полагал, что «посредством человеколюбия общество сможет достичь идеального состояния» [Цит. по: Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь, 2020, с. 417–418].

Согласно иероглифическому анализу концепта «открытость и толерантность» (开放包容 *kāifàng bāoróng*) можно выделить следующие смысловые значения. Слово 开放 *kāifàng* имеет значение «открытый», «просветление», «чистота», вторая часть 放 имеет значение «отпустить, освободить от ограничений». Слово 包容 *bāoróng* переводится как «терпимость и толерантность». По иероглифическому словарю Синьхуа имеет следующее внутреннее значение: 包 *bāo* – «заворачивать, оборачивать, обнимать», 容 *róng* – «вместимость, терпимость, толерантность, величайший показатель добродетели».

По объяснениям в словаре китайских иероглифов с их древнекитайским значением «Шовэнь цзецзы» иероглиф 开 *kāi* означает «открытие, новые начала», в древности выглядел подобным образом: 𠂇, что напоминает входящих во врата людей, а также руки, открывающие врата. Иероглиф 放 *fàng* согласно данному словарю объясняется как «освобождение, изгнание; «что высвобождается», и выглядел следующим образом: 𠂇. То есть 开放 *kāifàng* имеет значение «открытости, начала освобождения».

Иероглиф 包 *bāo* сопровождает длинное объяснение с различными рядами примеров, наиболее актуальные для нас примеры связаны с объяснением данного иероглифа как объятия и вынашивания плода, как символа идеи, нового начинания: «как и во время беременности женщины, 巳 плод находится в брюшной полости человека, как будто плод еще не сформировался. Жизненная сила человека начинается с новорожденного ребенка»³, в древности иероглиф выглядел следующим образом: 𠂇 – и показывал зарождение новой жизни. Иероглиф 容 *róng* в древности обозначает «пышность, обилие, изобилие», внутреннее строение включает в себя крышу 宀 и долину 谷, иероглиф выглядел следующим образом: 𠂇. Обобщая значения 包容 *bāoróng*, можно говорить о том, что они относятся к зарождающейся идеи изобилия, то есть толерантность – есть жизненная сила, направленная на изобилие и принятие. Полностью же концепт 开放包容 означает открытость как освобождение, жизненную силу, направленную на изобилие и принятие.

Таким образом, мы можем связать понятия открытости и толерантности с гуманностью и человеколюбием в Конфуцианстве, поскольку такие древние значения иероглифов 开放包容 *kāifàng bāoróng* как «открытость», «просветление», «чистота», «пышность», «изобилие», «новые начинания»,

³ 包 // Словарь Шовэнь цзецзы URL: <https://m.7vuelas.com/shuowenjiezi/>

«терпимость», «толерантность», дающие начало жизни и новому, соответствуют конфуцианскому понятию «гуманность, человеколюбие» (仁 *rén*), ведь «човеколюбие определяет способность человека относиться ко всем окружающим его живым существам и предметам как связанным с ним кровным родством» [Кравцова, 2011, с. 215].

Целью концепта «взаимовыгодные и взаимовыигрышные отношения» (互利共赢 *hùlì gòngyíng*) является процветание и обогащение, ведь в современном рыночном механизме, когда «происходит взаимное соперничество, тогда наступает взаимный проигрыш; если же имеет место взаимное включение, то посредством межцивилизационного обмена, несомненно, будет достигнут взаимный выигрыш» [Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, с. 423].

В концепте «взаимовыгодные и взаимовыигрышные отношения» слово 互利 *hùlì* (互利共赢 *hùlì gòngyíng*) обозначает «то, где выигрывают обе стороны», «взаимовыгодный». Иероглиф 互 *hù* («обоюдный», «взаимный») в словаре «Шовэнь цзецзы» объясняется как придерживающийся инструмент, иероглиф имеет такую форму 互. Иероглиф 利 *lì* обозначает «выгоду», «прибыль», состоит из ключей 禾 «зерно» и 刀 «нож». Словарь «Шовэнь цзецзы» представляет такую древнюю форму иероглифа: 利. Кроме того, там упоминается отрывок из Книги Перемен, где материальные блага приравниваются к гармонии: «в Книге Перемен говорится: «блага - это результат моральной гармонии»¹, также там сказано: «у тех, кто извлекает выгоду, тоже есть сумма праведности»².

Слово 共赢 *gòngyíng* переводится как «взаимовыигрышный», где 共 *gòng* обозначает «общий», «совместный», в древности имеет следующий вид 共, мы видим соединенные руки. Иероглиф 赢 *yíng*, который означает «побеждать», «одерживать победу», содержит в себе разные ключи: «мясо», «ракovina», «всё / все», «прятать», «рот». В древности он также имеет значение «принимать», «полный до краев», иероглиф исходно имеет следующий вид 贏, он наполнен теми же ключами: «мясо», «ракovina», «всё / все», «прятать», «рот». Значение «ракovina» имеет отношение к денежным средствам. Раковины каури, которые в китайском языке записывались как 贝 *béi*, являлись универсальным платежным средством для древнего человека и находились в широком применении. Таким образом, собирая все части иероглифа 赢 *yíng* можно сказать, что выиграть – это значит спрятать в рот и мясо и деньги – всё полностью.

По иероглифическому разбору концепта «взаимовыгодные и взаимовыигрышные отношения» (互利共赢 *hùlì gòngyíng*) мы отчетливо

видим значение выгоды и выигрыша в рамках международного взаимодействия. Цитаты из Книги Перемен о приравнивании материального достатка к гармонии и праведности стремления к материальным благам говорят о том, что концепт важен для истории и культуры Китая.

Концепт «взаимного обучения» (互学互鉴 *hùxué hùjiàn*) состоит из иероглифа 互 *hù*, как уже упоминалось выше, данный иероглиф имеет значение «взаимный», «обоюдный». В статье выше он упоминался в концепте «взаимовыгодные и взаимовыигрышные отношения». Иероглиф 学 *xué* состоит из ключа «крыша» и «ребенок». Иероглиф 学 *xué* по словарю Синьхуа переводится как «получение знаний», «изучать», «учиться». Также в словаре Синьхуа приводятся цитаты из различных источников, связанных со значением иероглифа 学 *xué*. Например, фраза «учиться и постоянно практиковать усвоенное»³ упоминается в произведении «Лунь юй», что говорит о высоком значении данного концепта для культуры Китая. Кроме того, данный иероглиф используется в различных словах и фразах, связанных с обучением и сферой образования, а также для обозначения разных разделов наук.

Иероглиф 鉴 *jiàn* по словарю Синьхуа переводится как «наблюдать», «исследовать», «постигать». В словаре древних значений иероглиф не упоминается.

По разбору внутреннего значения иероглифов данного концепта мы можем говорить о том, что концепт «взаимного обучения» (互学互鉴 *hùxué hùjiàn*) нацелен на обоюдное изучение нового в разных областях, а также на исследование и углубление знаний.

Китай стремится к построению сообщества единой судьбы человечества (人类命运共同体 *rénlèi mìngyùn gòngtóngtǐ*). 命运 *míngyùn* – это судьба, как данное небом предзнаменование, данность. 共同体 *gòngtóngtǐ* – общность, коллективизм и единение. 人类 *rénlèi* – человечество, дословно «все виды людей». В данном концепте мы наблюдаем стремление к выходу китайских концептов и идей на глобальный уровень, который созвучен целям инициативы «Один пояс, один путь». Председатель Си Цзиньпин в 2017 году указал: «человечество уже стало сообществом единой судьбы, в котором все зависят друг от друга, в котором слились общие интересы» (Жэньминь жибао, 18 января 2017 г.).

Идея концептов «общность ответственности» (责任共同体 *zérèn gòngtóngtǐ*) и «общность интересов» (利益共同体 *lìyì gòngtóngtǐ*) заключается в том, совместное развитие и интересы за счет обоюдной помощи могут помочь в достижении новых высот.

¹利 // Словарь Шовэнь цзецзы. URL: <https://m.7vueltas.com/shuowenjiezi/>

²利 // Словарь Шовэнь цзецзы. URL: <https://m.7vueltas.com/shuowenjiezi/>

³学 // Словарь Синьхуа. URL: xh.5156edu.com

Мы видим слово 共同体 *gòngtóngtǐ* – общность, коллективизм и единение. Слово 利益 *lìyì* – интерес, иероглиф 利 означающий «выгоду», «прибыль», 益 – польза, изобилие, зажиточность. То есть «общность интересов» – это некая общность, существующая с целью извлечения выгоды и пользы. Слово 责任 *zérèn* – ответственность включает в себя иероглиф 责 – «требование», «долг», «функция», 任 *rèn* – «обязанность», «должность», т. е. под «общностью ответственности» (责任共同体 *zérèn gòngtóngtǐ*) понимается некая общность, где все обоюдно ответственны за решения и выполняемые функции.

Исследователи китайских ценностей полагают, что «только осуществляя сотрудничество со всеми странами, можно достичь мира между ними и добиться цели процветания и обеспечения спокойной жизни народа» [Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь 2020, с. 417–418]. По конфуцианству, отдельным людям и государствам стоит следовать человеколюбию (仁 *rén*) и ритуалу (礼 *lǐ*), честности (信 *xìn*) и справедливости (义 *yì*). Уже в древности это были «предпосылки морального сознания человечества» [李明, 2013, с. 43].

Богатство и процветание (国家富强 *guójiā fùqiáng*) – это «ценностные идеалы, выдвинутые в качестве ориентиров на государственном уровне» (Си Цзиньпин, 2017). Ценностный идеал «богатство и процветание» (国家富强 *guójiā fùqiáng*) состоит из иероглифов 国家 *guójiā* «страна», который делится на «страну» 国 *guó* и «семью» 家 *jiā*. Иероглиф 富 «богатство», «изобилие», состоит из ключей «крыша», «рот», «поле». В древности также обозначал богатство и изобилие, изображался следующим образом: 富. Примечательно также то, что слова «богатство» 富 и «счастье» 福 имеют в своем составе одинаковые ключи, имеют похожее произношение. В словаре Синьхуа также подчеркивается, что «в древние времена богатство и долголетие назывались благословениями, счастьем»¹. Иероглиф 强 обозначает «силу», «мощь», «могущество», состоит из ключей «лук», «рот» и «насекомое», в древности имел подобный вид – 强, представляющий человека, держащего лук и стрелы.

В исторических записках Сыма Цяня «Ши цзи» в различных главах описаны принципы управления и гармонии в стране, на основе изречений управленцев периода Хань: «когда склады и закрома полны, [люди] соблюдают ритуал и нормы поведения; когда одежды и пищи вдоволь, [люди] различают, где слава, а где позор; если правители соблюдают нормы, отношения между людьми крепки» [Сыма Цянь, 1996, с. 35]. Здесь также мы видим подход к правилам жизни и изобилию, они считаются

основой стабильности в стране. Таким образом, мы можем утверждать, что концепт «Богатство и процветание» подразумевает и спокойствие в стране.

С точки зрения китайских исследователей культурных ценностей, современные принципы взаимодействия будут способствовать усилению мирового влияния Китая: «опираясь на направленность ценностей Китая в сфере международных отношений, мы можем предсказать, что Китай, исходя из всё большей устремленности к проведению политики открытости, обладая инклюзивным менталитетом, глядя на всё под широким углом зрения, энергично разворачивает культурный обмен с зарубежными странами, и в процессе изучения взаимного опыта он будет вносить всё более весомый вклад в прогресс человеческой цивилизации» [Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь, 2020, с. 427].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, культурные концепты проекта «Один пояс – один путь» нацелены на развитие экономического и культурного сотрудничества на основе мирного взаимодействия между странами мира в рамках проекта «Один пояс – один путь». Ценности культурных концептов проекта являются наследием многовековой китайской культуры и представляют собой модель мирного развития и процветания будущего для стран, находящихся в проекте. Иероглифический анализ подтверждает, что во многих концептах мы можем видеть отражение традиционных ценностей китайской культуры, среди них: стремление к гармонии, к изобилию, выгоде и обогащению, к обучению.

Иероглифический анализ позволил нам выделить аксиологические особенности концептов, выделить их цивилизационную связь с традиционной культурой Китая. Так, идея концепта «мирного сотрудничества» (和平合作 *hépíng hézuò*) заключается в гармоничном взаимодействии, которое нацелено на равное вложение сил в работу и развитие проекта «Один пояс – один путь». Гармония является одним из основных концептов в рамках проектной международной деятельности, современной китайской дипломатии, культурной политики и т. д. Концепт «открытость и толерантность» (开放包容 *kāifàng bāoróng*) означает открытость как освобождение, как жизненную силу, направленную на изобилие и принятие. Концепт «взаимовыгодные и взаимовыигрышные отношения» (互利共赢 *hùlì gòngyíng*) несет в себе смысл извлечения выгоды как морального блага, материальный достаток приравнивается к гармонии, также делается акцент

¹富 // Словарь Синьхуа. URL: xh.5156edu.com.

на обоюдном и взаимном выстраивании выгодных отношений. Концепт «взаимного обучения» (互学互鉴 *hùxué hùjiàn*) нацелен на обоюдное изучение нового в разных областях, а также на исследование и углубление знаний.

В концептах построения «сообщества единой судьбы» (命运共同体 *mìngyùn gòngtóngtǐ*), «общности интересов» (利益共同体 *lìyì gòngtóngtǐ*) и «общности ответственности» (责任共同体 *zérèn gòngtóngtǐ*) Китай упорядочивает структуру проекта, где все участники связаны общими интересами,

обязанностями, имеют общую судьбу, общее предназначение, данное судьбой, действуют в согласии. Данные концепты отражают такие конфуцианские традиции, как соблюдение норм морали, согласие, а также следование принципам человеколюбия, справедливости, честности и ритуала. Кроме того, в концепте «сообщество единой судьбы человечества» мы видим трансфер ценностей на глобальный уровень, а также определяем ценностную составляющую концепта, как транслирующую видоизменение мирового порядка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Оганесян А. Л. Китайская модель мирового порядка: множественность ценностно-концептуальных основ и политические перспективы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2022.
2. Цзи Юэшэн. Внешняя культурная политика Китайской Народной Республики в условиях глобализации: дис. ... канд. полит. наук. М., 2017.
3. Ли Сыци. Исследование внешнеполитического дискурса Китая // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92). С. 201–204.
4. Хань Чжэнь, Чжан Вэйвэнь. Система китайских ценностей. М.: Весь мир, 2020.
5. Кравцова М. Е. История культуры Китая. СПб.: Издательство ПЛАНЕТА МУЗЫКИ ; Лань, 2011.
6. 核心价值观概论 / 李明著。 - 北京 : 人民日报出版社 · 2013 = Ли Мин. Введение в основные ценности. Пекин: Жэньмин жибао, 2013.
7. Сыма Цянь. Исторические записки: («Шицзи»): Т. VII. Пер. с кит., предисл. Р.В. Вяткина, коммент. Р. В. Боткина, А. Р. Вяткина. М.: Восточная литература РАН, 1996.

REFERENCES

1. Oganessian, A. L. Kitajskaya model' mirovogo poryadka: mnozhestvennost' cennostno-konceptual'ny'x osnov i politicheskie perspektivy' = The Chinese model of the world order: the multiplicity of value-conceptual foundations and political perspectives: abstract of PhD in Political Sciences. Moscow. (In Russ.)
2. Ji, Yuesheng. Vneshnyaya kul'turnaya politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki v usloviyax globalizacii = Foreign Cultural policy of the People's Republic of China in the context of globalization: PhD in Political Sciences. Moscow. (In Russ.)
3. Li, Siqi. (2022). A Study of China's Foreign Policy Discourse. Political linguistics, 2(92), 201–204. (In Russ.)
4. Han, Zhen, Zhang, Weiwen. (2020). Sistema kitajskix cennostej = The system of Chinese values. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
5. Kravczova, M. E. (2011). Istoriya kul'tury` Kitaya = Chinese cultural history. SPb.: PLANETA MUZYKI; Lan`. (In Russ.)
6. 核心价值观概论 / 李明著。 - 北京 : 人民日报出版社 · 2013. = Li Ming (2013). Introduction to Core Values. Beijing: People's Daily Press, 2013. (In Chinese)
7. Sima, Qian. (1996). Istoricheskie zapiski: («Shiczi») = Historical notes: ("Shiji"): in 9 vols. (Vol. 7). Moscow: Oriental literature, RAN. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасова Екатерина Игоревна

старший преподаватель

кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tarasova Ekaterina Igorevna

Senior lecturer

of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Humanities and Applied Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

27.09.2024
16.10.2024
21.10.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 13 (894)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 13 (894)**

Ответственный за выпуск

И. А. Семина

доктор филологических наук, профессор

Executive editor

Irina A. Semina

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Редактор: В. А. Геронимус

Верстка: А. В. Алымов

Разработка макета: А. В. Алымов

Editor: Vasilii A. Geronimus

Layout: Andrey V. Alymov

Layout design: Andrey V. Alymov

Подписано в печать 12.12.2024

Усл. печ. л. 20,8.

Формат 60x90/8

Заказ № 99/24

Signed for print: 12.12.2024

Conventional printed sheets: 20,8

Layout format 60x90/8

Order 99/24

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

© FSBEI HE MSLU, 2024

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».